

Виктор Тура.

Из родников
жизни

Виктор Тура

Изродников
жизни

Литературно-критические
очерки

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964.

В. В. Гура хорошо известен как один из исследователей творчества М. А. Шолохова. Он автор первого библиографического справочника (1950), монографии

(1955, 1960) и семинария (1958, 1962) по Шолохову, книги «Русские писатели в Вологодской области» (1951), критико-биографического очерка «Евгений Пермяк» (1962), статей и исследований о В. И. Красове, П. В. Засодимском, В. А. Гиляровском, о писателях-современниках. Критик выступает на страницах центральной печати, в журналах «Москва», «Октябрь», «Наши современники», «Вопросы литературы».

В эту книгу вошли очерки о писателях земли Вологодской, черпающих вдохновение из живительных родников жизни. Критик рассказывает о росте талантливой писательской молодежи, о пути поэта к зрелости, о сплав поэзии и жизни, идейности и художественного мастерства. Его привлекают проблемы преемственности поколений, творческих судеб писателей, связанных с жизнью народа.

I

ИЗ РОДНИКОВ ЖИЗНИ

1

Осенью 1960 года яркие многоцветные афиши — «Вологодские писатели в Москве» — извещали о выступлениях литераторов древнего русского города, приглашенных в столицу Союзом писателей РСФСР. Откровенно говоря, москвичи плохо знают вологодских писателей. Может быть, поэтому не очень схожно шли они на первые встречи. Но потом многие признавались, что были «поражены открытием»: в Вологде, оказываются, живут и работают достойные внимания писатели. У каждого из них свое лицо, своя индивидуальность, и черпают они вдохновение из родников жизни.

Заметный рост писателей в краях и областях, оживление их творческой деятельности, к чему так своевременно и горячо призывал Н. С. Хрущев, можно проследить и на примере вологодских писателей. Теперь и они особенно близко чувствуют локоть своих товарищей по перу. Об этом хорошо сказал на поэтической

дискуссии в Ленинграде Александр Решетов, выразив единство устремлений советской литературы «от Александра Твардовского до Саши Романова из Вологды».

В дни этой дискуссии вологодские поэты выступали в одном строю с поэтами Москвы, Ленинграда, Смоленска, Челябинска и других городов. Радостно было видеть Вологду в «поэтическом реестре» городов России. Правда, слава «песенного края» издавна установилась за Смоленском. Никто не оспаривает этого. Но вологжане — тоже песенный народ, и в этом они сродни смолянам.

В «Песнях русского народа» Соболевского широко представлен песенный репертуар вологжан. Народная устная поэзия навсегда запечатлела высокое патриотическое сознание северян, черпавших силу в связи со всем народом, в борьбе за единство русского государства.

Богата и самобытна культура русского Севера. Она и в замечательных памятниках деревянного зодчества, и в древнерусской живописи, в резьбе по дереву и кости, в изящной работе великоустюгских мастеров чернения, в искусных народных узорах вологодских кружевниц. Высокий художественный вкус северян наложил отпечаток и на словесное искусство. Вологжане усвоили и бережно сохранили многое из того, что русский народ создавал веками.

Значительная часть рукописей древней русской литературы была найдена в Кирилло-Белозерском монастыре, в том числе «Задонщина», написанная в подражание «Слову о

полку Игореве», многие летописные повести. С Вологодским краем связаны деятельность талантливого писателя своего времени Епифания Премудрого, письма Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, «Повесть о Савье Грудцыне», злая сатира на «царев кабак», известная под названием «Праздник кабацких ярыжек» или «Служба кабаку» и другие памятники древнерусской литературы.

В Вологде родился один из писателей XVIII века Михаил Муравьев, долго жил и работал Николай Остолопов, большое путешествие по Вологодскому краю совершил друг Радищева Петр Челищев.

Оживленной литературной жизнью жила Вологда в начале XIX века. Осенью 1809 года в столичных литературных кругах широко стали известны стихи «Видение на брегах Леты». Они ходили по рукам, вызывали шумные толки и разговоры. Но почти никто не знал автора этой едкой литературной сатиры. Он находился в те дни в родовом череповецком имении и очень просил своего приятеля никому не показывать этих стихов. Но Гнедич не выдержал наказа и прочел стихи на ближайшем же собрании Оленинского кружка. Имя автора «Видения» — Батюшкова — широко стало известно в литературных кругах. Прошло время, и Белинский назвал Батюшкова «учителем Пушкина».

Другой наш поэт Василий Красов был, по словам Чернышевского, едва ли не лучшим, после Кольцова и Лермонтова, поэтом своего времени. В начале и середине века в Вологде жили и работали Вяземский, Нелединский-

Мелецкий, Измайлов, Надеждин, видный демократический деятель, критик и публицист Николай Шелгунов, бывали Короленко, Гаршин, Куприн, Воровский и Луначарский. Здесь прошли юношеские годы Гиляровского. На родине, вдали от петербургской суеты, легче работалось Засодимскому.

2

Великий Октябрь разбудил творческие силы народа, дал, по словам В. И. Ленина, прекрасный размах народному творчеству. «...Культурное творчество русского рабочего правительства, — писал М. Горький в 1918 году в обращении «К трудовой интеллигенции», — совершаясь в условиях самых тяжких и требуя героического напряжения энергии, постепенно принимает размеры и формы, небывалые в истории человечества».

Как и по всей стране, культурная революция началась и в Вологодской губернии. Крупные изменения происходили в народном образовании, издательском и библиотечном деле. Ценные собрания книг в барских усадьбах становились достоянием народа. В Вологде открылась Публичная библиотека, на базе мелких национализированных типографий возникло Северное отделение Госиздата, стал доступен широким массам городской театр, издаются массовые газеты «Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов», а затем «Красный Север», «Наша война», «Северная беднота», спланивающие вокруг себя первые литературные силы области.

Со страниц вологодских газет не сходили стихи, басни, фельетоны самого в то время популярного народного пролетарского поэта Демьяна Бедного, печатались подписи к плакатам В. Маяковского, пламенные публицистические статьи Ем. Ярославского, А. В. Луначарского. Тянулись к творчеству и широкие массы трудящихся.

Вскоре после революции вернулся в родные края и стал пробовать свои силы в поэзии грязовецкий крестьянин Анатолий Субботин. С исследованиями по истории русского искусства, с рецензиями и статьями о театре и литературе выступал Иван Евдокимов, с первыми драматическими произведениями — Степан Лунин. В газете «Наша война» напечатал свое первое стихотворение Иван Молчанов. Называлось оно — «Даешь, Архангельск!» Вологодские газеты охотно представляли свои страницы для стихов и песен красноармейцев и крестьян.

Время было тяжелое. Шла гражданская война. Молодая Советская республика защищала свой Север. Иван Евдокимов, работавший тогда в Молочном институте, не раз выступал в солдатских аудиториях, в институте народного образования, в Пролетарском университете. Он так вспоминает об этих днях и о своей работе:

«Три раза в неделю тащился я в Вологду на институтских клячах читать лекции, добывать продовольствие в губпродкоме... В кармане — кусок хлеба.., на ногах грандиозные продранные валенки, на плечах ветхая шубенка... Дьявольский холод и голод!..

Ночами довольно много писал.., сотрудничал в местной прессе, рецензируя книги и журналы, помещая статьи по литературе, театру, искусству... Вся эта работа приносила некоторое удовлетворение».

Первой писательской организацией в Вологде было отделение Пролеткульта. Молодые поэты, входившие в него, как и их московские собратья, искренне воспевали революцию, выражая в патетических гимнах радость трудового народа, добившегося освобождения. Стихи пролеткультовцев часто были оторваны от жизни. Торжественные декларации, космические образы мешали правдивому живому изображению революционной борьбы народа.

Александр Германов, стоявший тогда во главе Вологодского объединения пролетарских писателей, так заканчивал свое стихотворение с характерным названием «Пришествие»:

Оглашая изумленный мир
Восторженных песен звоном,
Неудержимо карабкаемся
на вершины
недосягаемых крутизн...
О, прими нас, прими
В свое благословенное лоно,
Всеблагая, Всемогущая Мать — Жизни!

Большое влияние оказывали на литературную молодежь губернии В. Казин, С. Обрадович, Н. Ляшко, не раз приезжавшие в Вологду.

Литературная обстановка первых лет Советской власти была необычайно сложной и пестрой. Пролетарские писательские организации соседствовали с остатками декадентских

литературных группировок, чуждых новому искусству течений. Не обошли Вологду и футуристические влияния, сказавшиеся в газете «К мировой коммуне», издаваемой местным отделением РОСТА. Увлекались еще и поэтами эго-футуриста Игоря Северянина, связанного с Череповцем (там он учился в реальном училище). В Вологде нашел приют поэт Алексей Ганин, издавший здесь несколько сборников стихов. В Вытегре угрюмой одинокой жизнью жил «певец мистической власти земли» Николай Клюев. Печать декаденщины лежала на многочисленных сборниках стихов Сергея Сtribожича, изданных в Вологде («Озимь», 1917; «Солнечный путь», 1919; «Береста», 1919).

К 1919 году относится попытка литературной богёмы оформиться в новое литературное течение — имажинизм. Один из участников этого течения Алексей Ганин издает в Вологде книгу стихов «Мешок алмазов» (1921) с посвящением Сергею Есенину, проникнутую отчаянием и безысходностью.

Идейно-художественное размежевание писателей не приостановилось и после гражданской войны. На литературном фронте шла острая классовая борьба. В это трудное время партия совершала поворот к новой экономической политике, укрепляя в процессе мирного хозяйственного строительства диктатуру пролетариата, союз рабочих и крестьян.

Сложность экономической и политической жизни страны не могла не отразиться на литературе и искусстве. В 20-е годы наблюдается, с одной стороны, бурный рост передовых

сил литературы, становление нового социального искусства, а с другой — усиление буржуазных течений и влияний. Борьба этих двух направлений сказалась и в литературной жизни Вологодского края.

Лучшие силы пролетарских писателей объединяются вокруг газеты «Красный Север», редактором которой с весны 1921 года становится Анатолий Субботин, принимавший активное участие в литературной жизни в воспитании молодых литераторов. «Красный Север» сплачивает вокруг себя рабкоров и селькоров, видя в них, как и указывала партия, «резервы, откуда будут выдвигаться новые рабочие и крестьянские писатели».

В Вологде издаются многочисленные партийные, комсомольские и литературно-художественные журналы «Звезда Севера», «Красная молодежь», «На грани», «Карусель», «Красные всходы», литературно-художественные сборники («На помощь»), стремившиеся «к объединению и поддержке литературных сил губернии, выявлению скрытых в народе литературных дарований и содействию их развития в духе мировой революции».

Вливаются в литературу свежие молодые силы, многие из них — от сохи и станка. С 1923 года на страницах местных журналов печатает свои стихи партийный работник, а впоследствии известный критик Марк Серебрянский. Осенью 1925 года появляется в Вологде устькубинский батрак Константин Коничев, один из самых активных селькоров «Красного Севера», и издает здесь первую книгу рассказов «Тропы деревенские» (1929). Вместе с К. Ко-

ничевым в Вологодской совпартшколе учиться вожегодский крестьянин Александр Тарасов, публикующий свои рассказы на страницах местных газет и альманахов.

С первыми книгами стихов выступают Анатолий Пестюхин («Тундра», 1926; «Бронепоезд», 1927), Борис Непеин («Брызги», 1927; «Под красной звездой», 1929; «Северный ветер», 1930), Сергей Панкратов («Звездные берега», 1924; «Огни», 1924), Дмитрий Герасичев («Юность и борьба», 1921), Анатолий Субботин («Ливень, 1921; «Алое», 1921) и другие.

Многие стихи и рассказы вологодских поэтов и прозаиков были еще незрелыми, лишенными художественной яркости, но для творчества большинства характерна искренняя любовь к молодой советской Родине, к своему краю, вступающему в новую жизнь, ощущение органической связи с революцией.

К 1925 году литературные силы края раскололись. Вологодская ассоциация пролетарских писателей (АПП) создала в марте свою группу «Борьба». В нее вошло свыше тридцати начинающих литераторов из среды рабочей и крестьянской молодежи. Активное участие в организации этой группы принял Марк Серебрянский, а после его отъезда — Владимир Ситов и Борис Непеин. «Борьбисты» стали издавать свой литературно-художественный альманах «Зарницы».

Почти одновременно с «Борьбой» возникла группа «Спайка», примыкавшая к московскому «Перевалу». Группа эта издавала литературный сборник «Северный альманах». Во главе «северных перевальцев» стал А. Пестюхин,

известный впоследствии под псевдонимом Анатолий Ольхон.

Литературные группы, по словам К. Коничева, сначала «уживались вполне», печатали произведения друг друга в своих альманахах, выступали в «Золотом якоре» на литературных вечерах, имели в «Красном Севере» свои литстраницы. Но обострившиеся вскоре литературные бои резко разделили писателей «Борьбы» и «Спайки».

Московские «перевальцы» направили в Вологду свою делегацию в составе Э. Багрицкого, А. Воронского и др. Глава этой группы А. Воронский доказывал на литературных вечерах, что пролетариат не в состоянии создать своей литературы, навязывал вологодским литераторам свои «теории» интуитивности искусства.

Пролетарские писатели не остались в долгу и дали бой А. Воронскому. В 1926 году они вызвали большую группу московских поэтов, в которую вошли Александр Жаров, Иосиф Уткин, Иван Молчанов и др. Возглавлял эту группу критик И. Гроссман-Рощин. С успехом выступали они перед молодежными аудиториями, горячо встречавшими своих пролетарских писателей.

3

Советская литература закалялась в борьбе против безыдейного искусства и выходила на дорогу социалистического реализма. Рамки существовавших литературных организаций становились узкими, тормозили размах художественного творчества, писатели все больше

сплачивались вокруг задач социалистического строительства. В этих условиях партия решила объединить всех литераторов, поддерживающих платформу Советской власти, в единый Союз советских писателей.

В конце 1929 года Вологодская губерния вошла в состав Северного края. Переместился в Архангельск и центр литературной жизни. Там был создан Северный оргкомитет Союза советских писателей, начал выходить журнал «Звезда Севера», объединивший литературные силы в бывшей Вологодской губернии.

В Вологде возникают литературные объединения вокруг газет «Красный Север» и «Тяговик», в Педагогическом институте. С этим временем связано начало литературной работы Александра Яшина — председателя Вологодского оргкомитета Союза советских писателей, Николая Тошакова, издавшего свою первую повесть «Учитель». В Вологде работает Леонид Мартынов. Второй родиной становится Вологодский край для Павла Кустова, известного книгой стихов «Налив» (1930).

25 мая 1935 года в Архангельске открылся Первый съезд писателей Северного края. В центре внимания съезда были сборник стихов Александра Яшина «Песни Северу» и книга К. Коничева «Лесная быль». Литературным силам края большую помощь оказали тогда Алексей Сурков, Александр Прокофьев, Артем Веселый, Иван Молчанов и другие московские и ленинградские писатели.

Тридцатые годы ознаменовались большим творческим подъемом советской литературы. Воодушевленные пафосом социалистического

строительства, писатели создают книги об индустриализации и коллективизации страны. Об этом же пишут и молодые вологодские литераторы.

«Через свой родной Север, — вспоминает А. Яшин, — мне легче было почувствовать мощь нашей великой Родины и ее великого русского народа». Участие поэта в коллективизации, строительстве новой жизни в деревне определяло тематику его первых стихотворений («Рапорт с просек», «Выходим в поле», «Льнозавод», «Колхозная осень»). Знакомство с трудом и бытом вологодских рабочих приобщило А. Яшина к теме индустриального труда (поэма «Высокое доверие»). Преобразования родного края волнуют поэта. Ростки социалистического сознания, радость людей, строящих новую жизнь, он несет в свои стихи:

С восходом над полями — перестуки:
Мы сортируем на гумне овес,
А рядом кузница... И вот, когда мороз —
Мы бегаем, у горна греем руки.
Здесь строится теперь большой совхоз,
А был когда-то монастырь «Прилуки».
По-новому живут и радуются люди.
Наш долг — ускорить оборот земли.
Мы в эту жизнь веселость принесли,
Мы бодростью заполнили груди.

На страницах «Красного Севера» активно сотрудничал в эти годы Леонид Мартынов. Поэт вспоминает, что вся атмосфера предвоенного десятилетия заставляла его, как и многих других художников слова, обращаться к героическому прошлому: «Оказавшись в первой половине 30-х годов на севере России — в Ар-

хангельске, Вологде и Ярославле, я как-то особенно ощутил эту взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего... Я ощущал прошлое на вкус, цвет и запах, я чувствовал, что надо выразить все эти ощущения, осознать их творчески и в конце концов таким образом освободиться от них, чтобы вернуться к образам современности».

По дорогам героического прошлого поэта вела любовь к русскому народу, к мудрым умельцам, борцам «за свое Лукоморье, за свое счастье». Поэт зовет к себе в дикий заснеженный Эрцинский лес, встречает таинственные пожары рассветов над старым седым городом, воспеваает всезнающую, мудрую природу. Леонид Мартынов все чаще сбрасывает со своих стихов фантастические одеяния, все глубже приобщается к темам и проблемам современной жизни («Кружева», «Вологда»), к народным мотивам, к образам современников, к реалистически зримым деталям окружающей его новой жизни. Героиня стихотворения Л. Мартынова «Кружева» так разговаривает с читателем:

— Кружева мои те же самые, те же самые,
Что и девушки и молодухи. Не склевали наш лен
воробушки!
Не склевали лен черны вороны, разлетелись они во все
стороны!
Кружева плету я снова. Вот он свиток мой льняной,
Я из сумрака лесного, молода, встаю весной.
Я иду! Я — на рассвете!
Встретьте девицу-красу
В Кружевецком сельсовете, в древнем
северном лесу!

Рядом со стихами Леонида Мартынова, Александра Яшина, Бориса Непеина, Павла Кустова печатались, начиная свой путь в литературу, молодые поэты. Среди них перед самой войной выделялся голос белозерца Сергея Орлова («Приглашение на Север», «В жару растенья никнут»).

Особенно широко охватывала советская литература бурные процессы социалистического преобразования страны, становления новой жизни в деревне. Значительные перемены в быту, в сознании крестьянства художественно самобытно удалось раскрыть Александру Тарасову. Его повести «Анна из деревни Грехи», «Крупный зверь», «Охотник Аверьян» находят дорогу к широкому читателю.

Черпая для своих повестей материал из жизни вологодской деревни, Александр Тарасов особо пристальное внимание обращал на сложные процессы внутреннего мира своих героев, на те психологические перемены, которые происходили в душе крестьянина. Александр Тарасов раскрывал не только острые классовые столкновения (повесть «Крупный зверь»). Обновление жизни деревни, перемены в сознании человека писатель видел через личные взаимоотношения героев, в психологически тонко развернутых переживаниях Никиты и Анны, Аверьяна и Настасьи, Ловера и Онисима. В основе его повестей — динамика развертывания характера простого человека, всего богатства его чувств, душевных движений, переживаний.

Большие преобразования в деревне привлекают внимание и Константина Конищева. Он

начинает работать над циклом рассказов и очерков о людях больших дел. Его рассказ «Зоолог» получает высокую оценку А. Серафимовича. Дорога К. Коничева в литературу оказалась значительно сложнее, чем дорога его товарища — Александра Тарасова. Многим из первых книг К. Коничева («По следам молодости», «Лесная быль», «Боевые дни» и др.) не суждено было жить самостоятельной жизнью. В них еще сказывалась селькоронская «скоропись», отсутствие литературного опыта, который трудно накапливался писателем. Но книги этих лет становились основой будущих работ К. Коничева. Из них вырастали и «Деревенская повесть», и «К северу от Вологды». В предвоенные годы начата была и «Повесть о Федоте Шубине», открывшая цикл исторических повестей о талантливых людях Севера.

Перед самой Отечественной войной А. С. Серафимович прочитал главы из «Деревенской повести» К. Коничева. «Пиши, — говорил он, — получится хорошая документальная повесть. Это же история вологодской деревни. Люди прочтут с интересом».

«Деревенская повесть» выросла со временем в большой бытовой роман о нищенской жизни, патриархально-жестоком быте дореволюционных крестьян, живших к северу от Вологды. Писатель страстен, публицистичен там, где он четко раскрывает классовое размежевание сил в деревне, социальные противоречия, рост революционных настроений. Судьбы села запечатлены в пережитых автором ситуациях, в конкретных человеческих судьбах.

К. Коничев предстал в «Деревенской повести» как талантливый бытописатель северной деревни. Его бытовые сцены и картины этнографически точны и художественно самобытны. Труднее давалось мастерство художественного синтеза. Уходя от случайных деталей, К. Коничев поднимается до значительных идейно-художественных обобщений.

Писатель рос в богатой среде народной словесности, впитывал ее с молоком матери. Отсюда неповторимый северный колорит «Деревенской повести». Песенные страницы, местные народные реченья, остроумные присловья, прибаутки, до слез смешные сцены в соседстве с горестно драматическими ситуациями органично вошли в повествование.

Размах социалистического строительства в Северном крае привлекает внимание столичных писателей. Летом 1934 года Илья Эренбург собирает материал в Архангельске, Великом Устюге, Нюксенице, Тотьме, Вологде для романа «Не переводя дыхания». Из Вологды в мае 1935 года начал свое северное путешествие Михаил Пришвин, написавший цикл очерков «Берендеева чаша». Стихотворение «Завод на Сухоне» о Сокольском бумажном комбинате опубликовал Иван Молчанов. С очерком «По родимой стране» выступил А. Серафимович, отмечавший знаменательные перемены в жизни Вологодского края.

4

В годы Великой Отечественной войны советские писатели вместе со всем народом встали на защиту своей Родины. В рядах бойцов

находились и писатели-вологжане. В воинских частях, оборонявших Вологодскую область, началась фронтовая жизнь Константина Конищева. В боях морской пехоты на Балтике участвовал Александр Яшин. На Ленинградском фронте воевал с фашистами танкист Сергей Орлов. В самом начале Отечественной войны погиб талантливый писатель - вологжанин Александр Тарасов.

Литературная жизнь в области, однако, не прекратилась и в годы войны. Начинающие авторы публикуют на страницах «Красного Севера» патриотические стихи, очерки и рассказы о мужестве тружеников тыла, о подвигах вологжан на фронте. В 1941 и 1942 годах выходят литературно-художественные сборники «В бой за Родину». В Вологду вскоре прибывает группа ленинградских писателей — прозаик Леонтий Раковский, поэт Сергей Красовский, критик Виктор Бакинский. Они активно сотрудничали в местной печати, вели большую общественную работу.

В 1944 году возвращается из армии в родную никольскую деревню Александр Яшин и создает яркий поэтический сборник «Земляки» (1946). В Белозерске в это время Сергей Орлов пишет стихи, вошедшие в его книги «Третья скорость» (1946) и «Поход продолжается» (1948).

В. Маяковский писал, что «если мы воюем, мы должны четким образом определить свою литературную линию, как линию публициста в первую очередь». Эта «линия публициста» и стала основой патриотической лирики военных лет. Чувства священной любви к Родине и

активной ненависти к фашистскому врагу объединяют поэтов разных поколений. И А. Яшин и С. Орлов рисовали образ защитника Родины, советского воина. Лучшие стихи поэтов стали своеобразной летописью всенародного мужества. Неистребимая народная вера в победу навечно вписана в эти стихи, рожденные суровой атмосферой военных испытаний.

О чем бы ни писали в годы войны и А. Яшин и С. Орлов, образ Родины, образ их родной северной, лесной и озерной стороны, зримо вставал в стихах. Любовь к родной земле-матери, чувства кровного родства с теми, кто кует победу своим трудом, вливали в поэзию живительные соки, рождали вдохновенное слово. «Родимая российская земля» дышит в стихах А. Яшина «былинной силой»:

Ах, родина, лесная сторона!
Как все твое предельно стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна...
Война все чувства наши обострила.
Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны,
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!..
А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И вот, пока все это пред глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам,
Не умру!

Отчий дом, озерные просторы родной стороны незабываемы в самые суровые дни танковых боев и для С. Орлова. Дорога для его героя к родной Шексне лежит через «запад

горевой», идет «сквозь смерть и дым кудлатый, через трехсотый бой». И поэт верит, во имя Родины

Он все пройдет: сквозь воды,
Огни, сквозь всю войну,
Вернется из похода
На светлую Шексну.

Книга стихов А. Яшина о родном колхозе — одно из первых ярких поэтических свидетельств трудных будней села грозных военных лет.

А. Яшин трогательно пишет о заблудившейся в лесах родной деревне, о ее людях — заботливом председателе в военной гимнастерке, труженице Алёне Фоминой, подростках, убирающих урожай, крестьянке Настасье, в трудные для Родины дни приобщившейся к коллективному труду, учителе-фронтовике, урок которого, затаив дыхание, слушают малыши-школьники. В далеком Блуднове не гремели орудийные раскаты, не мяли посевы вражеские танки:

Но на какой дороге слезы
Осенним утром не лились,
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

Истоки поэзии А. Яшина еще до войны ухдились своими корнями в народную устную поэзию северян. «Мне посчастливилось, — вспоминает поэт, — с детства познакомиться с богатым русским фольклором, и не из книг, не из лекций и сборников ученых-фольклористов, а, так сказать, из первоисточников. Сказочки в избушках на дальних сенокосах, на охот-

ничьих привалах, в лесозаготовительных бараках не заставляли долго себя упрашивать. Более того, они считали своим долгом дать уставшим людям «культурный отдых» и поздним вечером рассказывали или напевали свои неторопливые складные песни с продолжением до тех пор, пока не засыпал последний труженик... Сказочные образы детства навсегда связались в мсем сознании с тем огромным новым, что принесла в северную деревню Советская власть».

Особенность поэзии А. Яшина, ее своеобразие — в той песенной напевности, мелодичности, в свойственной народу мягкой лукавинке, тонкой шутке-хитринке, которые черпались из самых недр народной поэзии. Интерес поэта к мотивам народных заповок и частушек, к «сказочным образам детства» переплетается в поэзии А. Яшина с живым интересом к современности, к людям сегодняшнего дня. Создавая образы тружеников земли, поэт охотно опирается на богатые традиции народной поэтики, творчески преломляя их через призму современного видения жизни.

В самом конце войны А. Яшин начинает работать над повестью в стихах «Алена Фомина». Он подолгу живет на Никольщине, вникая в детали нового быта колхозной деревни. Образ крестьянки, труженицы советского села давно волновал поэта. Торжество нового в сознании, в духовном облике женщины Яшин подметил во многих своих стихотворениях. В повести ему удалось создать развернутый характер мужественной женщины-патриотки, показать становление Алены Фоминой как та-

лантливому народному организатору, выросшему за годы социалистического преобразования и ставшего во главе колхоза в трудные военные дни.

Вступив в литературу задолго до начала Отечественной войны, Александр Яшин обрел поэтическую зрелость именно в годы военных испытаний. На полях сражений за Родину в это время уже росло, уверенно заявляло о себе новое поколение советской поэзии. Его голос мужественно прозвучал сразу же после войны.

Среди тех, кто «порохом пропахнувшие строки из-под обстрела вынес на руках», был и Сергей Орлов. Тетрадь написанных им на фронте стихов, ставших основой книги «Гретья скорость», действительно была вынесена из боя друзьями поэта.

Строки этой книги пропитаны солью боев, мужеством жарких схваток с врагом, дыханием танковых атак. Боевые марши, гром артиллерийской подготовки, трудные переправы, бои за безымянные высоты, за клочки «снарядами взрытой земли», прощания с погибшими на мгинских болотах боевыми друзьями, короткие минуты отдыха в прокуренных блиндажах, у разожженных в поле костров — обо всем этом душевно и мужественно, по своему сочно рассказано в стихах Сергея Орлова. «Третья скорость» — своеобразная поэтическая летопись героических фронтовых будней. Недаром «Информбюро скупое сообщение о путь-дороге нашего полка» воспринимается поэтом, как великое, переживущее века творение.

С любовью к матери-России, встающей в лирике С. Орлова в живых образах родной стороны, поэт с боями идет через «всю вселенную», «по лону всей земли». Мавзолеем его герою, простому, без званий и наград, солдату, — вся Вселенная. Мудрая философия бессмертия воина, отстоявшего мир, святая правда века, выливается в чеканные строки:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков...

Мысль поэта достигает высокого накала, несет яркий свет философских раздумий о мире и мироздании, о величии человека, о гуманистической сущности его деяний. Поэт славит Человека, отдавшего жизнь ради торжества правды на земле, ради будущего Мира. В стихотворении «У сгоревшего танка» он пишет:

На кострах умирали когда-то
Ян Гусс и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно, —
Здесь погодки мои
За великую Правду
В огне умирали!

День победы поэт встретил вдалеке от своих фронтовых друзей, на родном Белом озере.

«Ни одна травинка не колыхалась, — вспоминает он, — река и озеро сливались с чистым небом — так было тихо. Вместе с встающим солнцем из озера пришла лодка. По воде далеко слышно, и до нас долетел приглушенный дально крик с лодки: «Эй, что вы сидите! Кончилась война!» Мы глянули на огромное солнце за лодкой, не смежая век, и заплакали, не потому, что на солнце нельзя смотреть без слез».

С. Орлов не раз писал о радости Победы, возвращения к миру, но лучшими остаются строки, написанные еще в августе победного 1945 года:

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди,
И взгляд испуганю при встрече
С его лица не отводи.
Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Мужественное, лирически искреннее дарование С. Орлова крепчало с каждой новой книгой («Радуга в степи», «Городок» и др.). И в мирные дни поэт обрел свое место в общем строю созидания. Его стих, как всегда, живет горячим дыханием жизни.

Вологодские поэты и прозаики не были организационно объединены ни перед войной, ни в годы Великой Отечественной войны. Но их творческие поиски шли в русле основных исканий советской литературы.

Первые годы после окончания войны были для вологодских литераторов временем «собираения сил», трудного рождения новой писательской организации. Приходят с фронта Сергей Викулов и Валерий Дементьев. Их стихи вскоре появляются на страницах газеты «Красный Север», единственного тогда печатного органа в области. В Великий Устюг возвращается молодой прозаик Николай Угловский, полный впечатлений о минувшей войне. С рассказами и очерками выступает журналист из Шолы, большой знаток родного края Виталий Гарновский. Новые книги стихов готовит в Череповце поэт Павел Кустов.

Особенно активно росла в эти годы литературная молодежь в Вологодском педагогическом институте. Здесь учились Сергей Викулов и Валерий Дементьев. Публиковал свои басни студент Александр Власов, начинал писать стихи Александр Романов, с критическими статьями выступал Александр Липелис. Выявляются способные люди в районах области — Валентин Сорокин, Николай Матвеев.

Среди первых книг, изданных в Вологде после войны, были сборники стихов Сергея Викулова «Завоеванное счастье» (1949) и Валерия Дементьева «Заре навстречу» (1949). Они положили начало выпуску книг молодых авторов. Повести Н. Угловского «Наступление продолжается» и «Огни в Снежном», книги рассказов В. Гарновского «Полесники у костра», «В краю лесов и озер», сборники басен А. Власова, книги стихов В. Сорокина «Сча-

стве», С. Викулова «Хозяева земли» и «Новый берег», В. Дементьева «Мои односельчане», А. Романова «Признание друзьям» — таков далеко не полный перечень работ вологодских писателей за первые послевоенные годы. Ежегодно начинают выходить литературно-художественные сборники («Родная сторона», «Северная новь», «На родных просторах»), а затем и альманахи «Литературная Вологда», страницы которого широко открываются для молодых авторов.

В сентябре 1949 года по инициативе обкома КПСС созывается первое областное совещание молодых писателей, на которое съехались начинающие литераторы со всей области. Было создано литературное объединение, во главе которого стал поэт Сергей Викулов. Значительно активизировали литературную жизнь и три других областных совещания молодых писателей (1950, 1955, 1960 годы). Большую помощь литературным силам области оказали Александр Яшин и Константин Коничев, Сергей Орлов и Сергей Антонов, Михаил Дудин и Сергей Марков.

Вологодские писатели вышли на страницы журналов «Нева», «Октябрь», «Москва». В Москве издается книга избранных стихотворений Павла Кустова, сборники стихов Сергея Викулова «Заозерье» и «Хорошая будет погода», Аркадия Сухарева «Опять весна», А. Романова «За морем березовым», И. Тихонова «Северянка», повесть Николая Угловского «Огни в Снежном», Ольги Фокиной «Сыр-бор», в Ленинграде — «Лесные рассказы» Виталия Гарновского.

Союз писателей РСФСР включил вологодских писателей в литературную жизнь страны. Активнее стали участвовать вологжане в творческих делах Союза. Наши поэты хорошо работали на смоленском поэтическом семинаре. Большая группа вологжан была замечена на семинаре писателей в Ярославле. Вологжане участвовали в работе писательских съездов, в дискуссии «Поэзия и современность», в совещаниях молодых писателей.

За последние годы из среды вологодских литераторов приняты в члены Союза писателей СССР Павел Кустов, Сергей Викулов, Валерий Дементьев, Виталий Гарновский, Александр Романов, Николай Угловский, Аркадий Сухарев, Василий Белов. За эти же годы не прекращается приток молодых литературных сил.

С первыми книгами выступают поэты В. Белов, Б. Чулков, В. Коротаев, А. Каютина, Н. Матвеев, прозаики Н. Задумкин, В. Амосов, Б. Ромодин, критик В. Пудожгорский. В июле 1961 года в Вологде открывается отделение Союза писателей РСФСР.

6

Пафос литературы наших дней становится зримее в соотношении с этапами ее предшествующего развития: как и какие особенности характера советского человека запечатлены тогда и теперь, какие перемены произошли в самой жизни, чутко ли восприняты они и достаточно весомо и прочно закреплены в художественных образах?

Отмечая преемственность идейно-эстетических позиций, нельзя не видеть и новых закономерностей современной литературы, обогащенной жизнью наших дней. Духовная насыщенность времени вызывает интенсивное развитие личности, рост гражданского самосознания, нравственное, эмоциональное обогащение советского человека.

Плодотворные попытки запечатлеть эти процессы наблюдаются во многих произведениях. Правда, декларативность и схематизм в изображении положительного героя еще не преодолены даже в лучших книгах.

Жизненной необходимостью, одной из насущных практических задач советских писателей становится воспитание осознанного понимания политики партии, ее борьбы за формирование нового человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью. Общественно преобразующая, воспитательная роль советской литературы в современных условиях развернутого строительства коммунизма неизмеримо возрастает.

«Советская литература и искусство, — говорил Н. С. Хрущев на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, — призваны воссоздать в ярких художественных образах великое и героическое время строительства коммунизма, правдиво отразить утверждение и победу новых коммунистических отношений в нашей жизни. Художник должен увидеть положительное, радоваться этому положительному, составляющему существо нашей действительности, поддерживать его и в то же время, разумеется, не

проходить мимо отрицательных явлений, мимо всего того, что мешает рождению нового в жизни».

За рубежом, как известно, наши недруги и сейчас не перестают твердить, что «вмешательство» партии в литературные дела неблагоприятно, дескать, скажется на развитии советского искусства. Ветер времени легко рассеивает этот лай недругов. Большой наш литературный караван неуклонно идет вперед вместе с партией. И верным компасом ему служат проверенные в литературных схватках, сохранившиеся в незапятнанной чистоте принципы партийности и народности советского искусства.

Наши дни полны бурных общественно-политических событий, связанных с подъемом промышленности и сельского хозяйства. Памятны нам и первые заметные успехи тружеников Вологодской области, особенно успехи череповецких строителей и металлургов, успехи в животноводстве и льноводстве.

Не были в стороне от этих многотрудных дел своих земляков и вологодские писатели. Их публицистическое слово все чаще раздавалось со страниц газет. Очерки о лучших тружениках нашего края были взяты на вооружение и стали одним из жанров оперативного вмешательства в жизнь. Читатели обратили внимание на очерки А. Романова и Н. Угловского. Один день северной деревни, новые приметы в ее внешнем облике зарисовал А. Сухарев. Не обходя трудностей, встающих на пути преодоления перед отстающими колхозами, С. Викулов в очерке «Поднимающий «Красное зна-

мя» создает образ настоящего руководителя коллективного хозяйства, преодолевающего ог- ставание вместе со всеми колхозниками. С завидной журналистской оперативностью ра- ботает в жанре очерка и Иван Полуянов.

Откликаясь на актуальные проблемы жизни области, вологодские писатели задушевно бе- седуют со своими читателями, вторгаются в повествование. Пафос их раздумий — вера в своих героев, несущих обновление жизни. Пи- сатели активнее, чем когда-либо, стремятся выразить свое отношение к современным про- блемам общественной жизни. Публицистиче- ское слово становится важным оружием, пуб- листический талант таким же значительным явлением, как и талант художественный. «Подобный талант, — писал В. Г. Белин- ский, — не есть что-нибудь особенное, исклю- чительное, случайное. Нет, такие таланты так- же естественные, как и таланты чисто худо- жественные. Их деятельность образует особую сферу искусства, в которой фантазия является на втором месте, а ум — на первом».

Публицистическая окрашенность очерков вологодских писателей идет от стремления от- крыто выразить свои позиции в борьбе за но- вого человека, за торжество социалистических идеалов. И все-таки разведчикам-очеркистам еще не хватает той яркости, которая ставит очерк на уровень значительного, художествен- но зрелого произведения.

Вологодские писатели живут среди людей, с которых пишут. Их тяга к творчеству рож- дена связью с жизнью, ощущением своей не- разрывности с народом. Многие из писателей

только еще вступают на литературную дорогу, но за плечами старшего поколения уже довольно значительный и часто не легко пройденный путь. Один из старейших литераторов Виктор Гроссман подошел к художественной прозе уже обогащенным большим литературоведческим опытом. Его исследования 30-х годов и сейчас известны среди специалистов. Много лет писатель отдал изучению личности и творчества А. С. Пушкина и теперь завершает давнюю работу над двухтомным романом о нем — «Арион».

К старшему поколению принадлежит и Виталий Гарновский. Книга его стихотворений «Море и корабли» вышла в Ленинграде еще в 1926 году. В. Гарновский пробовал свои силы в разных жанрах, шел к литературной зрелости трудной дорогой исканий. Прочно связав свою жизнь и творчество с людьми и природой Белозерья, Гарновский нашел себя в жанре короткого рассказа и от книги к книге накапливал мастерство («Полесники у костра», 1950; «В краю лесов и озер», 1952; «Лесные рассказы», 1952; «Рябчик-рябушка», 1956; «Белозерье», 1959).

Случилось так, что у самых истоков этой работы Виталия Гарновского встал большой мастер слова, человек, влюбленный в русскую природу, Виталий Бианки. Чувствуя в первых же рассказах, охотничьих быватьщинах начинающего писателя много общего со своей влюбленностью в природу, в живое русское слово, Виталий Бианки не только дружески поддерживал В. Гарновского в самом начале его работы. Зрелый мастер вел младшего ли-

тературного брата за собой, был первым читателем, первым редактором его рассказов, искренне радовался, что скоро «наша художественная литература обогатится новым славным именем».

Виталий Бианки внимательно, страница за страницей, просматривал охотничьи рассказы В. Гарновского, вошедшие позже в книгу «Полесники у костра». «Большинство Ваших рассказов, что у меня хранятся, — писал Бианки Гарновскому, — содержат в себе настоящие дива. Разве не диво Крестовый камень, снежная метелица, разражающаяся над тем злым человеком, который рубит на оглобли черемуху в цвету? Или хорь, который ведет «за ухо» курицу на потеху своим детям, или Егор Храбрый — мастер медвежей охоты? Все, о чем Вы повествуете в этих рассказах, достойно удивления, вызывает удивление — и может происходить только в романтической, охотничьей Стране Див».

Еще в книге охотничьих рассказов «Полесники у костра», рождавшейся под взыскательным наблюдением Виталия Бианки, В. Гарновский обнаружил себя как писателя, тонко и поэтично воспринимающего природу, подмечающего ее прелести и секреты. Не редкий гость в его бывальщинах, рассказах, легендах и человек. Раскрывая будничные труд простых, духовно богатых, влюбленных в природу людей, писатель видит их в активном отношении к жизни. Среди созданных В. Гарновским уже в это время образов особой удачей отмечена фигура охотника-полесника Африкана, скрепившего целый цикл рассказов («Маремь-

яна-полесница», «Егор бесстрашный», «Пирог для всех», «Африкановы заботы», «Крестовый камень»).

Но В. Гарновский создает не только охотничьи быватьщины и поэтические зарисовки природы. Со временем в центре его рассказов все крупнее становится фигура человека в его взаимоотношениях с природой. Эти рассказы написаны в мягких лирических тонах, сочным языком, богаты живыми шуточными интонациями, по-народному мудрыми наблюдениями.

Высоко оценивая итоговую книгу В. Гарновского «Белозерье», критики отмечали, что автор ее хорошо знает народную жизнь и глубоко чувствует природу. «Его маленькие рассказы — их в книге около семидесяти, — писал В. Лидин, — полны живого чувства жизни, в них много зорко подсмотренного и хорошо услышанного. Характеры простых людей, русское народное искусство и все, что составляет особенность родного края, влечет к себе Гарновского. Он влюблен в свой край... В каждом рассказе Гарновского ощущаешь его любовь к родной природе и особенно к народу».

Цикл рассказов «Люди Белозерья» выделяется из этой самобытной книги. Поэзия трудовых будней, трогательное участие самого писателя в судьбах его героев, простых, честных тружеников, показ неодолимости всего доброго в жизни, зоркое видение природы — все это делает книгу Гарновского примечательным явлением в литературе. Творческая удача писателя весьма показательна. Самобытность его рассказов рождена на путях связи с народной жизнью.

Новая книга В. Гарновского «Нечаянное путешествие» (1961) и сборник рассказов «Песня над рекой» (1962) написаны в привычной для писателя манере. Автор их, правда, чаще сбивается на зарисовки отдельных событий и случаев. Уходя от углубленного раскрытия сложных жизненных ситуаций и человеческих судеб, он скорее описывает своих героев, чем создает живые характеры.

Красота природы родного края, поэзия тайн его необъятных лесов влечет к себе не только Виталия Гарновского. Совсем недавно в наш коллектив вошел молодой талантливый писатель Иван Полуянов, автор многих книг для детей («На лесном кордоне», «Хозяин Огненного бора», «Лесной теремок», «Рога Мелуря», «Дочь солдата», «Барабанички весны»). Он пишет о самых маленьких северянах — смелых, настойчивых, трудолюбивых, щедро открывает читателям жизнь северных лесов, «кладовую» природы родного края.

Детство писателя прошло в глухой, затерявшейся в лесах за Сухоней вологодской деревушке. Тогда и полюбил он суровую природу родного края, жадно «прочитывал», как самую интересную книгу, живые страницы жизни, впитывал ее запахи, зорко вглядывался в ее неброские, но по-своему яркие краски, чутким сердцем прослушивал каждый, самый невнятный звук, «незнаемый» шорох дремучего леса, живущего своей, еще полной для человека загадок жизнью.

Вологжане долгие годы не знали И. Полуянова как певца их родной природы. Между тем, один из первых же его рассказов «На

тетеревином току» был примечен читателями-архангелогородцами, достойно оценившими наблюдательность, влюбленность в природу молодого автора, сочность его красок, гуманистичность его позиций. У Полуянова, как и у старшего собрата по перу Гарновского, зоркий глаз натуралиста. Он схватывает то, мимо чего часто проходишь, не замечая. Мало того, писатель поэтически осмысляет виденное, открывает красоту казалось бы самого обычного явления. Он улавливает эту поэзию в звуках лесного концерта, в медово пахучем цветении ели, в стремлении к жизни солнечного цветка — одуванчика, пробивающего асфальт. Стоит чуткому читателю войти в книгу Ивана Полуянова «Лесной теремок», и он откроет для себя целый мир поэзии природы. Книга таких сочно написанных коротких рассказов Ивана Полуянова о природе — «Лесная почта» (1960) вышла и в Вологде.

Поэтическое осмысление родной природы органично входит и в сюжетные рассказы И. Полуянова — о делах его основных героев, деревенских ребят. Писатель умеет найти верную интонацию для душевного разговора с ними, показать любознательность, добрые поступки и светлые мечты, романтическую жажду открытия нового, познания жизни, ради активного воздействия на неё.

В книге «Лесная почта» есть рассказ «Сухона-река». Его герой, школьник, приехавший на каникулы в родные края, плывет на плоту по Сухоне вместе со своими товарищами и бывалым дедом Клеменюхой. Мальчик завороженно слушает рассказы деда. Он зачарован

красотой северной реки, ему жаль расставаться с нею. И засыпая у рыбацкого костра, мнится ему сказочная Золотая рыбка. Он спрашивает:

«— Говори, что тебе надобно? Все исполню, что прикажешь.

Огнем сияют плавники и частая чешуя. Я сквозь сон шепчу:

— Ничего мне не надо, Золотая рыбка, когда есть на свете Сухона-река!»

Со страниц книги «Кирик и Аленка» (1962) вновь встают образы юных друзей писателя, дети разных характеров и судеб, не только мечтающие о подвиге, но и свершающие их. Это книга о маленьких по возрасту, мужественных и сердечных людях. Оставаясь верным себе, Полуянов окрашивает повествование щедрой любовью к своим юным героям. Он верит, из них растут достойные своих отцов «люди больших дел».

Книга И. Полуянова «Кирик и Аленка», думается, знаменует начало нового этапа в работе писателя, его тягу к темам и проблемам наших дней. Сейчас он работает над большим романом о современности.

Наиболее, пожалуй, активно из всех вологодских прозаиков вторгается в жизнь сегодняшнего дня Николай Угловский. Первая его повесть «Наступление продолжается» (1950) в свое время оценивалась как заметный успех молодого, только что вступавшего в литературу писателя. Но Угловский как-то сразу исчерпал этой повестью весь запас военных впечатлений, трудно искал и свою тему, и средства ее художественного раскрытия. Это и

сказалось на повестях «Снова в строю» и «Огни в Снежном», не отмеченных печатью яркой индивидуальности.

Рассказы и очерки Угловского «Верное решение», «После бюро», «В колхозе», раскрывавшие сложные процессы в жизни послевоенной деревни, подготовили повесть «У нас на Севере» (1959), где писатель впервые остро поднимал проблемы партийного руководства делами северных колхозов. Повесть эта во многом явилась для Угловского как писателя шагом вперед. Он овладевал законами многопланового повествования, глубже стал раскрывать характеры, проникать в психологию своих героев. Удаются ему здесь и пейзажные картины родного края.

В языке этой книги, к сожалению, еще не редки литературные штампы, трафареты. В ней мало «светящихся» слов, запоминающихся образных деталей. Языковая бесцветность повести связана с тем, что писатель не обогатил свою палитру живыми красками, меткой самобытной народной речью. Именно на этом пути предстояло обрести Николаю Угловскому свою неповторимую писательскую самобытность.

В повести «Подруги» (1962) Н. Угловский опять ставит насущные для нашей деревни вопросы, рассказывая о приходе в колхоз городской молодежи, не скрывая и тех трудностей, с которыми она сталкивается здесь. Правдиво изображая жизненные процессы, Н. Угловский ограничивает себя описанием частных явлений, отдельных случаев в судьбах своих героев. Ему не удается стать на путь широких

обобщений в художественно крупных характерах.

Проблемы воспитания сельской молодежи, раскрытые теперь в острой драматической форме, ставятся и в новой повести Угловского «Обида» (1963). Честолюбивый, только что покинувшей стены средней школы Валентине Лесуковой доверили в совхозе освоение доильного аппарата — «елочка». Вокруг первых ее успехов в этом деле поднимается парадная шумиха на весь район. Слава передовика-новатора быстро вскружила голову самоуверенной, склонной к зазнайству, расчетливой девушке. Лесукова уже не думает об успехе общего дела, отталкивает от себя людей, заинтересованных в нем. Ее чувствами и поступками руководят теперь карьеристские цели, жажда славы. Конфликт в ее душе осложняется личной обидой, эгоистической любовью к нечистоплотному, избалованному женским вниманием карьеристу Светозарову. Одинокая, обиженная, движимая мстительным чувством Лесукова делает ошибку за ошибкой, бросает ферму, уходит в город.

Тот же Светозаров, а вместе с ним и те, кто поднимал шум вокруг успехов молодой доярки, ищут уже «других маяков». Один из героев горячо говорит о людях типа Светозарова:

«—Какой-нибудь бездушный и черствый, но сноровистый и ловкий «процентовик» годами сидит у руля и числится в номенклатуре, а коллектив его не любит и не уважает, и ему горя мало, что не уважает, лишь бы начальство одобряло. Он думает, что коллектив для того и создан, чтобы им командовать, а то, что

он веру в справедливость и живую душу у людей убивает, — на это ему наплевать...»

Писатель обеспокоен воспитанием у молодежи уважения к труду хлебороба, высокой ответственности за свое дело. Он видит, что люди, которым суждено стать сельскими маяками, человечески не безлики, что и «у маяков разные характеры». При чутком подходе и Лесукова не поступила бы так опрометчиво.

Верно ставя жизненные проблемы на свежем современном материале, сам писатель, однако, не обнаруживает той чуткости к «диалектике души» человека, которой он так активно добивается от черствых, равнодушных людей. Угловский старательно описывает состояние человека, но не проникает в мир его сложных, нередко противоречивых душевных движений. Банально схематические характеристики обедняют его героев. Не логика развития характера, а заданность автором чувств и поступков выдвигаются на первый план. Повесть, к тому же, написана в уже ставшей для Н. Угловского привычной «манере» бесцветного языкового штампа («Он сам писал лозунги и плакаты, руководил репетициями драмкружка, по поручению парторганизации выпускал боевые листки и «тревоги», посвященные завершению подготовки к севу», «на днях производственное управление спохватилось и предложило Светозарову показать для колхозов образец передовой агротехники льна, для чего следовало засеять этой культурой двести гектаров»).

Николай Угловский уже не один год работает в литературе, и читатели вправе ожидать

от него более активного овладения новыми художественными высотами.

За эти годы успела вырасти целая группа молодых прозаиков, совсем недавно только пробовавших свои силы в трудном жанре рассказа. С поэтическими «Елегонскими славутницами» выступила Лидия Лысухина, с рассказом «Хлеб» — Валентин Амосов. Две книги разных и по тематике, и по художественному уровню рассказов издал Николай Задумкин («Половодье», «Соседи»). Упорно работал в жанре рассказа Борис Ромодин, выпустивший первую книгу «Человек не сдается» (1963). Щедро раскрылось в прозе незаурядное дарование Василия Белова, известного вологжанам по стихотворной книжке «Деревенька моя лесная». Опубликованная им на страницах «Нашего современника» повесть «Деревня Бердяйка» привлекла внимание широких читательских кругов.

Если у Н. Задумкина интереснее выписаны рассказы из деревенской жизни, в которой он зорким глазом журналиста умеет подметить наиболее характерные явления, то Б. Ромодин пишет преимущественно о городской молодежи. Его рассказы привлекают психологически детальной обрисовкой характеров, умелой подачей настроения, «подтекста». Правда, чаще этот «подтекст» — печальный, грустный, минорный. Ромодина влекут приземленно бытовые темы, чем-то надломленные люди. И это не может не вызвать желания посоветовать рассказчику взглянуть на жизнь шире, радостнее, увидеть и в буднях героический пафос. Автору рассказа «Генка» хочется напомнить

очень верные слова нашего земляка, писателя Петра Куракина: «Мы научились любить жизнь такой, какая она есть, научились, не хныкая, преодолевать все препятствия на нашем пути. Научились не плыть по течению, а активно вмешиваться в жизнь и переделывать ее. Мы научились мужественно переносить все невзгоды и лишения и не терять присутствия духа даже тогда, когда велики были потери». Такое отношение к жизни, думается, характерно не только для поколения Петра Куракина, но и для нашей современной молодежи, которую изображает Б. Ромодин.

Поэтическая сочность письма, самобытность языка, чуткость к художественной детали — все это есть у самого молодого вологодского прозаика Василия Белова. Сдержанно, неторопливо рисует он будничную жизнь современной северной деревни, тщательно выписывает детали сельского быта. Искренняя, а потому особенно трогательная застенчивость, замеченная еще у Белова-поэта, сказалась и на его прозе, которую можно назвать поэтической, настолько ощутимо в ней поэтическое видение жизни.

Первые итоги своей работы в прозе Василий Белов подводит книгой «Знойное лето» (1963). В ней — одноименная повесть и десяток рассказов о сегодняшних буднях северной деревни, о поэзии души, о радостях и горестях ее людей. Молодой писатель вслушивается в биение сердец своих героев, ему близки и понятны их переживания, незаметные стороннему человеку, малейшие оттенки душевных движений, самые, казалось бы, будничные вол-

нения и мечты, за которыми встает большой мир богатой внутренней жизни советского человека.

Кажется, никаких значительных событий в рассказе «Люба-любушка» не происходит. Любушка занята обычными, однообразными, изо дня в день повторяющимися заботами и делами в колхозе. Восход за восходом катится к осени девичье лето, отцветает и увядает земляника, проходит сенокос и уборка, а мир для героини Белова остается полон «глубокой сладкой тоски», радостного ожидания счастья, чистой любви. Но человек проходит мимо ее большого чувства, уходит из деревни. Надолго затерялись его следы на выпавшем поутру снегу, чья «первородная чистота была похожа на Любину любовь».

Особенность писательской манеры Василия Белова — избегать острых характеристик, броских красок, резких столкновений. Неторопливость, сдержанность чувств рассказчика, внешняя его бесстрастность, скупость красок в изображении неброской северной природы, скромных, медлительно гордых тружеников-северян, не оставляет читателя равнодушным. Писатель незаметно, исподволь включает его в раздумья над судьбами своих героев, заставляет проникнуться их чувствами и переживаниями. Он любит этих людей без крика, не показной шумной любовью, а душой. Его привлекает внутренняя красота простого человека, его духовное обаяние, моральная цельность, человеческая добросовестность, чувства большой ответственности перед самим собой и перед другими людьми.

Рассказы В. Белова гуманистичны, богаты жизненными наблюдениями, зорко подмеченными оттенками, психологическими деталями. При всей бесстрастности повествовательной интонации, позиция автора, влюбленного в своих героев-тружеников, ощутима во многих рассказах («Клавдия», «Прежние годы», «Скворцы», «Люба-любушка» и др.). Вместе с тем В. Белов суров, даже безжалостен к слабостям и порокам своих героев («Три часа сроку», «Колоколена»).

Молодой прозаик в полемике увлекается изображением жизни с нарочито неблагоприятными или пассивно-нейтральными концовками, отказывается от крепкой сюжетной организации повествования. Ему не всегда удается отобрать из жизни наиболее существенные, достойные художественного обобщения ситуации и характеры. Изображение серой повседневности захлестывает писателя. Особенно эти слабости ощутимы в последних «Сельских рассказах» («В лесу», «Дожинки», «Вовка-Сатюк», «День за днем»).

Василий Белов еще ищет себя. Сильные стороны его дарования уже и теперь оставляют уверенность, что у молодого писателя есть все возможности вырасти в значительного художника.

7

Поэты составляют основной отряд вологодской писательской организации. И все они — разные, каждый прокладывает свою дорогу, утверждая свою творческую индивидуальность. Особенно широкое призвание завоевала

поэзия Сергея Викулова. Успех этот дался ему нелегко. Он упорно работал, преодолевая просчеты первых книг, настойчиво, как и другие вологодские поэты, искал своего героя. Он не устал изучать то, что особенно его волновало — жизнь современной деревни. Частый гость в колхозах, поэт внимательно вглядывался в жизнь, радостно отмечая все новое в ней:

С. Викулов не только раскрывал разные грани своего лирического дарования. Начиная с лирической поэмы «В метель», в его поэзии все крупнее вставал образ человека нелегкой судьбы. Он не устал писать о важности труда хлебороба, о сложностях послевоенного становления колхозной жизни, о людях, выраставших в борьбе за свое трудное счастье (поэмы «По праву земляка», «Трудное счастье», «Преодоление», «Окнами на зарю» и др.). Всем своим творчеством последних лет поэт доказывает плодотворность поисков поэтической выразительности на самом свежем современном материале.

Иными путями к изображению своего героя шел Аркадий Сухарев. Первая его книга «На подступах» вышла в Москве в самом начале 30-х годов, почти одновременно с первыми стихотворными сборниками Я. Смелякова и Б. Ручьева. Критик А. Селивановский называл эти книги «поэтическим дневником молодого человека периода социализма». И вот теперь А. Сухарев, вернувшись к поэзии, от которой отошел более чем на четверть века, в книгах стихов «Опять весна» (1960) и «Пульс» (1962) вновь заговорил о рабочей гордости

своих ровесников, о радости переделки ими мира, о росте сознания рабочего человека, рождении нового социалистического характера.

Подобно тому как С. Викулов и А. Романов черпают вдохновение в труде хлеборобов, рисуя простых тружеников земли, так А. Сухарев отдает свои поэтические симпатии заводским рабочим, строителям, землекопам, мастерам промышленного труда.

Хорошая стихотворная техника, свой мир поэтических образов, особенно близких рабочему человеку, выделяли А. Сухарева среди его литературных сверстников. Улавливая ритм сегодняшней поэзии, он начинает совмещать с ним свой пульс, искать более емкие художественные формы, не теряя давно обретенного своеобразия, идущего от видения жизни через «индустриальные» образы.

В поэме «Любовь бригадира» А. Сухарев сталкивает носителей патриотического, творческого труда и труда ремесленного, корыстного, потребительского. Поэт славит творческий труд, как труд души, сердца, труд одухотворенный, имеющий высокие общественные цели, связывающий героя с коллективом, его социалистическими устремлениями.

Крепко сделаны А. Сухаревым стихи «Московское время», «Новоселье», «Болотная ягода», «Кружева», главы из поэмы «Землекопы». Но именно — «сделаны». У поэта часто берет верх накопленное им поэтическое ремесло, его стихи нередко рассудочно холодны, лишены большого чувственного накала. А. Сухарев, в отличие от других вологодских поэтов, сдер-

живает свой лирический пафос, приглушает сердечные раздумья «о времени и о себе», не доверяет читателю самых сокровенных мыслей и чувств.

Заметно окрепло за последние годы дарование Александра Романова. Поэт, пристальнее вглядываясь в жизнь, находит самобытные поэтические образы и краски для раскрытия образов своих современников.

Радуют первыми поэтическими удачами молодые стихотворцы Борис Чулков, Ольга Фокина, Василий Белов, Виктор Коротаев. Книгу юмористических и сатирических миниатюр «Знаем вас!» (1963) издал Олег Кванин. Николай Матвеев — автор уже двух поэтических сборников для детей «Книжка-малышка» (1958) и «Лапки-царапки» (1963). В Москве и Вологде за последнее время увидели свет около десятка стихотворных сборников вологодских поэтов. «За морем березовым» и «Семизвездие» Александра Романова, «Пульс» Аркадия Сухарева, «Сыр-бор» Ольги Фокиной, «Яблоко от яблони» Бориса Чулкова, «Сигнальный огонь» Анатолия Гусева. В коллективном сборнике молодых поэтов «Крылья крепнут в полете» впервые выступили рабочий Герман Крутов, учительница А. Каютина, военнослужащий Леонид Беляев.

Вологодские поэты — лирики по своей «строчечной сути». О чем бы ни писали А. Романов, О. Фокина, Б. Чулков, Г. Крутов, А. Каютина, они пишут о любви к Родине, к своему краю, к его людям.

Любовь к Родине, как и всякая настоящая любовь, чувство многогранное, интимное,

лирически искреннее. Его трудно выразить словами, затертыми частым употреблением. Истинная любовь не терпит пышных, цветистых, красивеньких слов, она — в делах человека, не отделимых от дел Родины. Так и воспринимается пронизанная этими искренними чувствами книга Ольги Фокиной «Сыр-бор». Стихи поэтессы — строки ее молодой биографии, с очень личным отношением к земле, нежной любовью к природе, большими дочерними чувствами к родной матери и отцу. Стихи эти прошли через ее сердце и со всей юношеской непосредственностью выплеснулись на бумагу, волнуя своей изначальной свежестью и чистотой. В стихах Фокиной, очень доверительных по интонации, бьется нежная песенная душа человека радостно, по-народному влюбленного в жизнь. Только так, через сердце, и можно увидеть подлинную красоту северной природы:

Двое над обрывом стоят:
Темная, осанистая елка,
Подальше от края — елка-мать,
Держит за подол свою девчонку,
Пушистую,
Ершистую,
Ту, что к самому краю
Подбежала, играя,
И притихла на краю,
Свесив ноженьку свою...

Стихи Фокиной рождены большой любовью к родному Северу. Она дышит ветром полей, запахами леса, слышит говор северных рек, неторопливую окающую речь земляков, открывает не только для себя, для всех — самородок чудо-родины своей. Самая озорная, среди стол-

лившихся на небе звезд, сорвалась, упала в середину тусска, полного живительного березового сока («Весенняя сказка»), и поэтесса зовет испить эту красоту вместе с нею:

Я завтра в эти края сорвусь,
Сорвусь, как звезда падучая,
Я в сладкий березовый сок окунусь,
Как в средство самое лучшее
От всех пороков
От всех уроков.
Я к милым березкам щекой прижмусь,
Туесовый целуя краешек...

Не переставая быть личными, стихи Фокиной наполняются большими чувствами и мыслями человека нашего времени. Может быть, в этом органичном сплаве личного и общего сила поэзии Фокиной. В ее книгу «Сыр-бор» вошла небольшая поэма «Черемуха». Отец как-то увидел в лесу малютку-черемуху. Шальной ручей обнажил ее корни. Отец не мог оставить в беде черемуху, разрыл талую землю и осторожно принес кустик в фуражке, посадил у дома. Растить деревцо довелось дочери. Отца не стало, не вернулся он с войны. Как память об отце сберегла дочь выросшую в трудные дни, израненную ровесницу свою:

Те шрамы — знаки мужества и силы,
Святая память отгремевших дней.
...Спи, мой отец!
Цвести по всей России
Раскидистой черемухе твоей.

Наш народ идет одной дорогой, к одной цели, но у каждого человека жизненная дорога складывается по-своему, у каждого своя

личная биография. Как бы скромна она ни была, она вписана в биографию века, связана с судьбой Родины. Мы современники не только потому, что живем в одно время, но и потому, что живем этим временем, дышим им. Наши чувства и мысли связаны с нашим временем, нас объединяют общие цели — труд во имя Родины, во имя цветения родного края. Емкое чувство любви к Родине нельзя вот так просто отделить от других человеческих переживаний. Вот почему лирика вологодских поэтов наполняется размышлениями об истинно социалистическом гуманизме, о счастье человека, о радости созидания.

В том и признание подлинного художника, чтобы превыше всего ценить и пробуждать в человеке его достоинство, осознание им силы коллектива, уверенности в праве на яркую жизнь, на активное участие в ее преобразовании. Любовь к Родине, если ее понимать глубоко, не может мириться с тем, что ответственность за большие и маленькие дела будет перекладываться на другие плечи. Ей совсем не обязательно ждать каких-то героических времен. Наши сегодняшние дни только внешне будничны, а по своему пафосу, по своим устремлениям, целям, по своей напряженности — героичны.

В самой обычной работе, скажем, в труде доярки, каменщика, учителя — разве здесь нет героики, романтики? Разве здесь может работать человек с холодной кровью? Труд этих людей, если он честный, добросовестный, если хотите, вдохновенный, — разве он не во имя Родины нашей? Радость творчества способен

испытать только человек, влюбленный в свой труд, знающий ему истинную цену! Класть кирпичи в фундамент того дела, имя которому — коммунизм — в этом общее счастье людей, строящих сообща одно здание.

Красоты родной земли, ее неповторимые для души русского человека прелести, милые березки и еще что-то другое, каждому чем-то по личному близкое, всегда привлекательно в русской патриотической поэзии. Мы помним и ценим превыше всего кровное родство свое со всем строем нашей жизни. Жить под ее чистым небом, дышать ее свежим воздухом — большое счастье. Его не только ценить надо, его надо преумножать. Героем такой патриотической лирики всегда будет честный труженик, наш современник. И долг настоящего поэта (не пустозвона, а гражданина!) искренне слить с ним свои чувства.

Вологодские писатели еще в большом долгу перед своими земляками. Не создано до сих пор ни одного зрелого драматургического произведения, увидевшего сцену областного театра, мало ярких очерков о наших достижениях. Медленно растут ряды литературных критиков. Столкнувшись с трудностями, некоторые из них уходят из горячего «критического цеха» или работают не в полную меру своих сил.

Впереди у вологодских литераторов — напряженная работа над повышением идейно-художественного уровня своих книг. Без упорства и напряжения не может быть, как известно, успеха и в литературе. Только активное вмешательство в жизнь, умение разглядеть в ней новое, передовое способно обогатить

творчество молодого писателя, поднять его на уровень современности.

У советской литературы богатые реалистические традиции. Ей есть на что опереться. Сейчас, когда в мире идет непримиримая борьба разных идеологий, особенно остро встает вопрос об идейных позициях художника. Партия призывает советских писателей четко определить свои позиции в этой борьбе, быть ее опорой, ее верными солдатами. В доверии и заботе, требовательности и доброжелательности партии советские писатели, в том числе и писатели-вологжане, черпают новые силы, видя высший долг — в служении своему народу и его великому делу.

ПУТЬ К ЗРЕЛОСТИ

1

На десятки километров тянется Кубенское озеро. У его берегов — большое торговое село Новленское, где прошла юность Ивана Евдокимова, за Сямой — родина «дяди Гиляя», а впереди — край лесов и озер. В сочной зелени — белые старинные монастыри, вздернутые к небу купола церквей, доживающие свои последние дни допотопные деревянные шлюзы с перекинутыми через них лобастыми мостками. И вот открывается Белое озеро — края ему не видно, где-то далеко в дымке тонет его чаша. И оттого ли, что в раннее утро впервые видишь у озера умытый солнцем маленький древний Белозерск — ярко и радостно на душе.

Когда-то, «в незапамятном детстве раннем» этот город «сказкою о царе Салтане» впервые открылся с косогора Сергею Орлову.

Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы.
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.
Тихий город мой, в зорях алых
Щедро ты мне дарил открытья.
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я...

Теперь по тихим улочкам Белозерска водил нас Сергей Викулов, показывал древние соборы, поднимал на крепостной вал, подмечал каждую мелочь. Взволнованно говорил он о своих земляках-хлеборобах, лесорубах, рыбаках — здесь прошла его юность. Здесь, в Белозерье, и родился он — в деревне Емельяновской.

И вспомнились первые встречи с поэтом. Сидел за экзаменационным столом человек, юность поколения которого закалялась в испытаниях Великой Отечественной войны, зрело рассуждал о поэзии, о судьбах русской литературы. Вместе со своими сверстниками он на войне проходил суровую жизненную школу, видел, как насмерть стоял у Волги советский солдат. Он сам защищал волжские рубежи и шел в Европу дорогами трудных побед, участвуя в боях за каждую пядь родной земли. За его плечами был жизненный опыт, но не было опыта литературного.

Сергей Викулов шел в поэзию не одиноко. Всюду после войны громко стучалась в двери литературы талантливая молодежь. Так было и в Вологде. Друзья поэта хорошо знают трудный его путь к зрелости. Еще школьником, до войны пробовал он писать стихи, но

на войне было не до поэзии. Первые поэтические шаги пришлось делать в послевоенные годы.

Отечественная война не стала временем рождения С. Викулова как поэта, но на полях ее сражений открывались глаза на жизнь, рождалось зрелое отношение к ней, крепла уверенность в своих силах, а вместе с нею и право рассказать о виденном и пережитом. Это о себе и о своем поколении мужественно писал Викулов в стихотворении «Однолетки»:

...Летела наша юность в конной лаве
На правый берег Одера-реки.
Пришли в Берлин, овеянные славой,
С победой наши грозные полки.
Испытанная партия недаром
На рубежах у волжских берегов
Нас ставила руками комиссаров
В железные ряды большевиков.

Будучи почти ровесником Сергея Орлова, С. Викулов, можно сказать, шел по стопам своего земляка, отстав от него с выходом первой книжки всего на три года. Приход молодого поэта в литературу был далеко не стремительным. В то время как Сергей Орлов и поэты его поколения (С. Гудзенко, М. Луконин, С. Норовчатов, М. Дудин) приносили в литературу свой чистый голос, Сергей Викулов только лишь брался за перо. Его во многом еще несовершенные опыты не шли дальше областной газеты.

Среди самых первых книг, увидевших свет в Вологде после войны, были и скромненько изданные тетради стихов С. Викулова «Завоеванное счастье» (1949) и «Хозяева земли»

(1950). Их не заметила критика, прошел мимо них и читатель. И все-таки этим книжицам суждено было сыграть свою роль в творческой судьбе молодого поэта. Они стали его «запевом», истоками пути в поэзию. В них заметно выделились искренние и задушевные стихотворения о родном Белозерье, о его тружениках, рыбаках и хлеборобах.

Еще мало у Викулова целиком удачных стихотворений, но мелькнет в одном из них отдельная деталь, и уже чувствуешь, что он знает цену поэтической живописи. Он видит, как «воробыи, промокнув от дождей, греются у пламени рябины», как «взмахнула зорями наступающая весна». Одинокий парус кажется ему *впечатанным* в горизонт. И вместе с этим образом перед глазами встают тихие озерные просторы. То тот же парус, «пересилив бури ярость, углами колет облака», — и перед глазами другая картина. А на закате, когда замирают крики чаек, его *гасят* натрудившиеся за день рыбаки.

Удача ждала С. Викулова там, где, может быть, только «прорезывалась», робко еще звучала своя лирическая интонация. Но тогда Викулов едва ли видел в этом свою силу. Не успев окрепнуть, он начал писать поэму с облегченными конфликтами. Его лирический голос сорвался, сбился на ложный пафос. У поэта еще не хватало воздуха, чтобы вздохнуть полной грудью.

Круты жизненные повороты, неожиданны порой ее изгибы, но молодой поэт проходил мимо них, а нередко закрывал глаза на истинные трудности и подлинные радости будней

послевоенной деревни, выдумывал далекие от жизни схемы и конфликты, припомаживал своих героев. От этого и голос его героя звучал иной раз фальшиво. Бездумной умиротворенностью, созерцательностью веяло от стихотворений «На берегу реки», «Вечер в деревне», «В кузнице», «Утро в колхозе». Художественный показ жизни подменялся пересказом, перечислением явлений, фактов, признаков.

Самой, пожалуй, ощутимой слабостью С. Видулова тех лет была вялость стиха, отсутствие четкой поэтической мысли, организующей его. Это была «езда со спущенными вожжами». Неоправданно затягивалось повествование, перегружалось привычными штампами, назойливо повторяющимися прозаизмами. Яркий поэтический образ явно не давался, не шел к поэту по-ученически скованному, а стилистическая небрежность основательно портила даже хорошо задуманные стихотворения.

В учебе и исканиях родилась третья книга — «Новый берег» (1952), приобщавшая поэта к тем проблемам и темам, которые волновали советскую поэзию. Всего два года отделяют «Новый берег» от первых книг С. Видулова, но это были годы возросшей требовательности молодого поэта к себе, годы освоения поэтического мастерства.

В стихотворении «Художник на земснаряде» поэт обращается к вечной теме искусства и действительности. Вслед за другими он повторяет давнюю истину, что наибольшей впечатлительности достигают не те художники, которые обводят контуры жизни, рисуя мертвые

пейзажи, а те, взоры которых обращены на человека. Сила искусства — в раскрытии человеческих характеров. Цель художника — запечатлеть великие дела простых тружеников. Это утверждение С. Викулова весьма знаменательно для его творчества. Оно — итог его размышлений и исканий. С. Викулов не только понял свою цель. В «Новом берегу» он делал первые серьезные попытки раскрыть образ современника.

Вот высохшая степная речка, глинистое дно ее взрывает мощный экскаватор. Кажется поначалу, что это опять очередное описание мощной техники, двинутой на Волго-Дон, что она опять заслонит человека. Но нет, словно свежий ветер врывается в стихотворение, и поэт меняет интонацию:

Сырого грунта гулкие шлепки,
Как взрывы бомб...

А на земле,
устало,

Тяжелые раскинув кулаки,
Спит мастер сменный:

знать, давно не спал он.

Как богатырь лежит он на спине.

И слышит все — и ничего не слышит...

Вот так же спят солдаты на войне

Меж двух атак, в недолгий час затишья.

Образ сменного мастера, чутко спящего у своего напряженно работающего экскаватора, поэту удалось зримо нарисовать потому, что он обобщил здесь живые жизненные наблюдения, согрел их человеческим чувством.

Искренняя заинтересованность в судьбах простых людей, лирическая взволнованность

автора — существенная особенность лучших стихов этого цикла — «На перекрестке», «Привезли арбузы», «Парикмахерша Тоня». Здесь перед нами живые люди, простые труженики с их чувствами и переживаниями.

Но поэт нередко забывал о человеке, увлекался описанием чисто производственного процесса («Фронт строительных работ», «Бетон идет!» и др.). В этих случаях эмоциональный тон его стихотворений бледнел, становился вялым, стих утрачивал душевную взволнованность, лирический голос поэта глохнул в общих фразах и невыразительных интонациях.

Риторичность, холодная рассудочность лежат в основе самой ритмической организации стихотворения «Фронт строительных работ». С. Викулов буквально декларирует:

И день, и ночь у Калача
Кипит работа, горяча.
Работа жаркая, как бой:
Ковши вгрызаются в забой,
Потом взлетают ввышину
И медленно плывут на тросах.
Тяжелый груз на тору бросят —
И снова падают ко дну...

От подобной обстоятельности и последовательности в описании строительства веет созерцательностью, а не глубоким проникновением в жизнь. Работа кипит, ковши вгрызаются в землю, потом взлетают вверх, медленно плывут на тросах, бросают груз на гору и потом снова вгрызаются в землю, а машины «все летят... с грузом», а строители все кладут бетон. И вывод: «быстро движется вперед весь фронт строительных работ». Картина далекая

от того, что мы называем поэзией труда! Поэтическое проникновение в тему подменено риторикой, бесстрастной описательностью. Рисуя «фронт строительных работ», поэт прошел мимо главного, мимо того, как в трудной борьбе формировались человеческие характеры.

Там, где властвует декларативная прямолинейность, поэт перестает мыслить художественными образами, риторика захлестывает его, губит даже отличный замысел. С. Викулов не находит емких и свежих поэтических образов, бросается в глаза бедность его поэтики («Кипит работа», «работа горяча», «работа жаркая, как бой»).

В книге «Новый берег» есть свои и отдельные неудачи, и серьезные поэтические просчеты. И все-таки для поэта эта книга — важный шаг вперед, шаг к зрелости.

2

В итоговом сборнике стихов — «Заозерье» (1956) поэт отказался от механического повторения ранних стихов. Он тщательно пересмотрел свой поэтический багаж и взял в дорогу то, что раскрывало сущность, направление его исканий. Поэтому большой цикл стихов «День начался» занял центральное место в «Заозерье». Свои эстетические позиции, взгляды на творческий труд С. Викулов поэтически декларирует в стихотворении «На костореза тонкую работу...» Поэт хочет постичь мастерство тонкой ювелирной работы костореза. Он восхищен трудолюбием, настойчивым

терпением, большим искусством народных умельцев, под резцом которых «оживают кружевом узорным и были и преданья старины». В этой тщательной и кропотливой отделке, шлифовке поэт видит родственное своему поэтическому труду, — без этого не может быть истинного создания искусства. Дивясь терпению костореза, он с завистью глядит и на кузнеца,

Чей грубый труд — поэзия железа —
В тяжелых взмахах и в поту лица...
Стремительны, уверенны и точны
Удары кузнеца...

Твердеет сталь!..
И вот уже сработанная прочно,
Звения,
на землю падает деталь.
И трудно это, кажется, и просто!..
Хотел бы я постигнуть до конца
И терпеливость резчика по кости
И вдохновенье кузнеца.

Размышляя о сущности искусства, о поэтической технике, поэт, казалось бы, ведет чисто профессиональный разговор. Но стихотворение наполняется особым смыслом потому, что поэтическая декларация порождена пониманием поэзии любого труда, уважением к человеку, прочно кующему свое счастье. Тонкая работа костореза и вдохновенье кузнеца одинаково нужны поэту, чтобы словом, в зримом поэтическом образе запечатлеть их же вдохновенный труд, их помыслы и дела, свою любовь к людям и к жизни.

Словно бы один день рисует С. Викулов, показывая его начало, будни, трудовой накал.

Но перед читателем прежде всего встают люди в их труде. Это — пастух Захар, бывалый рыбак дед Василий, вчерашний десятиклассник, идущий в колхоз, бакенщик — «транспорта речного рядовой», колхозные агрономы, плотники, простые хлеборобы, рыбаки-белозеры.

Главный же герой стихотворений С. Викулова — сам поэт. И чем сильнее звучит его голос, чем вдохновеннее выражены его чувства и переживания, чем шире его кругозор и весомее мысль, тем значительнее поэтические удачи поэта. Герой стихотворений С. Викулова — наш современник, участник больших дел, человек, глубоко заинтересованный в судьбах людей, живущий одним дыханием с ними. Он активно вмешивается в повествование. Вот он идет лугами, переходит речку, «за туман косяю острой задевая на ходу», видит, как чисто косят травы:

Машинист мне кепкой машет:
— Эй, пехота, не пыли! —
Парень хвастает сноровкой
Не напрасно, вижу — прав...
Пусть! И нам с тобой, литовка,
Разпуляться хватит трав!
Мы с тобой прокос положим
От куста и до куста,
Мы с тобой пробраться сможем
Через топкие места...

В этом стихотворении («Сенокос») герой не воспринимается как фигура контрастная по отношению к машинисту. Он радуется сноровке своего товарища, но он знает и цену труда тех, кого машинист дружески снисходи-

тельно называет «пехотой». Поэтому грубоватая, но душевная интонация, вынесенная в конец стихотворения, только лишь подчеркивает его поэтический смысл.

Очень часто герой С. Викулова, не отделяя себя от простых хлеборобов, говорит от их имени, радуется тому, что вместе с ними участвует в труде. В стихотворении «Стог» поэт рисует напряжение людей, стремящихся завершить стог до наступления дождя:

Крутоплечий, чтоб не промок,
Мы поставили ладный стог,
Вилы бросили и слегка
Причесали ему бока.
Сток, как башня, над лугом встал!
Гром над нами загрохотал.
Ливень хлынул, лужи звезда...
Мы не прятались от дождя!

Душевный подъем, взволнованность героя организуют стихотворение, придают ему то поэтическое своеобразие, которое позволяет говорить, что стихотворение написано одним дыханием. А строка: «Мы не прятались от дождя!» — это резкий выдох, еще больше передающий удовлетворенность героя вовремя сделанной работой.

Герой С. Викулова активен и в тех стихотворениях, которые поначалу воспринимаются лишь как пейзажные зарисовки. Стихотворение «На лугу» хочется привести полностью:

Как хорошо остановить машину,
Распрячь коней — пора и отдохнуть, —
Присесть под куст и к горлышку кувшина
Губами пересохшими прильнуть,

Напиться всласть — а квас и злой и крепкий! —
И добрым словом помянуть жену.
Потом прилечь, на лоб надвинув кепку,
И долго-долго слушать тишину.
А тишина, как марево, густая;
Стучат в траве кузнечики, и ты
Следишь с улыбкой, как шмели, летая,
Считают уцелевшие цветы.
Здесь столько ими собрано нектара!
И хочется участливо сказать:
Спешите же: осталось два гектара.
Вот отдохну — и буду запрягать.

Это — не обычный пейзаж. В образе героя раскрыты по-настоящему большие чувства, психологически тонко передано ощущение человека, испытывающего усталость от полезной и нужной работы. Он хорошо потрудился, и потому ему особенно приятен короткий отдых. И радостно видеть цветение жизни вокруг, и хочется участливо сказать шмелям, чтобы они тоже спешили: время не ждет, трава будет скошена! Поэт нигде не сфальшивил здесь, никого не призывал в ударном порядке завершить страдную пору. Он воплотил свои мысли в поэтические образы, раскрыл чувства героя, его настроения. Основной поэтический заряд вложен в финальные строки стихотворения. Они неожиданно озаряют и пейзажную зарисовку, и сам образ героя светом поэтической мысли и от того все стихотворение метко стреляет в цель.

Герой С. Викулова не пассивный созерцатель жизни, умиляющийся красотой родного края, настойчивыми в труде и искренне радостными в веселье людьми. Живая мысль, страстность, активное отношение к жизни уво-

дят поэта от поверхностной описательности, шедрые цвета и краски расцвечивают рисуемую картину, делают ее зримой.

Неярко весеннее солнце, холодны северные ветры, поэтому поздно цветет черемуха, несмело расправляет «белые ладошки». И когда раскрывается ее цвет, в грудь черемухи неожиданно с разлета ударяет верховой ветер:

Ударит, скомкает, закружит,
Дождем холодным обольет...
А поглядишь:

 она на стуже
Еще неистовой цветет!
Она цветет. Не гнется к низу,
А спорит с ветром в высоте.
Цветет,
 упрямая,

 как вызов
Оранжевой красоте!

Поэт умеет передать красоту напоенной жизнью северной природы. Именно здесь проявляется у него поэтическое видение мира, возникают свои свежие образы. С. Викулов видит, как весело стучит по лужам «дождик озорной и тонконогий», как на новой колхозной стройке «тесанные желтые стропила подпирают неба синеву». Еще только «взмахнула зорями наступающая весна», а поэт уже знает, что скоро тронутся в рост озимые и «запахнет дымком бензиновым за околицей ветерок». А вот уже и трактор пашет, «вспашку проверяя, ходит грач за ним по борозде».

Настойчиво ищет С. Викулов свою «поэтическую манеру». В этих поисках творческого своеобразия особенно значительна его поэма

«В метель». Тематически она перекликается со стихотворением — «Дом покинуть не спеши». Там требовательно и вместе с тем задушевно поэт разговаривает с юношей, вступающим в жизнь, говорит с ним о важности труда хлебороба. Здесь он рисует образ человека сложной судьбы, уже познавшего жизнь. Степан Завьялов показан как раз в то время, когда он покидает родной дом, свою мать, бежит из колхоза в город. Тяжело у него на душе, больно ему за свой поступок, трудно разговаривать с матерью, с друзьями, а еще труднее думать о том, что сослуживцы осудили бы его за бегство, за отступление перед трудностями. Он делил раньше с ними все невзгоды, не хныкал в походе. Они могли на него положиться в боевой обстановке.

Глубоко неправ критик Д. Молдавский, слишком поспешно утверждавший, что Степан — это и «урод», без каких в семье не обойдешься, и «дезертир», определяющей чертой которого является якобы «мелкое шкурническое чувство» («Смена», 1955, 1 октября, № 233). Если так, почему же тогда автор сдерживает свой гнев? Характер Степана и отношение к нему автора гораздо сложнее, чем это кажется критику.

Поэт не противостоит герою. Он не переходит в разговоре с ним на окрик, не становится в позу назидательного осуждения, а точно раскрывает психологическое состояние человека неуверенного в правильности избранного пути. Автор верит в своего героя. И эта вера в него порождает своеобразие поэтической интонации произведения, особое место

поэта в нем. Поэма строится в форме своеобразного разговора Степана с самим собой, со своей совестью, с друзьями-сослуживцами. Образ Степана дается и через восприятие поэта, который разговаривает со Степаном, как с другом, в которого верит.

Поэма открывается картиной уютной домашней жизни. Она дана в контраст внутренней борьбе поспешно уходящего из дома Степана. И вот уже у него за плечами «мешок с сухарями, да рубахи две комом — те, что осенью справил». Поэт ни на минуту не выпускает героя из своего поля зрения, он следит за каждым его шагом, передает его внутреннюю борьбу с самим собой.

Степан отмахивается от тяжелых мыслей, но автор настойчиво напоминает о том, что он дома «душу оставил»:

Разве взять ее можно?
Приросла, прикипела
К этим далям дорожным,
К этим зорям несмелым,
К этим рошам сорочьим,
К этим домикам низким...
Приросла она прочно
И к рукам материнским.
И куда б ни ушел ты, —
Будет все тебе сниться
Луг ромашковый, желтый,
Лен в цвету да пшеница,
И сухие мозоли
На руке ковыряя,
Вспомнишь скирды на поле
Заозерного края,
Вспомнишь волн перекаты,
Спор гармошек задорных...
Так куда же, куда ты
Так стремишься упорно?

Голос поэта задушевен и тревожен. Озабоченно, участливо разговаривает он с героем, переживает вместе с ним, верит в его возвращение к трудной, но почетной работе хлебороба. Степан еще не нашел своего места в жизни, ему больно за самого себя. Но С. Викулов далек от облегченного решения сложной проблемы, он не упрощает актуальную тему, не ищет легкой дороги для своего героя, а оставляет его в пути. Степан уходит в метель, в непогоду. Он поступил опрометчиво, дом родимый покинув, поэтому тяжело у него на душе, нет ему пока впереди — «ни пути, ни дороги».

Верно найденная интонация заботливого участия поэта в судьбе своего героя, настойчивое желание мягко, без нажима, без повышения голоса подсказать ему верную дорогу, тревожное состояние самого автора определяют поэтическую цельность, художественную завершенность поэмы С. Викулова.

Динамика чувств и мыслей поэта придает поэме характер взволнованного, страстного монолога. Герой С. Викулов опять-таки активен и страстен в своем отношении к людям и событиям. Он играет, пожалуй, самую важную роль в конфликте произведения. Противопоставляя Степану Завьялову мать, которая смотрит на сына с сожалением, с укором, но все еще верит в него, сослуживцев Степана и острых на язык, насмешливых девушек-колхозниц, С. Викулов отказывается от такой же контрастной подачи образа автора. Он лишен предвзятого отношения к Завьялову, и это еще больше усиливает психологию

скую напряженность, динамику развития повествования.

Новым смыслом наполняется казалось бы неоднократно использованный уже образ олицетворенного ветра:

Не вернешься обратно —
Мелом выбелю кожу,
Положу на лопатки,
Замету, заморожу.

Ветер воет, путает ноги, мешает Завьялову идти, шелестя ему в уши, леденя ему душу. Образ ветра призван раскрыть сумятицу мыслей и чувств героя, непрочность надежд Степана на счастье вдали от трудных дел своих земляков.

«В метель» — первая заметная удача С. Викулова, самый, пожалуй, значительный выход его в большую поэзию.

3

К концу пятидесятых годов лирика С. Викулова испытала острый кризис. Поэт начал повторяться, перепевать мотивы любви к родному Заозерью («На родине», «На лугу», «Приглашение»). Он не мог сдержать восхищения от созерцания красот сельской природы с ее пивами, лугами, росами, озерами в лесу, разливами синих рек. Поэтому казалось, что горожанину не понять этой красоты — «синих колокольчиков гульба», «клевера в немислимом цвету», «от ромашек белым-бело» — и он без особого труда противопоставлял горожанину своего героя, кровь которого «замешана

гулом родников и ключей», а «характер настоян на суровых ветрах». Если и не попадал поэт в «штиль равнодушия», то и «ветер радости и гнева» не будил в нем страсти к новым дерзаниям.

Не раздумья о жизни, а традиционные зарисовки, сельские жанровые сценки («Желанные огоньки», «Встреча в поле», «Каблуки с баяном спорят») занимали еще в поэзии С. Викулова приметное место. Не от того ли становилось тревожно поэту, выручит ли его строка, войдет ли его стих в избу хлебороба, «как запах от каравая, что корочкою хрустит», «как сама усталость, как гул посевной страды, как женщина входит в избу с ведром ключевой воды»?

С. Викулов трудно накапливал мастерство. И только книги последних лет — «Полюшко-поле» (1958), «Хорошая будет погода» (1961), «Деревьям снятся листья» (1962) — позволяют говорить о нем как о поэте, вступившем в пору зрелости.

Лирический голос поэта окреп, приобретал свои оттенки и краски, свои поэтические интонации. В его задушевно-песенных, с озорными шуточными изломами стихах — «Как немного сердцу надо», «Что ты рвешь свою гармонь», «Дружки», «Не видать ее одной», «Веселая рука», «Княжица» и др. — не только чистота извечных чувств, но и внутренний мир человека наших дней. В стихотворении «И моя заслуга» поэт озорно благодарит работающее небесное светило, что в этот год не обделяет людей своим теплом. Его лучи — пройдохи с усердьем «пшеницу тянут за усы и за уши го-

рохи». Но герой этого стихотворения не склонен преуменьшать и свои заслуги. Обращаясь к солнцу, он говорит:

Ого, вставал я столько раз,
когда еще ты спало,
пахал уже, когда ты глаз
еще не открывало!
И в час, когда ты на покой,
устав, за лес валялось,
вовсю еще я за рекой
работал, ваша милость...
И как работал!
Неспроста
в полях такая красота!
И за красу такую
Дай, брат, в горячие уста
тебя я поцелую!

Стихи С. Викулова, как колос под щедрым солнцем, наливаются зрелой мыслью, раздумьями о судьбах современной деревни, о том новом, что пришло в нее за последнее время. Размышления о хорошей погоде наших дней связаны теперь не с картинами «деревенских идиллий», а с думами про то

Что хлеба этим летом
Добры — колосок к колосу,
Что лучше, по многим приметам,
Живется теперь мужику.

Поэт вглядывается в жизнь, кажется давно знакомую и слышит не только лихие звуки кирilloвской гармонии, не только дробь девичьих туфель-лодочек да сапог многоопытного дедушки Василия, а прежде всего глубинные биения ритма своего времени. Поэт *сегодня* «живет на земле» и на нем ответственность за то,

чтобы этот день не ушел из памяти нашей бесследно. Можно, конечно, и «под ноги глядеть», видеть — «тут не осушено болото, здесь осыпается зерно», идти тропинкой по зеленому лужку с «добрым чувством к мужику». Но этого мало! И в лучших стихах последних лет («Деревенское собрание», «Девчата», «Погожее лето», «Мать и дочь») С. Викулов ищет теплые краски, оригинальные интонации, чтобы показать своих героев в труде, в жадном устремлении к лучшей жизни, которую они строят своими руками.

Слишком назойливо и грубовато величает поэт своих героев — «мужики», «бабы», но он искренен в верной и постоянной любви к ним. Они для него — «всемогущи и велики, более, чем боги». Поэт немеет перед их гордой и светлой Работой. Он горд от сознания, что эти люди, народные мастера, знающие усталость и цену труда, могут назвать Работой и труд стихотворца.

Все чаще обращаясь к жанру «маленьких поэм» («Песни в старом доме», «Песня о друге», «Конек на крыше»), С. Викулов сочнее стал рисовать характеры скромных русских людей разных поколений. Это — вечный труженик Егор, жизнь которого схожа с песней, колхозный кузнец Иван, «увечный солдат», пришедший с войны без ног. О «праведной душе», о внутренней красоте этих далеко не идеальных героев поэт складывает свои песни-поэмы.

Многоплановое, разветвленное повествование долго не давалось С. Викулову. В поэме «Галинкино лето» (1956) неудача постигла его

и потому, что в основу повествования он положил поверхностный, облегченный конфликт. Поэт не столько изображал свою героиню Галину Тюкину, сколько рассказывал о том, как она «выдержала экзамен» в работе на комбайне, как «по-египетски загорела» и «просто чуточку похудела» во время жатвы. Даже единственная «драматическая» сцена — столкновение Галины с председателем колхоза, пьяницей Тарасом Кузьмичем лишена накала. Стих поэмы вялый, лишенный сочных красок. Героиня «в минуту жизни трудную» рассуждает так:

Сдала б два года назад экзамен,
Студенткой я бы теперь была,
Ходила с ясными бы глазами,
Как Юлька Мошкина вдоль села.
Плясала б тоже да песни пела
И до обеда б спала всегда...
Ну что, скажи мне, березка, делать?
За что приняться? Пойти куда?..

Пусть это минутная слабость. Но ее носительница уже не вызывает симпатий. Неудача с поэмой «Галинкино лето» не подкосила исканий С. Викулова в новом для него жанре. В 1957 году поэт написал поэму «Трудное счастье», рожденную раздумьями о судьбах простых людей, о тех, кто нашел свое счастье в труде во имя Родины.

Простая колхозная доярка Анна Павловна, женщина горькой вдовой судьбы, стала героиней поэмы С. Викулова. Образ женщины-крестьянки перекликается с некрасовской «величавой славянкой». Анна у С. Викулова «молча ношу поднимала, где б в пору трем, —

всего одна», «как грамотей иной пером, она уверенно владела серпом, иглой и топором», «таскала плуг по перелогам, полола хлебные поля».

Духовный облик Анны как нашей современницы определяется горением «во имя народного блага». Ее трудное счастье в том, что она не жалела собственных сил ради счастья людей. Нелегко ее путь к цели, но «пробиться к победе — и снова рвануться лицом на рассвет» — завидное счастье для героини С. Викулова.

Ломит ее потрескавшиеся, узловатые от нелегких дел, неженские руки, болят они к непогоде. Но ее Работа ходит по земле «с гордо поднятой головой». Труд Анны нужен людям. Поэт утверждает общность целей труда крестьянского и труда рабочего, важность трудных дел «хозяев земли».

В нашей жизни есть все, чтобы идти вперед, расправив плечи, и поэт хочет, чтобы в любом сельсовете, в самой дальней «глуши медвежьего угла, плотинам, спутникам, ракете жизнь соответственна была». Этот пафос устремленности к будущему, пафос нашего времени рождает гневный протест поэта против тех, кто не нашел своего места в жизни, кто не оправдал народного доверия. В этом ключе написана поэма С. Викулова «По праву земляка» (1958), цельный лирический монолог о жизни сегодняшней деревни, о трудных делах тех, кто каждый день идет в бой за хлеб для Родины, об одном из тех, кто не выдерживает этого боя, ищет тихий бережок в городе, «в богозабытом учрежденье».

Ушедшему с поля боя председателю колхоза из поэмы «По праву земляка» противопоставлен герой поэмы «Преодоление» (1961), молодой агроном Валерий Бочаров. Став председателем запущенного колхоза, он не ищет тишины, а отдает все силы людям, ждущим большого дела. В поддержке народа он черпает вдохновение. Вера в людей рождает энергию. Перед ним встают сотни трудных вопросов. И поэт вместе со своим героем размышляет о судьбах послевоенной деревни, о земле, совсем не виноватой в том, что «хлебом не богата нынче наша сторона». Земля ждет горячих сердец и рук, не терпит обезлички.

Голос поэта не глохнет теперь в лирических переливах. Он звучит мужественно, остро, с полемическим запалом. С. Викулов находит меткие образы, сочнее, чем раньше, живописует словом, богаче, самобытней и ритмическая организация его стиха. В поэме есть и просчеты, и свои слабости, но это уже слабости роста поэта, его возмужания. Поэт изображает будни деревенской жизни, одна картина сменяется другой. С. Викулов не очень беспокоится о том, чтобы объединить эти картины под одной сюжетной крышей. Не организует их ни общий конфликт, ни центральная мысль. Думается, что поэма, в жанре которой последние годы напряженно трудится С. Викулов, требует большей работы над композиционной организацией повествования.

Герои поэм Сергея Викулова — колхозник Степан, комбайнер Галина, вдова-доярка Анна Павловна, молодой агроном Валерий Бочаров — честные труженики сегодняшней

деревни. Их биографии вписываются в биографию века, их судьбы неотделимы от судеб Родины, от той «битвы в пути», которую они ведут за новую социалистическую деревню. Поэт раскрывает кровное родство советских людей со всем строем нашей жизни. У поэта и его героев — общие цели, он дышит с ними воздухом сегодняшнего дня.

Не всегда, правда, С. Викулову удавалось глубоко раскрыть внутренний мир таких людей, воплотить их дела и думы в художественно значительные характеры. Образность уступала место риторическому рассказу о человеке.

Оставаясь верным своим героям, поэт настойчиво искал средства, достойные их изображения.

Новая поэма С. Викулова «Окнами на зарю» — выход к художественно более значительным завоеваниям. Мысли и чувства поэта обретают здесь зрелую образную форму. Поэма по самому строю стиха напряженна, емкая художественная деталь в ней уже не гостья, а полноправная хозяйка повествования. Зрелость поэта — в весомости его мыслей, в сочности, зримости, осязаемости поэтических образов.

В поэме «Окнами на зарю» концентрируются давние раздумья поэта над судьбами северной деревни. Проблемы «преодоления» помех, противоречий на пути к успеху, «власти над землей», выраженные в других его поэмах, звучат теперь полным голосом. Пафос поэта достигает накала, лирика вступает в твердый сплав с публицистикой.

в те года расставалась решительно

с прошлым...

Дорывала последние лапти без горя,
и сама,
без подачек чужих из-за моря,
там и тут, подтянувши потуже ремень,
возводила цеха
на виду деревень.

Поэт вместе со своими героями заинтересованно думает «о времени и о себе». Чисто личное отношение к прошлому включает в себя мощную струю поэтически зрелых обобщений:

И не все, на беду, понимали вполне,
что достойн

с героем любым

наравне

встать и тот, кто к земле пуповиной прирос,
кто великою верою верил в колхоз.

Верил так же,
как верят влюбленные в счастье,
потому что он был

выражением власти,

за которую — это запомнят века! —

щедро пролита также
и кровь мужика!

Герои поэмы С. Викулова в испытаниях, ценою собственного опыта осознали великую силу коллектива, и теперь активно участвуют в преобразовании жизни. Поэт и его герои (Яков, Маремьяна, Кузьма) полны ответственности за все, что происходит в деревне. Их мысли сходятся в самом главном: как поднять отстающий колхоз, как лучше построить деревню, чтобы она всегда глядела окнами на зарю.

Сильная сторона поэмы «Окнами на зарю» совсем не в занимательном сюжете, не в динамическом раскрытии напряженного конфликта, а в высоком гражданском пафосе, в искреннем эмоциональном настрое, в доверительно откровенном разговоре с читателем о самых актуальных проблемах современной деревни.

Через поэму проходят судьбы близких поэту людей. И он метко, часто лишь только штрихами рисует каждого из них, и особенно ярко — бригадира Кузьму, настоящего хозяина сегодняшней деревни. Глубокая заинтересованность в делах колхоза, будни каждодневного труда и строительства новой жизни на селе, светлая мечта о будущем — вот что отличает героя поэмы С. Викулова. Кузьма и его товарищи своими руками возводят новую деревню. Они ставят новые избы, строят клубы, расчищают заросшие поля.

Люди, в чьих руках «власть над землею», нажились где-то «на отшибе». Они возвращаются в село, чтобы строить его заново. Они, как и Кузьма, дорожат «хорошей погодой» наших дней.

Стройка в колхозной деревне воспринимается поэтом как великая стройка в ряду других великих преобразований нашего времени. Пафос его поэмы в утверждении этого нового, в борьбе за новые высоты, взять которые под силу только партии и народу.

Поэмы С. Викулова географически конкретны. От этого они не теряют обобщающей силы воздействия. Ему близки и горестные утраты и радостные завоевания тружеников

родного края. О них еще в поэме «Преодоление» поэт с гордостью писал:

Там лес и вправду до небес,
А люди — с лесом вровень...

Эти простые и великие люди строят новое общество, за их плечами — уже большой опыт, а впереди — новые преодоления, новые трудные бои. В пути и поэт, как и его герои, в делах и подвигах которых — корни его поэзии, истоки его вдохновения. Впереди у поэта — новые, еще неизведанные дороги, жаркие бои за новые поэтические вершины.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

1

Дружно, один за другим вступают в литературу молодые вологодские поэты. Уже несколько поколений, что называется, из рук в руки передают поэтическую эстафету, несут в поэзию весну молодости, горячее дыхание своего времени.

Становление «поэтического голоса», выявление «лица необщего выраженья» у каждого поколения происходит по-разному. Одни ступают энергично, и их поэтическое самоопределение идет в ногу с временем, другие — задерживаются в своем развитии, трудно овладевают мастерством, нерешительно, ощупью ищут верную дорогу. Поэтическое возмужание приходит к ним далеко не сразу.

Голос Сергея Орлова в послевоенные годы прозвучал чисто и мужественно («Третья скорость», «Поход продолжается»). В жарких танковых атаках, в суровых схватках с врагом рождалось зрелое отношение к жизни. Поэт в

полный голос заговорил от имени тех, кто защищал Родину в суровую для нее годину. Зарево той великой народной битвы за мир, в которой участвовал поэт, и теперь освещает его искреннее лирическое дарование.

А мы такую книгу прочитали..
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.
Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли..
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли..

Лирика Сергея Орлова автобиографична. И поэт не скрывает этого. Он взволнованно, доверительно рассказывает о себе, о своих переживаниях, общественно значимых чувствах и мыслях. И они воспринимаются как переживания, чувства, мысли нашего современника. В стихах о родном крае, о России С. Орлов поднимается до высокого гражданского накала, до публицистического пафоса. И эти стихи, выражая чувства национальной гордости русского народа, так же искренни, проникновенны и задушевные, как и вся лирика поэта.

Поэтический «запев» С. Викулова не был ни столь звонким, ни столь стремительным. Эстафету своей молодости поэт вносил в советскую поэзию вместе с другим поколением. Рядом с ним, почти «подпирая» его, шли и фронтовые товарищи, (В. Дементьев, В. Сорокин и др.), и молодые люди иной судьбы, многие из которых могли бы сказать словами Александра Романова — «по молодости не был на войне».

Уверенно поначалу выступил Валерий Дементьев, автор сборника «Заре навстречу» (1949) и «Мои односельчане» (1952). Его голос вскоре прозвучал в литературных боях, но уже как голос критика.

Трудно прокладывалась дорога в поэзию у Валентина Сорокина. Его «Счастье» (1950), первая, совсем тоненькая поэтическая тетрадь, открывалась стихотворением «Учитель»:

И мерз, и мок я по сырым окопам,
Шагал по селам, выжженным дотла.
По автострадам и безвестным тропам
Нас фронтовая молодость вела.
Я видел много крови и пожаров,
Пронес знамена Славы до конца,
И мне страна доверила недаром
Застенчивые детские сердца.
Сейчас мои армейские погоны
С пилоткой вместе в сундуке лежат.
Меня встречают девочки поклоном,
И мальчишки приветствовать спешат...

Валентин Сорокин редко обращался к опыту военных лет, но он освещал его поэтическую биографию, нет-нет да и врывался в нее. Новое, что он нес своими стихами, в чем, казалось, начинал биться свой «поэтический пульс», это — ответственность за судьбы поколения, сидевшего в те годы на школьной скамье, гордость за своего героя, рядового бойца великой армии сельских учителей. Склоняясь над ученической тетрадью, над сочинением, в котором шел «с бессмертной Зоей разговор», герой Сорокина не скрывал и своей радостной мечты о том, что на грядущей нечаянной встрече учителя со своими учениками

скажут и о нем доброе слово: «Он воспитал в нас мужество и волю, сердца зажег нам радостью труда!».

Но поэт в самом начале сбивался на легкодумные зарисовки («В сельской кузнице», «На уборке льна», «В поле», «На стройке», «В бригаде лесорубов» и т. п.), лишенные поэтического накала, значительной мысли. Зато деклараций, громких слов в этих стихах было с избытком: «Труд упорен, горяч, как бой», «дружный труд и велик и спор». Поэт славил «высокий разум», «свободный голос радости народной», «счастье завтрашнего дня, рожденное сегодняшней работой», пел «славу кропотливому труду... в плодотворном нынешнем году». У него — «на всю Отчизну славой лесорубов шумит, шумит лесная сторона».

После выхода первой книги сам поэт словно бы устыдился своих слабостей и выбыл из «поэтического строя» почти на десятилетие. И когда вышла его вторая книга «С товарищами в ногу» (1959), стало ясно, что поэт отказывается от некоторых схем и деклараций, начинает искать конкретные детали для обрисовки простых людей («Со стороны виднее это...», «Библиотекарь», «Редактор многотиражки», «Паромщик»). Но тут же настораживало обильное включение незрелых стихов в новую книгу. Слишком часто общие слова о долге в труде подменяли образное видение жизни.

В то время как товарищи, с которыми поэт хотел идти в ногу, стали рисовать полнокровные характеры своих современников, В. Сорокин не часто находил краски для того, чтобы

по-своему сказать о людях, которых он знал, с которыми рядом трудился.

Поэт все еще испытывал трудности поэтического «открытия мира». А в это время в поэзии уверенно заявляло о себе то поколение, что теперь «с погибшими отцами ровесники почти». Герб этого поколения, по словам Александра Романова, «на фоне неба и земли — дорога, и человек, шагающий широко, и серп и молот золотом над ним!» Своих героев, тружеников земли А. Романов видит в трудовом бою:

Утрами на зарю идут под солнце,
А вечером под солнце, на зарю.

Молодость своего поколения А. Романов и не думал противопоставлять молодости отцов. Он хочет сравниться с их зрелостью, стать с ними «в одном ряду, в одном строю». Поэт говорит о беспредельной любви отцов к своей Родине, ради которой многие из них сложили на войне головы. В книге «Утренние дороги» (1959) — целый цикл стихов о преемственности поколений, о верности отцам, отдавшим жизнь за правое дело. Поколение отцов — совесть поэта. Память о нем, о его подвигах велит даже в малом деле стоять за правду до конца.

Герою Романова нет большей радости, чем быть похожим на своих отцов одной общей судьбой, разделить с ними их тревоги, «чтоб жизнь как следует прошла». И горько ему от одного сознания, что те, «кто на войне, в краях далеких, за нас себя не поберег», могут и чем-либо упрекнуть своих сынов.

В стихотворении «Дионисий» А. Романсв рисует своих предков. Восторженно, задирая бороды, глядят они под купол, где лобастый и приземистый живописец Дионисий пишет «божьи лики». Поэт теперь не только немеет, подобно своим предкам, перед этой красотой. Он вглядывается в созданные живописцем земные образы, видит в них «не ангелов библейских, а дальних предков мудрые черты». И фрески говорят ему о многом, о том, как русские люди

Своими гениальными руками
Себя творили в образе богов!

Стихотворение «Дионисий» — не о далеком прошлом. Заложенные в нем мысли, мир чувствований героя — это мысли и чувства нашего современника, его чистая, как родник, любовь к своему гениальному народу, которому под силу новые свершения космического века.

2

Поэтическая биография Александра Романова трудно начиналась и разворачивалась. Еще и теперь литкружковцы пединститута, сойдясь вместе, вспоминают то время, когда совсем юный первокурсник Саша Романов несмело, волнуясь, читал им свои первые стихи. Среди них не часто мелькали строчки, вроде тех, что так врезались в память Валерию Дементьеву:

А в притихшем поле чисто,
Колеисто на большаке...

Милые сердцу дали лесного и ржаного северного края уже тогда звенели в сердце юноши «самой первой, несмелой, но самой душевной строкой». Всех слушавших и читавших эти строки не могла не волновать чистота чувств, удивительно милая застенчивость, с какой он заговорил о себе, о родной деревеньке Петряево, затерявшейся в глухих бираковских лесах Вологодского края.

Молодому поэту явно «слов для выраженья не хватало», в первых его стихах трудно угадывался поэт. Две-три поэтические строчки терялись в море рифмованной прозы. Медленно накапливались поэтические силы, долго не поднимался поэт выше уровня непосредственных стихов студента Саши Романова. С трудом «проклевывались», прорывались сквозь вялые строки свои образы, редко появлялись в его стихах «поэтические зерна», мелькнувшие в самом начале, за которые так горячо поддерживали его товарищи-литкружковцы.

Романов метался, сочинял дежурные риторические стихи «на злобу дня», брался за непосильные эпические формы, писал поэму — искал себя. И вдруг читаю однажды стихотворение «Трое»...

Рядом с ее портретом висят на стене фотографии двух мужчин. На одной из них — молодой солдат, в гимнастерке, без погон, без наград. Он пал в самых первых сражениях с врагом...

Ты теперь живешь в согласие с новым.
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам солдатом был, фронтовиком.

Он хороший, но его невольно
Сравниваешь с первым, с тем, порой,
И тебе всегда бывает больно,
Если в чем-то не похож второй.
Он поймет, конечно. Он заметит,
Что ты брови хмуришь неспроста...
Так живет незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.

Не все строки равнозначны в этом стихотворении, но сколько в нем моральной чистоты, целомудрия, человеческой теплоты! Александр Романов не только увидел своими глазами то, мимо чего проходили другие поэты, писавшие на эту вечную тему. Он вложил в стихотворение свое чистое сердце, свое свежее дыхание.

Это стихотворение, подкрепленное настоящими, хорошими лирическими стихами «Секретарь райкома», «Домашняя хозяйка», «Счетовод», «Мать», «Кругом вода сильна, нетороплива», дало А. Романову право выступить с первой книгой «Признание друзьям» (1956).

Герой А. Романова — неутомимый молодой человек, участник больших свершений друзей-современников. Даже в пейзажные зарисовки врывается его взволнованный голос. И в то, как «моются застенчиво березки, хотя безукоризненно чисты», как «пролетают крашенные солнцем быстрые большие поезда», как «пахнет хлебом от земли» — во все эти образы вложена его душа, активное поэтическое отношение к жизни.

Молодой поэт, правда, был еще недостаточно взыскателен к себе. Но от книги к книге крепчал его голос. И главное — он не утратил

с годами юношески искреннюю застенчивость, восторженную влюбленность в мир, а бережно, не расплескав, пронес через десятилетие. Юношу Романова и теперь не отделить от восхищенно и нежно воспринимающего мир героя его книг «Утренние дороги» (1959), «Сыновья любовь» (1961), «За морем березовым» (1963).

После окончания Вологодского пединститута А. Романов стал журналистом областной комсомольской газеты. Весь жар души, идейную убежденность комсомольца и коммуниста, влюбленного в родной край, проникнутого тревогами и заботами о судьбах людей, строящих новую жизнь, нес А. Романов и на страницы газеты, и в свои стихи. Радостные встречи с земляками, с родным миром деревенской жизни вливали в поэта новые силы. В книге «Сыновья любовь» (1961) он писал:

Мы любим бег, прямой и гулкий,
Стальных дорог в краю родном.
В них на одном конце разлуки
И встречи теплые в другом.
Покоя нет: пути и дали!
Приходит зрелости черед.
Так значит — наши дни настали
Для новых песен и работ.

Не зная покоя, поэт устремлялся «к грядущим дням», находился в поисках путей к сердцу своего народа. Это было время и накопления жизненного опыта, и поисков свежего слова, меткого образа, *поэтического* узнавания мира, рождения *своего* отношения к нему.

Под сочно зеленой обложкой книги «Сыновья любовь» бьется сердце поэта, влюбленного в людей, в свой родной край, его леса, луга, нивы.

Александр Романов вглядывается в мир «распахнув свои глаза в полнеба». В этом восхищенном взгляде не столько еще мудрой зоркости, сколько полноты чувства и доверчиво открытой людям душевной щедрости.

Поэт искренне изумляется, почему близким чистоте его сердца березкам, «загар никак не пристаёт» даже в самое жаркое лето, почему от ярких искр земляники не вспыхивает трава. С грустью видит он огрузшие под угрюмым осенним дождем кисти на рябинах и оттого кажется ему, что это «жмутся на ветках чистых красногрудые снегيري».

Свободно, как в родном доме, чувствует себя поэт в лесу. Он знает здесь каждую тропку, каждую просеку, каждое окно, сквозь которое этот «дом просвечивает весь». С городской площадью он сравнивает лесную поляну, на которой «как памятники лету, чеканной бронзы высятся стога». Могучая поднебесная сосна напоминает поэту «трубу кирпичной кладки» с зеленым дымком, рядом с ней — «побеги свежих сосенок — внучат..., как ежики веселые торчат». Вот «елка зеленой ракетой нацелена в облака», а вот опять сосны-герои «с витыми обнаженными корнями», «опущенными в землю якорями», как бойцы прижаты к реке, — теснятся, падают, но не отступают. А вот и первый снегопад. И поэт видит: «у березовой опушки... листья рыжими веснушками на снегу опять лежат»,

Александр Романов не бездумно любит земную красоту. Его поэтическая мысль активно вторгается в жизнь. Своеобразие лиризма поэта в нежной его любви, чуткой заинтересованности, сыновней заботливости о судьбах матери-земли. В раздумьях о родной деревне и встает со страниц его книг стихов образ современника, который «по молодости не был на войне». С грустью пишет поэт о погибших отцах-хлеборобах, осиротивших землю, лишивших и себя, и ее счастья одаривать людей щедростью, о многострадальных вдовах-матерях, этих молодых Ярославнах сорок третьего года, чья гордая красота становилась невмоготу им, блекла в слезах и тяжком не женском труде.

Поэт восхищается красотой людей нелегкой доли, склоняется перед величием народного подвига. Не скрывает он и тревоги своего поколения за судьбу матери-земли. Он видел, как это его поколение уходило в города, шло, держась за подводы, «мимо рыжих берез, зеленых прудов, мимо крыш, покосившихся от годов». Поэту тревожно и грустно оттого, что его поколение, прошедшее через города, родных деревенок названья не в сердце хранит — в паспортах. Его волнует судьба русских деревень, жители которых «не взяли билеты обратные», не вернулись в «позабытые эти пристани», широко разбросанные по земле — «в озерах ржаных да клеверных».

Александр Романов «бродит следами детства своего», улицами родной северной деревни. Она тоскует по молодежи, покинувшей ее,

«Сыновья любовь» к труженицам-матерям, к матери-земле заражает читателя. Поэт заставляет проникнуться его чувствами и настроениями, его переживаниями, болью об утрате того, что дорого отцам — сыновнего чувства к родной земле. С особой симпатией, с нежностью А. Романов пишет о тех, кто верен труду хлебороба, кто отдает свою жизнь расцвету села. Этим героям «еще ненаписанных книг» он посвящает стихотворение «В доме крестьянина»:

В дороге пробыв спозаранку,
Шоферы усталые спят,
Порою как вновь за баранкой,
Руками во сне шевелят.
Арядом, наверное, плотник:
(Не страшнута стружка с волос)
Видать до работы охотник:
Заснулось — как лечь привелось.
За стенкой, обклеенной, тонкой,
Раскинувши руки в тени,
С улыбкой заснули девчонки,
Быть может, доярки они...

А. Романов задушевно разговаривает со сверстниками:

Забываем нередко, откуда пришли,
И за башнями домен не видим земли...

Эта задушевная беседа со своим поколением возвышает негромкий голос А. Романова до гражданского пафоса, до призыва звенеть в делах. Именно так, не зная усталости и покоя, трудятся герои его стихов, люди не громких фамилий, «запаса рядовые и маршалы труда» — простые труженики земли, хлеборобы, старухи-крестьянки с нелегкой долей солда-

ток, молодые парни-лесорубы, бывалые вытегоры-лесники и девчонки-доярки.

Светлыми красками рисует этих людей Романов. В их кругу он чувствует себя дома. Нравственная и душевная их красота заставляет поэта гореть нежностью к людям с жесткими отссадин ладонями, с просмоленными судьбами. Здесь подтекстов путанных не любят, не «кирсанят язык»:

Уж если скажут — напрямик,
Как будто напрочь елку срубят...

Может быть, потому так резко сквозит боль поэта в «Разговоре с матерью». Тяжело сознавать, что «дремучее чувство» — «хоть одна коровка, да своя!», «со своим жила бы молоком» — еще цепко держит иных матерей. С ненавистью смотрит сын на сено, принесенное на плечах матери, не уснуть ему на этом сене до утра — поблекли дни матери, затуманились ее глаза.

«Не в кудрях аллитераций», не в погоне за модной крикливой вычурностью сила стиха А. Романова, а в его безыскусственной простоте, в весомой правдивости, зримости образов, в свежести восприятия жизни, в эмоциональном заряде.

В новых книгах стихов А. Романов решительно порывает со словесной риторикой, отдающей декларацией, с наивной морализацией, отказывается от образов с налетом слащавости, красоты. Языковые огрехи, правда, еще мелькают в его стихах, портя их, но они уже редки. Стих Романова становится ритмически гибче, раскованнее. Порою в нем —

не только лирическая мягкость и нежность, но и хитрая лукавинка, богатая смыслом шутка. Поэт не возвышает голос до крика. Негромко, порою трепетно нежно, но всегда взволнованно и сердечно он несет слово светлой любви к людям, к Родине, большую заинтересованность в ее судьбе, свою веру в ее будущее.

3

У А. Романова уже вышел первый сборник, когда на суд редакции альманаха «Литературная Вологда» принес свои стихи кочегар Сухонского пароходства Игорь Тихонов. Привлекали они мужественными строками о море, о человеке, покоряющем «осатанелый ветер бури»:

И в этом обезумевшем ненастии,
Где все смешалось:
Лед, и дождь, и снег, —
Держась упрямо за тугие снасти,
Один спокоен только —
Человек.

Вскоре в Москве увидела свет первая книга Игоря Тихонова «Северянка» (1959). В нее вошли стихи о мужественных людях моря, о тех, кому по плечу «романтика борьбы» («У причала», «Когда норд-вест...», «На дубе», «Керченский рыбак», «После бури»). Героика схватки со стихией сплеталась в лирике И. Тихонова с будничной жизнью северной деревни, с «холодной красотой» северных пейзажей, весенних зорь, что «на первых настоены травах и запахах влажной земли».

В стихотворении «Подвиг» поэт славит мужество моряков, вступающих в единоборство с разбушевавшейся стихией. Ежедневный подвиг он видит в трудовых буднях молодой доярки и восхищается ее мужеством. Но в других стихотворениях, рисуя северянку, Тихонов замечает лишь «косы цвета спелой ржи», «синие глаза», «тонкий иней на ресницах, сок брусничный на щеках».

Герой стихов И. Тихонова не очень-то задерживается среди будто бы полюбившихся ему людей неприметного подвига. Его, как рыбака в шторм, мотает по жизни. Порой он даже кичится тем, что все изведает, все испытал, «привык и к поражениям горьким и к победам» — «рос безотцовщиной, крал чемоданы», грузил «воркутинские черные камни», «тайгу валил, гонял весной плоты, в Крыму пилил холодный древний камень». И оттого поэту кажется, что стихи его как будто бы «пахнут угольной пылью», что «капли пота соленого на каждой метафоре есть».

Хвастает он и тем, что его лирика погуляла «по травам росным на покосе», собирала будто бы и малину спелую, и щурят ловила в гуще тала, и «чапушкой звонкой рассыпалась». Но самая главная будто бы стихия его поэзии — гулять «по белопенному простору». Одним словом, не лирика, а бабочка, не сидит на месте, порхает, не вмешивается в жизнь, а гостьей приходит к людям. Не отсюда ли в стихах И. Тихонова созерцательность? Он скорее описывает увиденное на быстром лету, чем проникает в сущность явлений, в душу встреченных людей.

Герой лирики И. Тихонова назойливо представляется «бывалым» человеком. Но порой уж очень он капризно-своеволен, криклив и черств, лишен душевной цельности, человеческого тепла.

В книге стихов И. Тихонова «Снежный ветер» (1962) немало стихов, написанных с завидной поэтической зрелостью. В его «Бастиях Севастополя» появляются афористические строки, точные, весомые образы:

Сметали бабы соно в грудь,
Копя не бабью злость к беде.
В тот год грибы росли повсюду,
А соли не было нигде...
Уже бои гремели в Минске,
Мы все выросли той порой
От слез горючих материнских
И сводок Совинформбюро.
А враг все пер в дыму и пыли,
Ломая русские штыки.
Старухи на небо крестились,
И крыли в бога старики..
И пусть в дыму тонули дали,
Все стали на руку легки:
Старухи варежки вязали,
Тесали ложа старики...

Поэтическое видение мира чаще приходит к поэту, он бережнее начинает ценить найденный образ, оттачивать его грани. Герой стихотворения «После дождя» несколько развален, грубоват, но он не может не вызвать симпатий:

Отхлестал,
отшлепал,
отпузырил
молодой первовесенний дождь.
Площадей асфальтовые шири
в сапогах едва перебредешь.

Пусть рычат машины для острастки,
жметесь ветер псом к моим ногам,
я, как бог в мужицкой древней сказке,
не спеша, иду по облакам.

Грубоватая интонация в стихах И. Тихонова совершенно оправдана тогда, когда он обрушивает свой гнев на все чуждое нашей жизни. И возвышая голос, поэт включается в борьбу. Но иногда Тихонов не прочь «громыхнуть» кувалдой, как он выражается, там, где нужен более тонкий инструмент.

Лирика И. Тихонова еще не достигла общестественно значительного накала. Сочинять «стишки между делом для самой солиднейшей из газет» — занятие не хитрое. Дорога в настоящую страну Поэзию — куда тернистей. В такой путь отправляются люди большого жизненного опыта и чистого сердца. Единственно верный компас в этом пути — глубоко осознанная партийность творчества, убежденность в важности гражданского служения своему народу.

4

В самом начале шестидесятых годов почти одновременно вступили в литературу три молодых поэта-вологжанина. Борис Чулков издал книгу «Щедрый дождь» (1960). Вслед за ней появилась в свет книга Василия Белова «Деревенька моя лесная» (1961). Весной 1962 года книгой «Экзамен» дебютировал Виктор Коротаяев. Вологодский отряд поэтов пополнился новым поколением, со своей, правда, еще небогатой биографией. Это поколение не прошло через войну, но отмечено ее суровыми

лишениями. Война врывалась в их семьи, в незащищенное от невзгод сердце, рушила безмятежное счастье юности, будила недетское чувство ненависти к врагу. Вот почему сверстники Бориса Чулкова вступали в самостоятельную жизнь рано повзрослевшими.

Взявшись за перо, Б. Чулков не мог пройти мимо суровых воспоминаний о детстве и войне. Ими окрашены его первые же стихи. «Щедрый дождь» — биография поэта и, если хотите, частичка биографии его поколения. Тусклый свет коптилки, падающий на школьную тетрадь, нетопленная квартира, голодные думы о хлебе вошли в его детство:

Забор истопленный — война,
и дом нетопленный — война,
война и чахлый свет мигалки...
И тем, кто видел — не забыть,
и тем, кто слышал — не забыть
всю боль, все беды, все несчастья;
война входила в каждый дом,
сидела с нами за столом,
и пусть она давно в былом,
ее забыть — не в нашей власти.

В те же годы, совсем недалеко от коренного горожанина Б. Чулкова, в неизвестной харовской деревне Тимониха вступил в жизнь Василий Белов. С грустью вспоминает он о ранах детства своего в лирической поэме «О чем поет гармонь»:

В год, когда отца бесповоротно
Увела судьба в шальной огонь,
За поллуда ржи сыромолотной
Мать купила старую гармонь.
И дивились бабы: «Ой, Анфиска,
Ум-то, видно, с горя прожила,

В женихи не скоро ребятишкам,
А она гармонию завела».
Я старался горе пересилить,
Утирал под носом рукавом.
Голосили, бабы, голосили:
«Пятерых оставил на кого?
Не здоровым больше, не калекой
Не откроет двери, не придет...»
Но несчастье с радостью от века
Под одною крышею живет.

Стихи поколения, чья молодость «навсегда украдена войной», рождены ненавистью к ней. «Година горя и беды» несла в их детство лишения, голод и холод, смерть для близких людей, отцов и братьев. Это поколение видело, как «в поле бороны вожжами бабы дергали», как «забивали досками дома осиротелые, мякину ели жесткую», как «от бездетной стужи ледяной не девичьи косы и не вдовьи прихватило первой сединой». И вместе с тем им верилось, что «молодость жаркая вся еще впереди».

Василий Белов прочно объединяет себя. свое поколение с вечным ровесником своей юности, с земляком-комсомольцем Василием Прокатовым, прикрывшем телом амбразуру вражеского дзота. «Сердцем сына в бою за-слонивший Россию», он теперь «навечно в строю в нашей правде и силе», его сердце бьется рядом с комсомольскими сердцами нового поколения:

По июньским ночам
На дорогах целинных
Бьют ребят по плечам
Не свинцовые ливни,

Запекаются губы
Не в кровавом бою
У парней лесорубов
В вологодском краю.
Но как прежде гудит
Наша юность набатом,
В каждой юной груди
Бьется сердце солдата.

С болью и грустью пишет о войне Борис Чулков. Как и В. Белов, он ставит на пьедестал русского солдата, его «упорство стальное, с которым он Россию защищал». Лишения войны не замутили души поэта, она осталась «до краев полна» — Отчизной, Родиной, Россией, гордостью за ее дела. В лирических миниатюрах Б. Чулкова, согретых теплом человеческой радости, рожденной свежим восприятием казалось бы будничных вещей, привлекает задушевная интонация, в них бьется сердце человека, нежно влюбленного в жизнь, в людей, в свой родной край. Его герой вглядывается в окружающий мир, чутко воспринимает его красоту:

Видишь, ивы входят в реченку,
в опрокинутые небеса;
видишь, ветер упругий и звонкий,
клонит желтую спину овса;
видишь, тропка бежит через клевер
в чуткий шелест берез и осин —
это Север, родной твой Север,
что на целой земле — один..

Это — не бегство от клокочущей вокруг жизни в мир природы. Пейзаж родного края с его временами года, щедрыми дождями, радугами, лесами и реками согрет сердцем современника, глазами которого смотрит поэт

на окружающий мир. Чуткость его сердца — в лучших стихах Чулкова «Ода дождю», «Радуга», «Тополи», «Зимняя песня», «Ода грибам», «Зима», «Река — уже точно, что стала». Его щедрый дождь «хлебам был нужен, он был нужен песне», его юная весна вбегает в распахнутые двери жизни не для того, чтоб видеть черный дым войны. Она несет с собою нежность и тепло, чтобы цвели цветы, пелись песни, чтоб «настежь — душу и окно, чтобы тянулось сердце к сердцу и два забились, как одно». Его зима радует сердце русского человека, способного сказать, увидев первый снег: «Зима? Прекрасно, что зима!»

У Б. Чулкова свой поэтический глаз, открывающий родную природу во всей ее красе и богатстве. И поэт это делает не бездумно, он заставляет читателя размышлять вместе с собою:

В ненастный день в саду рассветном —
туга, как парус кораблей, —
листва на мачтах тополей
была полна попутным ветром.
Казалось, тополи мечтают
о широте больших морей,
но якоря земных корней
их за мечтою не пускают.

В стихах Б. Чулкова, казалось бы далеких от современной жизни, внешне мало связанных с ней, есть и раздумья современника, и приметы нашего времени. Герой его лирики сочно, опровергая тлен, славит жизнь во всем, «жаркую работу», поет хвалу «живым плодам земли и рук, плодам труда, умения и дерзания». Он видит: «на небе беспорядочно торчат

безграмотно расставленные звезды». Они зовут советских людей « в бездонность грандиознейшей вселенной». Герою Чулкова близки дерзкие поиски «Колумбов нового времени», людей, которые только вчера возвратились из Антарктиды, а завтра, на вопрос: «Откуда, друг?», будут скромно отвечать: «Я — с Луны».

И все-таки еще узок диапазон поэзии Бориса Чулкова. Поэт часто замыкается в кругу умозрительных, книжных рассуждений. Ему больше чем кому-либо из молодых вологодских поэтов хочется посоветовать приобщиться к бурлящей народной жизни, к познанию трудных свершений народа. Чулков еще в самом начале пути. Он в поисках не только своей поэтической интонации, но и своих тем и образов. Чем шире будет его поэтический кругозор, чем смелее весомая, общественно значительная мысль будет вытеснять мелкостную философию его стихов, тем мощнее будет биться в них пульс современной жизни, отчетливее проступать чувства нашего современника, его радости и печали, его великие дела.

В наше время поэт — не созерцатель, не бездушный регистратор трудовых подвигов современников, а активный участник народных свершений, несущий в своем отношении к жизни чувства и эмоции людей нового времени, идейно-художественные заряды большой силы воздействия на читателя.

По словам Брюсова, «поэт всегда с людьми», и «песня с бурей — вечно сестры». Василий Белов так и понимает призвание поэта. Жизнь в борьбе «в мире надвое расколотом»

для героя его лирики — лучший удел. Этому и посвящены стихи «Россия», «Партийный билет», «Верю!», «Поток». Поэт презирает «гниль золотых середин»: «Поле вспахано — сей, потянулся — бери, замахнулся — так бей, наемкнул — говори! Есть лишь правда и ложь, кто не здесь, значит там, не с друзьями идешь, значит служишь врагам». Герой Белова — человек с горячей душой. Его ведет по жизни большая тревога за будущее мира:

Тревога, тревога, тревога!
Нам нету возврата назад,
Идет человек по дорогам,
Идет и не знает преград,
Ни в черта не верит, ни в бога,
Тревожный и сильный, спешит.
Тревога, святая тревога,
Пожар человеческой души!

Сердцу поэта близки люди, что «шли на врага, хлеб сеяли, спасали все, что дорого, для всех людей, для всей земли». Он готов при жизни поставить памятник неугомонному колхозному председателю — «в кепчонке полинялой, в болотных сапогах». Его герои — великие «рабочие люди», строители жизни, крестьянки «с женской нежностью, красотой, с целомудренной чистотой». Они «веселы, говорливы на гульбе, на лужке, но скромны и стыдливы на Почетной доске».

Василий Белов принес в поэзию беспокойную комсомольскую юность своего поколения, пафос жизни и труда сельской молодежи шестидесятых годов, «русобровых ленинцев» с ферм и полей «ольховой стороны». Это от их

имени он говорит в поэме «Комсомольское лето»:

Это вечная юность,
Это жизнь и гроза,
Это снова дороги
И дожди и жара,
Громовые тревоги,
Голубые ветра.
За великие цели,
За великую новь
Мы и жизнь не жалели,
А не то, что любовь.

Лирический голос поэта чист и свеж («Разбуди на заре меня...», «Осень», «Ночью», «Свекровь», «Вечер»), иногда в нем — озорная хитринка, лукавинка («На делянке», «В коммандировке»).

Чаще всего поэт выражает чувства своего героя застенчиво и нежно:

Осторожный шорох листопада,
Журавлиный крик, дымок овина.
Где поешь ты, где ты ходишь, лада,
С огневыми ветками рябины?
Домовито тенькают синицы,
Паутиной светятся былинки,
И дрожат на девичьих ресницах
Дождевые капли-бисеринки.
Мне не надо, лада, моя лада,
Ни речей, ни разговоров длинных,
Ты постой со мной у палисада,
Подари мне кисточку рябины...

Приятно отмечать, что все молодые поэты, вступившие в поэзию в начале шестидесятых годов, — разные. Каждый ищет свои непроторенные дороги. Стихи Б. Чулкова несколько рассудочны, со склонностью к философским

размышлениям, Белов — лирик, а Виктор Коротаев — неумоимо горяч и публицистичен. Его стихи согреты задором, искренностью, горячностью молодого беспокойного сердца. Он не хочет оставаться равнодушным ко всему, что окружает его. В. Коротаева не упрекнешь в созерцательности, бесконфликтности. Он настойчиво, порою с хорошим упрямством, со свойственной ему непримиримостью размышляет о сложности жизни, мужественно негодуя против того, что мешает нашему движению вперед. Это и придает его стихам публицистическую остроту.

Молодой поэт восторженно славит труд простых людей, строящих новую коммунистическую жизнь. Он не устает петь о радости их труда, восхищаться ненасытной любовью к работе людей «рабочей закваски». В этой не обещающей покоя любви, в рабочей гордости — сила героя молодого поэта. Его герою веришь, потому что он честен и откровенен в своем желании быть нужным нашему обществу человеком, потому что он искренне ищет свое место в жизни,

Чтоб как вызов всяким белоручкам
Каждый месяц приносить домой
Скромную рабочую получку,
Честный
трудный заработок свой.

Книга стихотворений В. Коротаева овеяна романтикой юности его сверстников, осознававших важность в новых условиях сегодняшней бурной жизни «по-солдатски служить Октябрю», пронизана чувством преемственности

поколений в их борьбе за новую жизнь. Его сверстники с «руками в ссадинах, в мозолях» уже «начинают держать пред будущим ответ». И хорошо, что они понимают — и в «схватке буден нужны надежные сердца, негнущиеся люди».

Светлая любовь к Родине, к ее великому народу, преобразующему лик земли, к своему родному краю всегда волнует, всегда трогает сердце русского человека, до краев наполненное чувством кровного родства с родной землей-матерью.

Этими чувствами и рождены стихотворения В. Коротаева «Русь», «Однажды», «Русский характер».

Желание взглянуть на мир своими глазами заставляет поэта тянуться к свежему образу, искать его. Он радуется вместе с молодым рабочим, который впервые войдет «в ворота заводские, как под радугу». Он видит, как в осеннем лесу «из-за кочки спелая брусника показывает красный язычок». Здесь же боровик — «вся в крови лихая голова», а «кокетливые стройные березки покрасились по моде в рыжий цвет». Сочность красок, свежесть образов видна и в восприятии вечерней Вологды:

Морозный хруст,
Как хруст разбитых стекол.
И я иду один, путая тишь.
Дома темнеют
Впадинами окон,
Надвинув козырьки
железных крыш.
Белых времен и поколений слепок —
Собор стоит вдали один, как перст.

И золоченый купол;
Точно репа,
Хвостом зарылся
В чернозем небес.

Густота письма здесь, пожалуй, даже чрезмерна. Чрезмерна и потому, что своеобразие стиха молодого поэта не в самодовлеющей образности, а прежде всего в чеканной простоте, публицистической заостренности, молодой задорной интонации, в цельности и непосредственности чувств его героя. На этом пути, кажется, он и должен искать свои далеко еще не исчерпанные поэтические возможности.

Пока же у В. Коротаева есть и не точно расставленные акценты, и «перекосы», и просто поэтические неудачи. Молодой поэт сбивается иной раз на гладкую дорожку ложного пафоса, громких, но пустых фраз, не вызывая доброго чувства в сердце читателя. Не свободен он и от дурных, чуждых ему влияний некоторых «модных» поэтов, пытавшихся снизить популярность среди молодежи.

В стихотворении «Меня увещевают снова» В. Коротаев, став в очень неловкую позу трубадура правдивого слова, который «под медный гром трубы», кладет свое «бунтующее сердце» «на жертвенник борьбы», огульно охаивает всех, кому он так картинно противопоставляет себя и свое «бунтующее сердце». Эти люди, оказывается, в отличие от В. Коротаева, «прямого сторонятся слова», «от правды отреклись». У них — какие-то «обновленные убеждения», «обескрылевшая мысль». Стихотворение фальшиво по своему пафосу,

его герой лишен привлекательности уже по одному тому, что он так любит свою непогрешимость. Кроме всего прочего, стихотворение это и по своей образности банально и трафаретно. Ложная позиция рождает и ложные образы — это истина.

Особенность лучших стихов Виктора Коротаяева в мужественности того откровенного разговора, который он ведет с читателем. В стихотворении «Меня увещевают снова» это мужество напускное, наигранное. Нередко и в чисто лирических стихотворениях («Ты приходишь ко мне без стеснения...») герой Коротаяева лишается цельности, теряет чистоту чувств, растворяя их в кокетливости, манерности.

Предстоит молодому поэту и большая работа над поэтической формой, структурой своих стихотворений. В основе некоторых из них не логика развития чувств, настроений, идей, а лобовая подача «заданной» мысли, заключенной в далеко не всегда удачные афоризмы концевых строк. Композиция стиха, кстати, — общая слабость молодых поэтов, не овладевших еще внутренними законами стройной конструктивной организации мысли, динамикой развития лирической темы.

В стихах Коротаяева, как и у других молодых поэтов, мелькают слова случайно попавшие под руку, не нагруженные мыслью, не освещенные новым поэтическим поворотом, свежей ритмической организацией. Отсюда вялые строчки, прозаизмы, избитые словесные образования («Как пулеметом срезанные», «лютая стужа», «знойный жар углей», «долго-

жданный сон», «опытной уверенной рукой» и т. п.).

У каждого из поэтов своя образная фактура стиха, свои поиски языковой выразительности.

Своеобразие стиха Бориса Чулкова — в непритязательной простоте его лексики. Молодой поэт, правда, слишком нарочито усложняет свой стих прозаизмами, утяжеляет его книжными конструкциями.

В родниковых струях народной речи чаще, чем кто-либо, находит живое ароматное слово В. Белов и умело расцвечивает им свой стих. Делает он это со вкусом, экономно. И. Тихонов, нуждаясь в свежем слове, обращается не к народному первоисточнику, а к «колоритным словечкам» толкового словаря. Такой путь поисков «поэтического своеобразия» несет в стих и ложную интонацию, и краски псевдонародного словесного орнамента. Да и герой лирики И. Тихонова, разбитной рубаха-парень, влечет за собой расхлябанную разухабистую ритмику.

В поисках самобытной поэтической интонации молодые вологодские поэты сбиваются иной раз на пение с голоса С. Есенина, Э. Багрицкого, А. Твардовского, Л. Мартынова, поддаются влиянию даже не устоявшихся голосов, чем-то «модных» интонаций молодой поэзии последних лет.

Поэзия самого младшего поколения поэтов-вологжан, при всех слабостях своих, дала уже сочные всходы. И есть надежда, что все лучшее, все самое здоровое, что есть в стихах

этого поколения, прочно окоренится, войдет в цвет, в силу.

Бьет живительный родник в казалось бы глухом краю лесов и озер и говорливым ручейком стекает в какую-нибудь безвестную речонку Ему, а она несет свои воды Тошне, та — Вологде. Вологда отдает их северной красавице Сухоне. Вливаются реки в Северную Двину, и она мощно течет к морю-океану. Так вливаются в океан советской литературы и чистые живительные родники молодой вологодской поэзии.

II

ПОЭТ ЭПОХИ ЛЕРМОНТОВА И КОЛЬЦОВА

1

Тяжела и сурова участь этого поэта, задущенного временем. Он разделил судьбу многих своих талантливых современников и друзей. Выходец из бедной разночинной среды, Василий Красов, преодолевая обильно павшие на его долю лишения и невзгоды, сам пробивал дорогу в жизнь, отдавал лучшее, что имел, российской изящной словесности и вместе с поколением «молодой России» горячо мечтал и верил в лучшие дни своей Родины.

Надломленный нищетой Красов рано ушел из литературы. Чахотка и заботы о насущном хлебе, ставшие его злейшими врагами, вскоре вырвали поэта из жизни. Случай жестоко поступил с ним и после смерти. Предпринятое друзьями поэта издание его стихотворений сгорело в одной из московских типографий. Целое столетие оставалось невыполненным завещание Н. Г. Чернышевского собрать и издать

заслуживающие того стихотворения замечательного поэта Василия Красова, который «был едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху деятельности Кольцова и Лермонтова»¹).

Виссарион Белинский с присущей ему горячностью и восторженностью писал, что поэтический талант Лермонтова не был в его время одинок: «подле него блесит в могучей красоте самородный талант Кольцова, светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова»²). «Неистовый Виссарион» внимательно следил за творческим развитием одного из своих близких друзей, печатал стихи Красова в «Телескопе», «Московском наблюдателе», а затем почти в каждой книге «Отечественных записок». Он высоко ценил его талант и дорожил дружбой с ним. Когда стихи Красова были украдены в редакции «Московского наблюдателя» и вскоре появились в журнале «Библиотека для чтения», Белинский радовался, что «прекрасные стихотворения любимого и уважаемого» им поэта не утратились для публики, что благодаря этой странной случайности «Красов, до того времени печатавший свои произведения только в московских изданиях, получил общую известность». Талант Красова, по словам Белинского, «давно уже признан публикой» и его стихотворения могут быть «громко хваляемы».

¹) Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., Гослитиздат, 1947, стр. 200.

²) В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV. М., изд-во АН СССР, 1954, стр. 371.

Поэзия Красова пользовалась широкой популярностью среди его современников, стихи поэта читались с увлечением, переписывались и ходили по рукам в списках, заучивались наизусть, цитировались в статьях, ставились эпиграфами к повестям, перепечатывались в хрестоматиях, а романсы на слова Красова («Опять пред тобой я стою очарован» и др.) исполняются и в наши дни. Современников привлекали искренность и благородство автора «чрезвычайно теплых и милых стихотворений». Они были примечательны для них «бойкостью стиха и эффектом приемов, не лишенных грации». Белинский ценил лирические стихотворения своего друга не только за пламенное чувство, но и за художественную форму лучших из них. Добролюбов видел в «звучных стихах» Красова «живую мысль» и искреннее, теплое чувство»¹⁾.

Современники характеризуют Красова, как человека исключительно восторженного, возбужденным воображением и болезненно развитой фантазией. «Ко всему этому присоединялась у нашего поэта, — писал о Красове критик П. Анненков, — юношеская горячность в привязанностях, совершеннейшая беспечность в жизни и неизменная доброта сердца»²⁾. По его же словам, это была искренняя, детски открытая натура, всегда вызывавшая глубокую симпатию людей, окружавших его.

¹⁾ Н. Добролюбов. Николай Владимирович Станкевич. Собр. соч. в 3-х, т. I. М., Гослитиздат, 1950, стр. 377.

²⁾ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. СПб, 1909, стр. 387—388.

Красов никому не навязывал своего знакомства и оставался в глазах современников робким и застенчивым человеком. «Его безыскусственная внешность представляла решительную противоположность с тем, что мы привыкли понимать под аристократической наружностью», «Красов по своему происхождению, по своим симпатиям и по роду занятий глубоко коренился в русском народном мире и представлял живой контраст с высшим русским обществом, болтавшим по-французски»¹⁾. Талантливый рассказчик, Красов увлекал и захватывал собеседника различными эпизодами из своей богатой событиями жизни, рассказывал так образно и с таким воодушевлением, что слушатели переживали эти события вместе с ним. Красов знал людей разного типа, вышедших из народа, мастерски передавал их поведение, выражение лица, особенности речи и совершенно не мог рисовать людей высшего круга.

Друзья Красова отвечали на его горячую привязанность сердечной взаимностью, а самый близкий его друг Николай Станкевич, по словам П. Анненкова, никогда не забывал о своем Красове, любил его искренне, как «любят существо, живущее по своим особенным, почти исключительным законам». Он приходит в восторг от его благородных фантазий и считал, что жизнь «не полна без Красова». «Как же я рад, — писал Станкевич своему «любезному Васютке», — что мне не трудно будет

¹⁾ Воспоминания Фридриха Боденштедта о пребывании в России в 1841—1845 гг. «Русская старина», 1887, т. 54, стр. 425.

ждать зимы, чтобы поговорить с моим Красовым; что, приехавши в Москву, я ту ж минуту найду тебя, ветрогона, и притащу к себе за шиворот и задушу вопросами и ответами, рассказами о былом и несбывшемся, о том, чего не будет и не должно быть. Ты, в свою очередь, тоже наговоришь мне много... Пусть мал и незаметен будет художнический талант твой; но эти пламенные, искренние беседы души с самим собою, не сохраняют ли ее энергии, не спасают ли ее сокровища от наития тяжких житейских смут и забот?»¹⁾).

Белинский в своих письмах к московским друзьям никогда не забывал передать свое «братское лобызание» «милому Василию Ивановичу Красову», писал ему теплые письма, просил новые стихи и сердился, если поэт не присылал их. Лишения и тяжелые переживания Красова тяжело падали на сердце великого критика. В. П. Боткин, Т. Н. Грановский принимают самое близкое участие в судьбе Красова, вернувшегося в Москву из Киева, А. В. Кольцов радуется его поэтическим успехам, посылает его «славные пьески» Белинскому. Белинский пишет Боткину: «Красову скажи.., что его «Песня Лауры» и «Флейта» — прелесть, чудо, объядение — хороши, мочи нет — облобызай его за это»²⁾). В своих статьях он высоко отзывается о «прекрасных поэтических стихотворениях» Красова, цитирует элегию «Взгляни, мой друг: по небу голубому», выделяет «проникнутое грустным чувст-

¹⁾ Переписка Н. В. Станкевича. М., 1914. стр. 405.

²⁾ Белинский. Письма. Ред. и прим. Е. А. Ляцкого. т. 2, СПб, 1914, стр. 167.

вом» стихотворение «Клара Моврай», элегию «Когда порой свободный от трудов», «истинный перл» — «Известие», «все проникнутое мыслию и отличающееся художественною отделкою формы» и многие другие стихотворения любимого им поэта.

Находясь в кругу передовых людей своего времени, в центре литературной жизни 30-х и 40-х годов прошлого века, Красов выделяется как поэт, творчество которого выражало чувства и настроения лучших людей его времени, душевные тревоги «молодой России». Красов не поднялся вместе с Лермонтовым до сурового обличения крепостнической действительности. Выражая душевную неудовлетворенность молодого поколения этой действительностью, тяжелые переживания человека уже надломленного жизнью, Красов не был, однако, только певцом страдания, несбывшихся надежд и упований. Поэт привлекает нас любовью к жизни, искренним и чистым чувством всей своей широкой и доброй русской души, светлой мечтой и постоянным ожиданием радостного будущего. Лирическая взволнованность, элегическая грусть, находившая подчас тонкие музыкальные формы под пером Красова, сочетаются с присущей его русскому таланту народной простотой поэтической речи, а восторженная романтичность переплетается с чисто реалистическим изображением жизни.

2

Василий Иванович Красов родился 23 ноября 1810 года в Кадникове, маленьком уездном городке Вологодской губернии, в семье бедно-

го священника. Детство поэта прошло во Флеровском, где его отец Иван Федорович Красов был соборным иереем Николаевской церкви.

Будущий поэт рано узнал нелегкую жизнь простого народа, проникся его настроениями и думами. Красов называл свое детство «бедным», не раз с грустью вспоминал о нуждах никогда не покидавших их большую семью. И все же детские годы поэта, на долю которого, как и на долю многих других передовых людей его времени, выпала нищенская, полная лишений и невзгод жизнь, были лучшими в сравнении с теми, какие пришлось ему пережить позже.

Красов любил родные места, в которых провел свои «лучшие дни». Он с гордостью называл себя «сыном Севера», в письмах к В. Белинскому высказывал заветное желание получить место учителя в своей «северной, родной» губернии. Тоскуя по родному краю, Красов не раз рисовал себе овечьиные сладкой грустью образы «дальней милой стороны», не раз вспоминал «детских лет волнующую даль»:

Наш старый дом, наш бедный городок,
И темные леса, и бурный мой поток,
И игры шумные, и первое волнение —
Все живо вновь в моем воображеньи...
Вон дом большой чернеет над горой,
Заря вечерняя за лесом потухает...

В сентябре 1821 года родители определили Василия Красова в Вологодское духовное училище, где уже учились его старшие братья. Училище помещалось в одном здании с духовной семинарией, а его казеннокоштные ученики

жили здесь же, вместе с семинаристами, с малых лет впитывая в себя жестокие и грубые «бурсацкие» нравы. Изо дня в день магистры и кандидаты богословия, архимандриты, протоиереи, инодьяконы и прочие наставники училища и даже студенты семинарии вдалбливали ученикам одно и то же — священную историю, катехизис, церковный устав. Особое внимание обращалось на знание древних языков, и случалось так, что ученики знали их лучше, чем свой русский язык.

Василий Красов оказался учеником «примерно доброго» поведения, «способностей отличных, прилежания ревностного, успехов превосходных». В 1825 году он заканчивает училище и вслед за своими братьями Федором, Николаем и Глебом переводится в Вологодскую духовную семинарию.

Будучи семинаристами, братья Красовы находились на собственном содержании, но, как и другие студенты, должны были ревностно блюсти строгий режим «вологодской бурсы». Стоило лишь одному из них, Глебу, заглядеться однажды на «гарнизонные упражнения», проходившие у самой семинарии, на «плац-параде», опоздать на занятие по словесности и «непристойным убранством одежды» произвести в своих товарищах «всеобщее смеяние», как он тут же был поставлен на колени, а потом исключен из семинарии и отдан в солдаты.

Василий Красов и в семинарии обнаружил отличные способности и успехи и шел по прилежанию и успеваемости в «первом разряде». Здесь он получил хорошую подготовку по гре-

ческому и латинскому языкам, но заметного интереса к богословским наукам не проявлял. Уже в семинарии Красов начал писать стихи, и мечта о литературе, об университетском образовании с тех пор не покидала его. «Любить изящные науки и упражняться в оных, — писал Красов, — было издавна требованием и утехой души моей»¹⁾.

Осенью 1829 года Красов самовольно покинул семинарию, уехав к отцу в Кадников. Вскоре оказалось, что он «одержим припадками грудной болезни». Несмотря на это, правление Вологодской семинарии вынуждало отца «представить безотлагательно сына своего в семинарию». Лишь летом 1830 года Красов исключается из семинарии «за малоуспешности, порожденные продолжительной болезнью». Между тем, он еще в апреле 1830 года подал прошение в Московский университет, в котором указывал, что достиг возможности выполнить свое давнее желание — «образовать себя под сению сего высокого заведения в словесных науках».

Солнечным августовским днем 1830 года, получив долгожданное свидетельство об исключении из семинарии, Красов вместе со своим семинарским товарищем Александром Лавдовским отправился в трудный по тем временам путь — в Москву, а 9 сентября профессора словесного факультета (Чумаков, Ивашковский, Победоносцев и др.) уже экзаменовали Красова «в языках и науках, требуемых

¹⁾ Архив МГУ, ф. II, 1 с., д. № 133, 1830 г. «О приятии в университет в студенты Александра Лавдовского и Василия Красова», л. 4.

от вступающих в университет в звании студента, и нашли его способным к слушанию профессорских лекций в сем звании». Ожидая увольнения из духовного звания, он начал посещать лекции. 8 декабря 1830 года последовало официальное распоряжение включить Красова и поступавших вместе с ним семинаристов «в список своекоштных студентов, взяв с них подписки о непринадлежности к тайным обществам, о хождении в форменной одежде и поручительство за благонадежность поведения их».

3

Осенью 1830 года по Москве губительно быстро распространялась холера, унося жертвы одну за другой. Кто мог, спешно покинул город, а оставшиеся закрылись в своих домах,— древняя столица была оцеплена строгим военным кордоном, закрывались учебные заведения, присутственные места, были запрещены публичные увеселения, прекратилась торговля. Священники с хоругвями обходили свои приходы, устраивали молебны.

В эти дни студентов всех факультетов собрали на университетский двор и объявили о закрытии университета. Распрощавшись с казеннокоштными товарищами, небольшими группами расходились студенты по домам. Среди них был и Василий Красов, своекоштный студент.

Удручающе безмолвны и пустынные были московские улицы. Лишь изредка в направлении холерных бараков с глухим стуком проносились тяжелые четырехместные кареты.

Прохожие в страхе шарахались от них, бросались в первые же ворота.

Холера неохотно оставляла Москву, город медленно пробуждался к жизни. Лишь в январе 1831 года возобновились лекции в университете, но студенческая жизнь еще долго не входила в свою нормальную колею.

Едва Красов переступил порог Московского университета, как от него потребовали собственноручной подписки, что он не принадлежит ни к какому тайному обществу «ни внутри империи, ни вне ее» и обязуется «впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь».

Напуганные восстанием декабристов, царь и его жандармы душили всякое живое слово, живую мысль в стране. Мрачная тень николаевской реакции тяжело пала и на Московский университет. Сделано было все, чтобы «оказенить» науку, поставить ее на службу «царю и отечеству». Значительная часть московских профессоров (особенно Победоносцев, Ульрихс, Терновский) охотно стали послушными проводниками охранительно-реакционной идеологии. Их напыщенные, оторванные от жизни лекции, схоластические лженаучные курсы вызывали даже в отзывчивых студенческих сердцах безысходную скуку и раздражение. По словам В. Г. Белинского, в лекциях профессоров Московского университета «невежество, запоздалость, мелкость, недобросовестность, явное искажение истины так ярко бросались в глаза»¹⁾.

¹⁾ Белинский. Письма. Ред. и прим. Е. А. Ляцкого, т. I. СПб, 1914, стр. 85.

Вырвавшись из косной семинарской среды, Красов жадно впитывал в себя столичные впечатления, приобщался к новой для него жизни и не жалел сил для учебы. Усердие, хорошая подготовка особенно по древним языкам выделяли Красова. Товарищи это заметили и называли его в числе людей, «горячо принявших за науку: Станкевич, Строев, Красов, Ефремов, Лермонтов». В числе первых шел он в классе латинского языка, высший балл получил и по русской словесности, в то время как результаты его товарищей по курсу (Н. Станкевич, В. Белинский, Я. Почека, М. Лермонтов, С. Строев и др.) «оказались довольно плачевными».

Занятия в этот год шли с перерывами, профессора часто не являлись на лекции, пропускали без уважительных причин занятия и студенты.

Все они, в том числе и Красов, были оставлены на повторительный курс. В новом учебном году снова пришлось слушать те же лженаучные лекции тех же бездарных профессоров.

Схоласт и педант П. Победоносцев, читавший курс русской словесности, был совершенно чужд современной литературной жизни. Цепляясь за авторитеты классицизма, этот литературный старовер напыщенно и скучно излагал студентам инверсы, автотонии, требовал от них составления «хриек». Литературное староверство, напыщенная риторика никак не могли увлечь полного жизни и жажды знаний Красова. Он и его товарищи по-своему, с озорством высмеи-

вали все устаревшее в науке. Не останавливались и перед проказами: то выпускали на лекции П. Победоносцева воробья и, когда он принимался летать по аудитории, негодовали на такое нарушение приличия, тут же на лекции с шумом, с ревностным усердием принимались ловить его, забавляясь гневом профессора; то на лекции того же Победоносцева «о хрии простой и извращенной» вдруг устанавливалась коварная тишина, и откуда-нибудь из задних рядов «раздавался тихий, мелодический свист, обыкновенная мазурка или какой-нибудь другой танец», потом «музыка умолкала, и за ней следовал взрыв рукоплесканий и неистовый топот».

Из старой профессуры наибольшим уважением студентов пользовался, пожалуй, лишь один М. Т. Каченовский, профессор русской истории, создатель так называемой «скептической школы» в исторической науке. Человек острого ума, он будил у молодежи критическое отношение к русской истории. Среди студентов второго курса, который был, по словам К. Аксакова, в отличие от первого, «богат людьми более или менее замечательными» (среди них он называет и Красова), М. Т. Каченовский нашел немало последователей и любимых учеников. Многим был обязан ему и Василий Красов.

В зимний семестр 1832 года приступил к чтению курса истории изящных искусств молодой профессор Н. И. Надеждин, сыгравший особую роль в литературном воспитании Красова и его товарищей. Широтой научных интересов, глубиной мысли, большим и свежим

материалом, живостью и яркостью его изложения, редким профессорским даром и приветливым гуманным обращением молодой ученый «возбуждал в студентах необыкновенный энтузиазм».

Н. И. Надеждин горячо выступал против консервативного романтизма, стоял за поэзию высокой мысли, за связь ее с жизнью. Вдохновенное слово талантливого критика и ученого глубоко проникало и в отзывчивое сердце Красова. Как и его близкий товарищ Н. Станкевич, он мог сказать, что «Надеждин много пробудил в нем своими лекциями».

Красов постоянно тянулся к знаниям, но далеко не всегда находил их в лекциях своих профессоров. Приходилось самостоятельно заниматься университетскими дисциплинами, самому руководить своим чтением, нередко пропуская занятия в университете. Не имея достаточных средств к существованию, Красов чрезвычайно бедствовал, давал грошевые уроки по частным домам, скитался по сырым подвальным квартирам московских обывателей.

4

Ранним утром со всех сторон стекалась на Моховую шумная толпа студентов — в форменной одежде, со шпагами, в треугольных шляпах. Оживленно переговариваясь, сходились они в свои аудитории слушать монотонные лекции бесцветных профессоров. Однообразно и скучно проходил день в университете. Одна за другой, утомительно, без перерывов шли лекции.

Студенческая среда, в которую вошел Красов, была необычайно пестрой, разносослозной. Со всех концов страны, часто, как и он, пешком, в рваных сапогах, без всяких средств, с одной лишь тягой к знаниям, шли сюда представители разночинного демократического поколения «молодой России». И Московский университет становился центром этой молодой демократической России. Его аудитория, по словам Герцена, развивала студентов «юным столкновением, обменом мыслей, чтений». Добрые товарищеские отношения, основанные на чувстве человеческого равенства, культ дружбы, отсутствие светского лоска и житейского благоразумия, горячность молодости, которая все «более и более слышала в себе умственные и нравственные силы», — все это роднило и сплачивало студентов в одну дружную семью.

На одном курсе с Красовым учились многие примечательные люди, его университетские товарищи — Виссарион Белинский и Михаил Лермонтов, Николай Станкевич и Сергей Строев, Осип Бодянский и Александр Ефремов. На этом же курсе слушал лекции Иван Гончаров. На старших курсах учились товарищи Красова Януарий Неверов и Иван Ключников, первогодичным студентом был пятнадцатилетний Константин Аксаков, за ним шел совсем юный Иван Тургенев. Среди студентов физико-математического факультета обращал на себя внимание худенький, подвижный, веселый и бойкий юноша с коротко остриженными светлыми волосами. Это был Александр Герцен. Рядом с ним нередко видели

серьезного, всегда задумчивого Николая Огарева.

Общительный Василий Красов быстро приобретал в студенческой среде друзей и знакомых. В свободное от лекций время вместе с новыми своими друзьями он страстно и горячо спорил, рассуждал, фантазировал. Не принимал участия в этих «заносчивых спорах» смуглый, сутуловатый юноша, с большими горящими черными глазами, с чертами лица как будто восточного происхождения. Садился он всегда вдали от товарищей, в дальнем углу аудитории, у окна и, опершись на локоть, углублялся в чтение. Студенты знали его фамилию. Это был Лермонтов, тот, который впоследствии писал:

Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками.

Этот юноша привлекал внимание Красова и его товарищей. Однажды они сделали попытку познакомиться с ним, послав на переговоры П. Вистенгофа. Красов, кивая головой в угол, где сидел Лермонтов, сказал:

— Вы подойдете, Вистенгоф, к Лермонтову и спросите его, какую это он читает книгу с таким постоянным, напряженным вниманием? Это предлог для разговора самый основательный.

Станкевич и Ефремов тут же одобрили совет своего друга, и Вистенгоф отправился в

дальний угол аудитории. Лермонтов встретил его неприветливо и на его вопрос ответил резко. Биограф Лермонтова объясняет эту резкость нежеланием поэта сходиться со студентом, обывательские интересы которого были ему слишком хорошо известны.

Несмотря, однако, на несходчивый характер Лермонтова, Красов познакомился с ним и впоследствии, рассказывая об одной из встреч с поэтом, вспоминал, что «он был когда-то короткое время» его «товарищем по университету».

Раньше других своих товарищей из группы Станкевича, Красов, можно полагать, сошелся и с Виссарионом Белинским, автором пьесы «Дмитрий Калинин», цензурное запрещение которой взволновало студентов, вызвало многочисленные толки и разговоры. Белинский, правда, к этому времени редко посещал лекции, часто болел, но Красов мог с ним встречаться не только на лекциях, но и в казеннокоштных номерах. Его старый семинарский товарищ Николай Лавдовский в феврале 1831 года добился казеннокоштного содержания, и Красов, всегда поддерживавший с ним связи, был значительно больше, чем его новые друзья, близок к казеннокоштным студентам, разделяя с ними те же лишения и бедствия.

Но ближе всего Красов сдружился с Николаем Станкевичем и вскоре стал его «истинным другом». Трогательной привязанностью и горячей любовью отвечал ему и Станкевич. Вначале он брал у Красова уроки в латинском и греческом языках, которые его друг

знал довольно основательно, затем они вместе занимались историей и другими науками, целыми ночами просиживали за чтением Шиллера, Гете, Бальзака, Козлова. Уже в декабре 1932 года Красов напечатал в «Телескопе» стихотворение «Куликово поле» с посвящением Н. В. Станкевичу, обращался к нему и в другом своем стихотворении — «Булат». Со временем эта дружба крепла.

Юное поколение «молодой России» все больше проникалось духом политического свободомыслия, критического отношения к окружающей жизни. Современная действительность давала немало пищи для оживленных споров и обсуждений. Вспыхивали «холерные бунты», восстания в Крыму и на Кавказе, по всей стране прокатилась вест о польском восстании, об июльской революции 1830 года во Франции — все эти события надолго приковывали внимание студентов, возбуждали их, усиливали оппозиционные антикрепостнические настроения. В студенческих кругах велись разговоры о бедствиях русского народа, о его бесправии, волновались студенты-поляки, возникали тайные студенческие кружки — «Литературное общество 11 нумера», руководимое Белинским, «тайное общество Сунгурова», кружок Герцена и Огарева, в котором уже рождалась мечта о том, «как начать в России новый союз по образцу декабристов», «Дружеское общество» И. Ключникова, Я. Неверова, И. Оболенского и «другие группы близких между собой товарищей».

Красов находился среди оппозиционно настроенной молодежи, ненавидевшей самодер-

жавие и крепостнические порядки. Многие из его товарищей принимали самое живое участие в протестах против университетского режима, в страстных спорах искали путей к правде, к лучшему общественному устройству.

Не оказался в стороне от этой жизни своих товарищей и Красов. Одним из первых он вошел в философско-литературный кружок Н. В. Станкевича. Однокурсник Красова Алексей Беер приглашал близких ему студентов в свой дом на танцевальные вечера. Там и произошла встреча Станкевича и его товарищей с Я. Неверовым, у которого вскоре возникла мысль «основать общество дружеское между несколькими студентами для совокупных трудов на поприще образованности»¹⁾.

«Дружеское общество» (Я. Неверов, И. Ключников, И. Оболенский) собиралось несколько раз для совместных занятий, но они вскоре были прерваны арестом Оболенского. В это время, как полагают исследователи, и возникла мысль перенести занятия кружка на квартиру Станкевича, который постепенно стал его руководителем. По словам Я. Неверова, «наиболее выдающимися членами кружка были: Сергей Строев — историк, Красов — поэт, помещавший свои стихотворения в тогдашних журналах, Ключников». Это и было первоначальное ядро кружка, а с 1833 года в него уже входила довольно значительная группа участников, в том числе В. Белинский, А. Ефремов, О. Бодянский, А. Беер и др.

¹⁾ К. П. Архангельский. Из истории кружка Н. В. Станкевича. — «Воронежский краеведческий сборник», вып. I. Воронеж, 1924, стр. 32.

Собирались за чашкой чая у Станкевича, жившего на Дмитровке, в доме профессора Павлова. Целые вечера проводили в чтении, в задушевных беседах и спорах, хором пели студенческие песни, обсуждали новые произведения, театральные постановки, читали свои стихи, увлекались историей.

Большое влияние на формирование художественных вкусов кружка оказывали произведения Гоголя, появившиеся тогда в печати. Каждое новое его произведение оставляло освежающее впечатление. Гоголем зачитывались и восхищались так же, как зачитывались и восхищались стихами Пушкина, посещение которым Московского университета уже в апогее славы было памятно, по словам И. Гончарова, «всем тогдашним студентам».

«В этом кружке, — вспоминал о кружке Станкевича его участник К. Аксаков, — вырабатывалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир, — воззрение большей частью отрицательное». В кружке, по его словам, сильно нападали на казенный российский патриотизм, на ложь, на всякую фразу и эффект, горячо желали «правды, серьезного дела, искренности и истины». К. Аксаков вместе с тем указывал, что «кружок этот, будучи свободомысленен, не любил ни фрондорства, ни либеральничанья... даже вообще политическая сторона занимала его мало»¹⁾.

Четко политического лица кружок действительно не имел. Сам Станкевич, человек

¹⁾ К. С. Аксаков. Воспоминание студенчества 1832—1835 годов. СПб, 1911, стр. 17—19.

острого ума и яркого обаяния, оказавший большое влияние на своих товарищей, уклонялся от острых политических вопросов своего времени, был противником насильственного изменения государственного устройства. И все-таки при всем этом критика официальной России, казенной идеологии, мечта о лучшей действительности были сродни особенно разnochинскому слою кружка Станкевича. Страстно и горячо мечтал и Красов о лучшей доле, о прекрасном будущем России. Фантазией он скрашивал ту ужасную обстановку, в которой жил. Молодой поэт, «находясь в таких же бедственных положениях, как и Белинский, строил себе свой собственный мир иллюзий и уходил в него, забывая и холод и голод действительности, и снисходительный юмор своих богатых друзей»¹⁾).

Красов всегда принимал живое участие в беседах об изящном, о поэзии и театре, о любви и дружбе, в занятиях литературой и историей, которые поначалу прежде всего привлекали участников кружка. Он охотно фантазировал, рисовал своим товарищам «со всеми невольными прикрасами возбужденного воображения» свои встречи с неземными созданиями.

Красов — частый гость и самый близкий друг Станкевича. Он, можно сказать, живет у него. В декабре 1833 года Станкевич пишет Я. Неверову о своем новом друге: «Он каждый день почти ночует у меня». Они вместе

¹⁾ А. Скабичевский. Соч., т. 1. СПб, 1903, кол. 299.

проводят время в семье Беер, увлекаясь сестрами Натальей и Александрой, вместе готовятся к экзаменам, зачитываются немецкими поэтами, читают друг другу свои стихи, гуляют по Кремлю. Станкевич убеждает Красова заняться историей живописи для своей диссертации. «Общество, в котором я беседую еще о старых предметах, согревающих душу, — пишет Станкевич, — ограничивается Красовым и Белинским: эти люди способны вспыхнуть, прослезиться от всякой прекрасной мысли, от всякого благородного подвига!».

Многое сближало Красова и с Белинским, перед талантом которого юный поэт просто благоговел, а Белинский видел в своем друге поэта, способного выразить настроения «молодой России».

5

Вскоре после вступления в университет Красов стал среди своих товарищей «признанным поэтом». Уже в 1832 году Н. И. Надеждин привлек его к сотрудничеству в «Телескопе», а затем почти каждую неделю печатал его стихи в «Молве». 6 июля 1833 года на традиционном торжественном акте университета по случаю окончания учебного года студенческий хор исполнил кантату Красова, музыку на слова которого сочинил композитор Г. Кашин.

Восторженно и впечатлительно воспринимая настроения кружка Станкевича, проникаясь мечтой о прекрасном, о высоком благородном подвиге и не видя этого в окружающей его жизни, Красов обращается к темам

исторического прошлого русского народа, прославляет его героические подвиги в борьбе с неумолимой и жестокой татарской ордой («Куликово поле»). Он восхищен гением и мужеством своих предков, их славной борьбой с тиранством во имя «родины несчастной, угнетенной». Красов обращается к временам национально-освободительного движения, рисует образы Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, вспоминает о польской интервенции, о битве со шведами, полный сознания величия этой борьбы. Дедовский меч напоминает поэту о воинской славе русского народа. «России мститель роковой», заветный булат «погулял в полях Полтавы для русской чести, русской славы», он «выручал и честь Отчизны, и честь Великого Петра». Теперь же меч русской славы покрылся ржавчиной и напоминает лишь «живой рассказ о старине». Полный «возвышенных желаний» поэт готов отточить заветный дедовский меч, войти вместе с друзьями в зарево сраженья «за честь родного края». Красов призывает их познать подвиги славян, испытать старинную отцовскую чашу, которая, быть может, помнит «злодея Мамай и тяжкое иго жестоких татар»:

Ну! пейте ж из чаши заветной, друзья,
И пойте победы, нынче очередь наша!

Поэту «радостно за честь родного края и действовать и славно умереть», он готов отдать весь жар своего сердца, все свои юные силы служению Родине. Но эти мотивы не стали характерными для дальнейшего творчества Красова. Поэт рано познал всю горечь

жизни, его восторженные мечты рушились, соприкасаясь с мрачной николаевской действительностью.

В 1834 году Красов успешно закончил университет и «за отличные успехи и поведение определением Совета 1834 года июня 30 дня удостоен кандидатом отделения словесных наук».

Навсегда простившись с Московским университетом, Красов писал А. А. Беер: «Но мой удел? Он еще скрыт в темной будущности. Пускай судьба правит моим кормилом... теперь я вступаю в этот новый мир, — в мир самобытной деятельности. Курс университетский кончен, — кончена жизнь университетская — товарищи разлетелись, общий интерес исчез — там была цель близкая, были сотрудники — товарищи, жили беспечно под опекою начальства — теперь все кончено — я стою один, как развалина. Странно, многие радовались окончанию, я не мог этого сделать. «Как, — был первый вопрос моего духа, — ты кончил приготовление к деятельной жизни? Что же ты будешь делать и готов ли ты? Какой подвиг изберешь в деле отчизны, испытал ли, сознал ли свои силы...?» Уныние было ответом, я был не весел, — теперь моя жизнь — длинная дорога, теряющаяся за дальними горами, река, текущая в океан вечности... Невольно задумаешься долго, глубоко...»¹⁾). Красов горит желанием служить родине, с радостью готов погрузиться теперь в «мир изящной деятель-

¹⁾ В. И. Красов. Письмо Беер Константину Андреевичу и Беер Александре Андреевне. Рукописный отдел ИРЛИ. Архив Бакунина, ф. 16, оп. 11, № 23, л. 2.

ности, мир самоуглубления, мир искусства». Он с упоением читает Шиллера, избирая его своим другом, товарищем, наставником, вместе с друзьями отдыхает за городом, бывает вместе со Станкевичем в Архангельском, считая, что ничто так не воспитывает чувства прекрасного, как дружба с природою.

Окончание университета не внесло, однако, каких-либо существенных перемен в жизнь Красова, его обеспеченные друзья, нередко приходившие на помощь, разъезжались по своим имениям, «прошлый мир товарищества» рушился, благим надеждам юного поэта не суждено было осуществиться, и он начинал утрачивать возвышенную мечту о лучших временах. Красов тяжело переживал материальную необеспеченность своих родителей, постоянно просивших о помощи. Как вспоминает П. Анненков, «по выходе из университета он жил бедно», все больше терял и без того подорванное нуждой и постоянными лишениями здоровье.

До нас дошли скудные, туманные сведения о жизни поэта в это время. 3 июня 1834 года Станкевич сообщает о предполагаемом отъезде Красова из Москвы «на неделю», но в июле и в августе пишет ему из Петербурга и из деревни, просит прочитать письмо Белинскому, передать поклоны Строеву, Ефремову, Бодянскому, Бееру, Оболенскому, Ключникову, Аксакову и всему почтенному его семейству. Может быть, к этому времени и относится сообщение Герцена: «Красов, окончив курс, как-то поехал в какую-то губернию к помещику на кондацию, но жизнь с патриархальным

плантатором так его испугала, что он пришел пешком назад в Москву, *с котомкой за спиной*, зимою, в обозе чьих-то крестьян»¹⁾. Оно подтверждается и словами другого современника, хорошо знавшего Красова: «Вскоре по окончании курса он получил место домашнего учителя в Малороссии, и тут, живя среди народа, столь богатого песнями, он получил новый толчок к поэтическому творчеству»²⁾. Во всяком случае, Красов на этот раз не надолго покинул Москву. Зимой 1835 года, полный новых поэтических планов, он вновь был среди своих друзей, пребывал в мечтах, фантазировал, писал стихи.

Профессор М. А. Максимович, всего год тому назад назначенный ректором вновь открытого Киевского университета, просил старого друга М. П. Погодина, проезжавшего через Киев, найти ему адъюнкта на кафедру словесности. Вскоре по возвращении в Москву М. П. Погодин рекомендует на это место Красова, известного Максимовичу по Московскому университету. «Я нашел тебе адъюнкта — Красова, — писал Погодин 16 ноября 1835 года. — Он хорошо знает по-русски, ретив и обещает вполне следовать твоим наставлениям, трудиться усердно. Если хочешь, напиши — и он явится немедленно к тебе и будет держат магистерский экзамен».³⁾ Максимович

¹⁾ А. И. Герцен, Собр. соч., т. IX. М., изд-во АП СССР, 1956, стр. 44.

²⁾ Воспоминания Фридриха Боденштедта о пребывании в России в 1841—1845 гг. «Русская старина», 1887, т. 54, стр. 427.

³⁾ Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. Спб, 1882, стр. 9.

вич, однако, долго колебался в этом выборе, сомневаясь, очевидно в Красове, «за терпеливость на труд». Погодин в своих письмах убеждал, что рекомендуемый им Красов «очень хорош».

Но Максимович что-то долго тянул, не общая своего решения. Неустроенный Красов, между тем, в ожидании назначения кочевал по квартирам своих московских друзей и летом 1835 года, так и не дождавшись назначения, уехал в деревню, в семью Ладыженских. Совсем больного проводил его из Москвы Станкевич, а получив вскоре письмо от своего друга, радовался выздоровлению его и тому, что письмо это «исполнено пламенных благородных мечтаний, как и все беседы его». Не скупясь в письме к Станкевичу на похвалы семейству Ладыженских, Красов, однако, быстро бежал «из этой почтенной компании» в Москву.

Истинно поэтическая натура, чуждая житейским расчетам и праздной жизни светского общества, Красов всем своим добрым сердцем тянулся к тем из своих московских друзей, кто еще мог разделить его надежды и мечтания, но общие интересы исчезали, взаимоотношения с некоторыми из них давали серьезные трещины, а тяжело больной Станкевич, часто отсутствуя в Москве, не в силах был скрепить своим влиянием содружество университетских товарищей. Иные из них вовсе не склонны были разделять его философские увлечения, стояли далеко от идиллического «прекраснодушия» своего друга, находясь в борьбе с житейскими невзгодами, искали своих путей.

Сближение Станкевича и его друзей с властным, самолюбивым М. Бакуниным еще более осложнило взаимоотношение товарищей, способствуя разложению кружка. М. Бакунин вскоре вступает в конфликт с Белинским, пытается поссорить Красова с Беерами, внушая, что Красов не может быть другом, не достоин доверия сердца. Находясь в кругу своих старых и новых друзей, Красов, можно полагать, духовно тянулся к Белинскому и в это время наиболее сблизился с ним. Как поэт, активное участие принял он и в «Телескопе», издание которого после отъезда Надеждина за границу перешло в руки Белинского.

Рожденный, как и герои его лирических стихотворений, «для слез любви, для упоения, для нежной пламенной мечты», Красов постоянно сталкивался с холодным равнодушием общества к лучшим человеческим чувствам и стремлениям. Он сознавал свое одиночество, тосковал и томился среди блеска ликующей толпы. Ему тяжело и душно в мире обмана, лукавой клеветы. Поэт уже хорошо знает, что «холодный свет святого не оценит», и с горечью восклицает:

Какая-то разгневанная сила
От юности меня страданию обрекла:
Огнем страстей мне сердце воспалила,
А сердцу счастья не дала!

Уже в первой своей элегии «Я скучен для людей» Красов с огромной душевной болью говорит, что он хотел любить людей, хотел «назвать их братьями своими», «жить для них, как для друзей», но никто не разделил этих

юношеских его стремлений. Чувства несбывшихся мечтаний и надежд, «неразделенного братства» начинают входить в творчество Красова. Закрываясь от дыхания клеветы, поэт готов уйти в мир «властительных дум», в безмолвную тихую обитель желаний, своей взволнованной мечты:

Тогда бегу людей; боюсь их приближенья,
И силюсь затаить и слезы и волненья,
Чтоб взор лукавой клеветы
Не оскорбил моей мечты...

В это время Красов уже обнаружил себя как поэт примечательного лирического дарования. Его привлекала поэзия и романтическая судьба «властительного певца» Байрона, лира которого продолжала греметь для Красова сильнее «господнего гнева». Но ближе всего ему были национальные традиции русской поэзии. Стихи Красова привлекали свежестью и непосредственностью чувства, задушевностью, искренностью интонации, безыскусственной простотой формы.

6

Холодной весенней ночью 1837 года в простой, запряженной парой кибитке Красов выехал из Москвы в дальний по тем временам путь, — в Чернигов, где ему была обещана должность старшего учителя гимназии. Больше двух недель длилось это томительное путешествие. Изнуренные клячи едва тащили кибитку, превращенную извозчиком с помощью рогож в подобие дилижанса, часто останавли-

вались, ложились в грязь и требовали отдыха. Заботливому извозчику приходилось на руках переносить из кибитки в какую-нибудь крестьянскую избу своего продрогшего спутника, совсем больного и обессиленного Красова.

Многое передумал поэт за эту «ужасную дорогу», проделанную им с тоской о счастье, которое он «узнал не вполне и которое тем дороже, что оно невосвратимо и далеко»¹⁾.

Утопавший в садах Чернигов своим живописным местоположением произвел поначалу впечатление на Красова. «... На лучшем месте стоит гимназия, — писал он. — Возле нее на горе была когда-то крепость, где до сих пор лежат три пушки, но где теперь роются одни свиньи, которым здесь нет числа. Это высокая, отвесная гора, под которой бежит Десна со своим песчаным левым берегом. Я очень часто хожу сюда. В первый раз в жизни я встречаю такой ландшафт. С правой и с левой стороны города обширные луга, оканчивающиеся лесами, и верст за десять с обеих сторон сверкает то светлая, то темная река и желтеют пески, — прямо, за рекою твой взгляд теряется в синей дали, где изредка мелькают хутора и горят на солнце озера»²⁾). Восхищаясь красотой окружающей природы, Красов, однако, был удручен бездеятельностью обывателей этого бедного городишки, сплетнями и невежеством, царившими здесь. Проводя свободное время в имении Рашевского под Черниговым, в кругу

1) В. И. Красов. Письмо к М. А. Бакунину. Рукописный отдел ИРЛИ. Арх. Бакунина, ф. 16, оп. 3, № 158, л. 1.

2) Там же, л. 3.

учителей гимназии, ставших его новыми товарищами, Красов много сил отдает своим ученикам, которых он любит, как братьев, но гимназия кажется ему слишком тесным кругом, для деятельности ему мало «одних книжонок 18 века».

Тоскуя в черниговской глуши, Красов был вовсе не намерен сгибаться перед жизнью и ждать, когда она нанесет ему последний удар.

В Чернигове однако Красов долго не задержался и вскоре был переведен в Киев. 29 сентября 1837 года он занял должность адъюнкта (помощника профессора) по кафедре русской словесности в Киевском университете.

Открытый с пышной торжественностью в июле 1834 года, университет имел лишь всего два факультета, далеко не полный состав профессоров и мало чем отличался от гимназии, из которой вырос. Студенты, пока еще робко поступавшие в него, «горько разочаровались в своих надеждах» и, аккуратно посещая принудительные лекции, не находили «полного удовлетворения своей пытливости». Кафедре русской словесности занимал ординарный профессор М. А. Максимович. Будучи магистром физико-математических наук, он занимался раньше ботаникой. Не имея специального филологического образования, Максимович не решался братья за «теорию красноречия» и поручил чтение этого курса своему новому адъюнкту. Красову же пришлось читать на следующий год и теорию поэзии. Сверх того он «упражнял студентов в русском слог».

Максимович, занимавшийся преимущественно историей древней словесности, оказался самым нерадивым преподавателем и очень часто, «прочитавши то, что было приготовлено, вынужден был сказываться больным, чтобы иметь досуг приготовиться далее». Нередко и Красову приходилось вести историю русской словесности за больного Максимовича. Чрезвычайно перегруженный занятиями, Красов писал Белинскому: «Теперь много работы: диссертация и лекции».

Как профессор Красов оказался типичным воспитанником московской школы словесников. Подобно своему учителю Н. И. Надеждину, он восторженно импровизировал, обнаруживая «врожденное чувство изящного и дар слова», и этим увлекал студентов. Лекции его были «оживленны и поэтичны». Историк Киевского университета проф. В. Шульгин, имевший возможность слушать лекции Красова в свои студенческие годы, вспоминает, что Красов читал «под влиянием минуты с необыкновенным жаром, но без обдуманного плана и предварительного приготовления». По его словам, Красов своей неподдельной восторженностью и поэтическим вдохновением, благородством и душевной теплотой производил впечатление особенно на студентов, только что поступивших в университет.

Активное участие принял Красов в издании альманаха «Киевлянин», выступал на торжественном университетском акте с речью «О современном направлении просвещения вообще и преимущественно в России», задумал составить «Руководство к словесности для

гимназий», включая в него риторику, теорию поэзии и красноречия. Не чуждался он и общества профессоров, собиравшегося по вечерам чаще всего у писателя А. Н. Мицкевича, брата знаменитого польского поэта, или у профессора римской словесности М. Ю. Якубовича.

Во второй половине 30-х годов Красов становится одним из наиболее активных сотрудников руководимого Белинским «Московского наблюдателя». Его стихи, вместе с песнями Кольцова, заняли центральное место в этом журнале. Белинский поддерживал тесные связи с поэтом, покинувшим круг московских друзей, заботился о том, чтобы Красов, вступив на путь профессорской деятельности, не ушел из поэзии.

В лирике Красова этих лет разворачиваются мотивы, характерные для всего его творчества. Со страниц его стихотворений все громче звучит тоскующий голос человека, не находящего места в мире лести и обмана, враждебного заговора и клеветы. Поэт видит, что в этой атмосфере гибнет «прелесть бытия», срывается «надежды цветок». Только вдали от изнеженного, праздного света отдыхает его утомленная душа. Познав «незванную печаль», герой Красова рвется из «душных горюдов», блуждает по свету. С тоской обращает поэт свой отуманенный взор на север:

О! когда ж туда — в дорогу?..
Там — прошедшее давно, —
Там без надписи так много
Мной надежд погребено!..
Не сбылись же! обманули!..

Поэт с радостью вспоминает о том времени, когда он, полный стремительных сил, «смело сзывал на главу непогоды, мятежные бури любил». Теперь же житейское море рвет его последний парус, топит ладью, но герой красовской лирики еще борется с невзгодами жизни:

Звезда любви моей, тебя затмили тучи!..
Вперед, хоть без надежд! — не все же жизнь взяла:
Да, жизнь; она могла терзать меня, измучить,
Но задушить, покамест, не могла...

Постоянно обманываясь в своих лучших надеждах, Красов однако еще не утрачивает возвышенных мечтаний. Мечта для него была спасительной защитой, самообманом. В стихотворении «Мечта» он так и писал:

И горе мне, когда тебя утрачу,
Мечта высокая, прекрасная моя!
При ней молчат жестокие сомнения,
Мой темный путь надеждой озарен...
И мне ясней мое предназначенье,
Доступней тайна бытия;
Душа полна и сил и упоенья!..
Не оставляй меня, отрадное виденье,
Мечта высокая, прекрасная моя!

Поэзия Красова — поэзия чувства, настроения. Поэту нередко удается лирически проникновенно раскрыть душевное волнение своего современника, его тревоги и переживания, тоску о непознанных радостях жизни, его волнует большее и светлое чувство — любовь. Красова нельзя упрекнуть в душевной пустоте, его монолог эмоционально насыщен, богат внутренними оттенками, полон жизни, страсти,

веры в чистоту человеческих отношений, жажды счастья. Любовь у Красова почти всегда отягощена грустью и тоской, сердечными муками и страданиями. Именно такой мы видим любовь в знаменитом стихотворении Красова «Клара Моврай», в стихотворениях «Панна», «Известие», в его элегиях и песнях. Но нередко поэт утверждает даже «буйство радостей» земной жизни («Сара», «Тени»). В пляске теней-дев, никогда не моливших «о спасении в грехах», поэт узнает и славит «ту же жизнь безумной младости, ту же грешную любовь».

По своим основным мотивам поэзия Красова пассивно романтична. «Желание, стремление, порыв, чувство, вздох, стон, жалоба на несвершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченном счастье, которое бог знает в чем состояло», «любовь, которая питается грустью и которая без грусти не имела бы чем поддержать свое существование», — все эти отмеченные Белинским особенности такого романтизма в большой мере присущи и Красову. Однако за романтическими мотивами и формулами, за их традиционными поэтическими образами у Красова пробивалось живое чувство, эмоционально и психологически насыщенное, реалистически выразительное. Красов был чужд мистики, загадочной таинственности и абстрактности, свойственных многим романтикам. Как поэт он рос на русской почве, его лирические темы приобретали национальную окраску. Красов добивался реалистической конкретности поэтических образов, искал в народной песенной традиции искренние задушевные интонации, мелодические

формы выражения человеческих чувств и настроений. В этом отношении Красов продолжал лучшие традиции своих предшественников, легкость и звучность его стиха распространила эти достижения.

Будучи в Киеве, Красов много сил и энергии отдавал докторской диссертации, в которой он решил раскрыть основные направления в развитии немецкой и английской поэзии с конца 18 столетия и влияние «их на нашу отечественную поэзию». В процессе работы он, однако, отказался от второй части своего рассуждения, представив на степень доктора общей словесности диссертацию «О главных направлениях поэзии в английской и немецкой литературах с конца XVIII века». 20 октября 1838 года факультет нашел рассуждение «достаточным свидетельством знакомства Красова с словесностью немецкою и английскою и способности в литературной критике и в самом способе изложения удовлетворительным для получения степени доктора». Решено было допустить Красова, одновременно с его товарищем адъюнктом В. Ф. Домбровским, к публичной защите диссертации.

24 декабря 1838 года состоялся диспут. Аудиторию заполнили студенты, было много посторонних. Занял свое место ректор К. А. Неволин, сухой черствый человек, славившийся деспотическим обращением с подчиненными, явился неперемный участник диспутов пресвященный Иннокентий, приготовили свои возражения профессора М. А. Максимович, О. М. Новицкий. Развертывая тезисы диссертации, Красов горячо говорил, что «народ-

ность есть необходимое условие всякого великого поэта», подчеркивал гениальность Шиллера, рассматривал Байрона как идеал лирического поэта, а Гете как идеал драматического поэта, отмечал влияние романов Вальтер Скотта «на ход литературы в Европе», доказывал, что «Фауст» Гете и «Дон Жуан» Байрона «суть создания художественного гения, более всех выразившие собою прошлый век».

Со всех сторон Красову предлагали вопросы. Оппоненты, в числе которых был и Максимович, выступили с возражениями по тезисам, в которых, по словам Н. Л. Бродского, Красов блеснул «свежими теоретическими взглядами на современную литературу».

Ректор Неволин спросил Красова:

— Что такое изящное?

— Вообразите, — восторженно отвечал Красов, прибегая к примерам и сравнениям, — море во время бури, нависшие над пропастью скалы, озаренные блеском молний... Прочтите стихотворение Пушкина: «Ты видел деву на скале...»

— Одним словом, — сказал в заключение Красов, — прекрасного определить невозможно, его только можно чувствовать!

— Нельзя же, господин Красов, быть доктором чувствительности, — с ядовитой улыбкой заметил Неволин, заключая прения.

Факультет отказал Красову в докторской степени, найдя, что «он при защищении тезисов хотя и обнаружил несомненное эстетическое чувство и знакомство с произведениями главнейших поэтов Германии и Англии и хотя на предлагаемые ему оппонентами возражения

покушался давать правильные ответы, однако его ответы были неудовлетворительны, потому что состояли по большей части из общих и неопределенных мыслей».

Красов же несколько иначе расценивал причины отказа ему в докторской степени. «Я держал на степень доктора словесных наук, — сообщал он Станкевичу, — написал диссертацию, долго... с нею возился, но наши университетские киевские клячи не дали мне степени по диспуту, хотя признали диссертацию вполне достойною степени. Они, мерзавцы, не дали потому, что сами были все только магистры, — и когда просили у министра, чтоб и им, то-есть *ординарным* профессорам (здесь я разумею Максимовича, Новицкого — профессоров нашего факультета), позволено было без всякого экзамена — только написав диссертацию — искать докторской степени — им министр отказал наотрез. Они торжественно дали слово не сделать и нас докторами — так и сделали»¹⁾.

Вскоре в университете начались студенческие волнения, чтение лекций прекратилось, студенты арестовывались и переводились в другие учебные заведения, многие профессора увольнялись. Взаимоотношения Красова с Максимовичем и другими профессорами еще больше обострились, и он весной 1839 года заявил ректору о своем увольнении из университета. Просьбе его о переводе в Петербург-

¹⁾ В. И. Красов. Письмо к Н. В. Станкевичу. Рукописный отдел ГБЛ, ф. 178 (музейный), № 8421, ед. 11, л. 1.

ский университет из-за отсутствия вакансий было отказано. Оставшись без каких-либо средств к существованию, Красов покидает Киев. Зимой 1840 года с попутным обозом, в ветхой шинелишке, питаясь по пути чем попа-ло, около месяца пробирался он в Москву.

Старые московские друзья радушно встретили Красова, приютили и согрели его, и он с новой силой отдался творчеству. «На днях сюда приехал Красов., — писал Грановский Станкевичу в феврале 1840 года. — Все тот же. Зажмурит глаза и читает стихи».

7

В Москву Красов вернулся полным новых творческих планов и замыслов и, поселившись в доме В. П. Боткина на Маросейке, много и напряженно работал. Зима 1840 года была для поэта, по его словам, хлебородна. Одно за другим выходили из-под пера стихотворения «Время», «Воспоминание», «Песня Лауры», «Флейта», «Соседи», новые песни, элегии, стансы и печатались почти в каждом номере «Отечественных записок». Вместе с Боткиным Красов готовит к печати книгу своих стихотворений, задумывает большую поэму, и Грановский снабжает его книгами из университетской библиотеки. Но жизнь под опекой друзей не могла продолжаться долго, снова пришлось давать уроки в богатых московских домах. Красов намеревается покинуть Москву, хочет отправиться в Петербург и хлопотать о месте инспектора гимназий в родных своих северных губерниях, но Белинский не советует ему

делать опрометчивого шага и покидать город, в котором его знают.

Как и раньше, Красов оплакивает утраченное прошлое, считая, что «горячая молодость» его поколения выкипела чуть ли не до дна, что лучшие силы души растрчены «безумно и жалко». «Если посмотреть на прошедшее,— писал он Белинскому,— там столько есть о чем грустить, что лучше уж вовсе не грустить. И все-таки любишь горячо и горестно все могилы без надписей, где погребли мы столько надежд, фантазий, незабвенных образов. Все-таки

Мы походим на солдата,
Что вдали под тучей стрел,
Под скалою Арабата
Песню русскую запел»¹⁾.

Настроение Красова этих лет полнее всего выразилось в его «Стансах к Станкевичу», последнее четверостишие которых он и цитирует в письме к Белинскому. Буря жизни унесла все надежды и мечтанья поэта, обнажила обман возвышенной мечты его поколения. Разочаровываясь в жизни, тоскуя и страдая, Красов повторяет себя, перепевает старые мотивы. Для красовского героя «вся жизнь, весь рай его в стране воспоминаний, и для него грядущего уж нет».

Образ несчастливо любившей женщины, пережившей немало «немых страданий», по-прежнему остается центральным в лирике Красова («Известие», «Стансы К***», «Мело-

¹⁾ В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. проф. Н. Л. Бродского. М., 1948, стр. 120.

дии», «Не даром же резвых подруг...» и др.). Жизнь злобно осмеяла чистые искренние чувства самого поэта, он охладел «мечтой и сердцем» и живет теперь тихо меж людей «для мук любви окаменелый».

Красов никогда не торговал своим талантом, даже в трудное для себя время он просил Белинского не печатать его «литературное старье», его ранние «стишонки», показавшиеся ему выражением «жизни слишком ненормальной, идеально-плаксивой». Он мало писал и еще меньше того печатался, не желая иметь дело с цензурой, нередко калечившей его стихи. «...Если уж печатать, — считал Красов, — так печатать прилично, — как если уж ехать в общество, так не с расстегнутым бантом и с небритым подбородком» ¹⁾).

Стихи у него часто рождались «так же легко и нечаянно, как грибы», поэту не хватало терпения шлифовать «свои поэтические грехи». Белинский хорошо видел это и был очень недоволен торопливостью, поспешностью своего друга, ему решительно не нравились такие стихотворения, как «Стансы к Дездемоне» («О, ты — добра, ты — ангел доброты!»), «Прости навсегда». Правда, почти в это же время Белинский выделял «Флейту», «Песню Лауры», отличавшиеся не только легкостью формы, но и задушевностью, бодростью, отсутствием навязчивой элегической тоски. Мало того, именно в это время Белинский вступил в полемику с реакционной журналистикой,

¹⁾ В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. проф. Н. Л. Бродского. М., 1948, стр. 116.

нападавшей на Красова. Великий критик считал, что «в большей части стихотворений г. Красова всякого, у кого есть эстетический вкус, поражает художественная прелесть стиха, избыток чувства и разнообразие тонов». «Отечественные записки», — писал Белинский, — никогда и не думали называть г. Красова великим поэтом; но они видят в нем поэта с истинным и примечательным дарованием...»¹⁾.

В творчестве Красова 40-х годов наряду с романсными интонациями («Я трепетно глядел в агат ее очей», «Опять пред тобой я стою очарован», «Свой век я грустно доживаю» и др.) появляются анакреонтические мотивы. Стремясь забыть невозвратное прошлое, поэт славит мимолетные радости («Веселая песня»).

Большая любовь к природе позволяла поэту ярко и сочно рисовать родные русские пейзажи, прелесть поздней осени («Октябрьский день»), картину надвигающейся грозы («Взгляни на тучу! Слышишь гром?»), вечерней мглы («Вечер»). В стихотворении «Октябрьский день» Красов пишет:

Октябрьский день, но чудная природа,
Звучит кристалл днепровских синих вод;
Повеял жар с лазоревого свода,
По улицам везде шумит народ;
Открыт балкон, забыта непогода —
И музыка, и громкий хоровод.
Природа-мать зовет на пир богатый,
Хоть тополь без листьев, цветок без аромата.

¹⁾ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV. М., изд-во АН СССР, 1954, стр. 187.

Красов подчас достигает большой художественной силы в выражении своих чувств и мыслей. Яркий пример тому — стихотворение «Ожидание», которое можно с уверенностью отнести к числу лучших лирических стихотворений того времени:

Встречай, моряк, в равнинах океана
С отрадою веселый островок;
Верь, мусульман, за книгою корана,
Что заповедал твой пророк:
Я — весь томление, я жду, как талисмана,
Еще вчера обещанных мне строк.

Особое место в поэзии Красова занимают его русские песни. Богатый песенный репертуар северян, с которым поэт познакомился еще в детстве, владение приемами народной песенной поэтики наложили, несомненно, отпечаток на эти его произведения. Кроме того, в начале 40-х годов Красов сблизился с Кольцовым и высоко оценил песенную простоту и сердечность его поэзии. «Я люблю его задушевно», — писал Красов Белинскому.

Русские песни Красова, создававшиеся почти одновременно с песнями Кольцова, напоминают лучшие стихи этого народного поэта. Но до нас дошла лишь часть этого поэтического наследия Красова. Известно, что он работал над целым циклом российских песен, куда должны были войти песни царевны, ямщика, новгородского удальца, где, по словам поэта, «должна кипеть вся широкая богатырская отвага древней Руси». В своих песнях Красов глубоко раскрывает яркое проявление чувств простых людей, воспекает ту же

сильную, страстную любовь («Уж я с вечера сидела», «Русская песня», «Старинная песня»), поднимается до изображения социального протеста («Уж как в ту ли ночь»).

Тяжелая нищенская жизнь на уроки в семье князя Голицына (с 1841 по 1843 гг.) подрывала силы поэта. Стихотворения Красова все реже появляются в печати. В 1843 году он делает попытку вновь поступить на службу и с 6 марта начинает преподавание русского языка и словесности во 2-ой Московской гимназии, но уже 29 августа оставляет эти занятия. В этот же день Красов пишет свою «Последнюю элегию», которая стала последним его стихотворением на страницах «Отечественных записок». Кольцов и Лермонтов, рядом с которыми печатался в этом журнале Красов, ушли из жизни, связи с Белинским порывались. Стихи Красова и Ключникова, занимавшие раньше великого критика, «как вопросы о жизни и смерти», теперь не могли увлечь его. Не волновала Белинского поэзия Фета и Огарева, пришедших на страницы «Отечественных записок». Он способен был перечитывать и высоко ценить только Лермонтова, «все более и более погружаясь в бездонный океан его поэзии».

Еще при жизни Белинского Красов напечатал в «Москвитянине» (1845) «Романс Печорина», в котором как бы подводил итог основным мотивам своего творчества:

Годы бурей пролетели!
Я не понял верно цели,
И была ль она?
Я б желал успокоенья...

Сила сладкого забвенья
Сердцу не дана.
Пусть же рок меня встречает,
Жизнь казнит иль обольщает —
Все уж мне равно.
Будь то яд или зараза,
Али бой в скалах Кавказа, —
Я готов давно.

К этому же времени относится, очевидно, и другое сохранившееся в рукописи стихотворение «Как до времени, прежде старости». Красов и здесь сетует по поводу рано ушедшей жизни, говорит о сожженных радостях, о ранней старости своего поколения:

Лишь в одном у нас нет сомнения:
Мы — несчастное поколение.
Перед нами жизнь безотрадная, —
Не пробудится сердце хладное.
Нам чуть тридцать лет, а уж жизни нет, —
Без плода упал наш весенний цвет.

Обрекая себя, как поэта, на долгое молчание, Красов не утрачивал интереса к литературе, поощрял своих учеников к творчеству, с присущей ему восторженностью отыскивал среди них будущих Лермонтовых, с большим увлечением собирал материалы по устной народной поэзии и сообщал их Ф. Буслаеву, живо интересовался русской историей и даже выступил в «Москвитянине» с замечаниями «Несколько слов по поводу статьи г-на Соловьева»... (1848), в которой высказывал мысль о самобытности поэтического «Слова о полку Игореве».

Последние годы своей жизни Красов целиком отдался преподавательской деятельности.

Отягощенный заботами о своей большой к тому времени семье, он преподавал русский язык в 1 Московском кадетском корпусе, а с 7 декабря 1851 года — в Александринском сиротском военном корпусе. Неизлечимо больной, вспыльчивый и раздражительный, он еще мог увлечь своих учеников и пользовался неизменным их уважением.

Летом 1854 года во время очередного приступа своей болезни он пришел проститься со своими учениками. 27 июля в возрасте двадцати восьми лет умерла его жена Елизавета Алексеевна Красова. Эта смерть тяжело отозвалась в сердце поэта. 17 сентября 1854 года в крайней бедности, забытый своими друзьями, он скончался в одной из московских больниц. «Он скончался от чахотки, которою страдал в течение последних лет, — сообщал в редакцию «Москвитянина» товарищ Красова по службе, проводивший его на Ваганьковское кладбище. — Жестокий удар, им понесенный, ускорил его кончину: недель за шесть перед этим он лишился жены, нежно им любимой, и теперь осталось после него шестеро сирот, из которых старшей дочери девять лет. Он жил своими трудами и не оставил детям ничего, кроме доброго имени и благословения»³⁾).

Однажды как-то, в 40-х годах, Ф. Боденштедт застал Красова в одиночестве, в его сырой и темной квартире. Красов с чувством декламировал стихи Лермонтова:

¹⁾ О кончине В. И. Красова (Письмо в редакцию), «Москвитянин», 1854, ч. V, стр. 118.

И скушно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!

Эти стихи, по словам Красова, вполне выражали его настроение. Перекликаясь с Лермонтовым, Красов с горечью писал Белинскому: «Хотелось бы еще за жизнь кое-что сделать...».

Красов не сделал того, о чем мечтал и что мог сделать. Ежедневная борьба за существование, тяжелая нищенская жизнь свели поэта в могилу, тяжелая крепостническая действительность не дала возможности развернуться его духовным силам, расцвести его поэтическому дарованию.

1959 г.

ЗАСОДИМСКИЙ И ЕГО «ХРОНИКА СЕЛА СМУРИНА»

1

Среди писателей 70—80 годов, посвятивших свое творчество изображению народной жизни, Павлу Владимировичу Засодимскому по праву принадлежит одно из почетных мест. «...Все мои горячие симпатии, — писал он, — всегда были и остались на стороне бедных, обездоленных, на стороне рабочих масс. Ни в одной строке, написанной мною, читатель не найдет ни единого выражения, которое противоречило бы этой основной идее моей жизни и деятельности».

В исключительно тяжелых условиях приходилось жить и работать Засодимскому, слишком часто переживал он «черные дни», нужда гнала его «по градам и весям» нищей России. Писателю приходилось спешно завершать начатые романы и повести, рассказы и очерки, рецензии и обзоры и приносить их в редакции журналов с тяжким чувством неудовлетворения. «Плодом... безмолвной, скрытой, тягостной

драмы» было для Засодимского почти каждое его произведение.

Но не всегда нужда душила мысли и чувства писателя, не всегда «черные дни» угнетали его, и тогда он оттачивал произведения. Так родился его первый рассказ для детей, жизнеутверждающий «Заговор сов», чудесная «Восточная сказка», безукоризненный по форме очерк «Веретьев», талантливые рассказы «Однажды вечером», «Перед потухшим камельком» и другие. Засодимского как писателя ценили не только Левитов, Гл. Успенский и многие близкие ему литераторы. «Мне всегда нравится то, что вы пишете, и большей частью то, что не нравится либералам...»¹⁾, — писал Засодимскому Лев Толстой.

Высокую оценку Л. Толстого справедливо заслужили повести Засодимского «Черные вороны» и «Весь век для других». «Последняя особо хороша»²⁾, — считал Л. Толстой. Рассказ Засодимского «Перед потухшим камельком» восхищал великого писателя. «Я получил Ваш рассказ, — писал он автору, — и тотчас же прочел про себя и другой раз своим домашним, так он мне понравился. Это то самое искусство, которое имеет право на существование. Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце. Вы спрашиваете о слабых сторонах. Слабого нет, все сильно... Рассказ очень, очень хороший и по форме и по содержанию...»³⁾.

¹⁾ Л. Н. Толстой о литературе. М., Гослитиздат, 1955. стр. 263.

²⁾ Там же, стр. 217.

³⁾ Там же, стр. 253.

В творчестве Засодимского был период, когда его произведение приковывало внимание самых широких читателей и, по словам современников, «еще более возбуждало их в стремлении посвятить свои силы «делу народа»¹⁾, оказывало на них не меньшее воздействие, чем книги других писателей-современников. Произведение это — роман «Хроника села Смурина». Всем его направлением читатель 70-х годов «призывался к борьбе». Царское правительство наказывало за распространение «хроники» «таким же заключением в тюрьме, как за распространение революционных брошюр и прокламаций»²⁾. Это было время наибольшей известности Засодимского, наибольшего его влияния на читателей.

Как писатель, Засодимский не обладал большим художественным дарованием, но все, что он имел, сполна отдавалось литературе. До конца своей жизни автор «Хроники села Смурина» оставался писателем-реалистом, поборником правды. Он черпал материал для своих книг из русской действительности, всегда ставил перед читателем «проклятые» вопросы, выдвинутые общественной жизнью. «Яркость колорита не далась ему, — писала о Засодимском критик М. Цебрикова, — окраска образов его переходит иногда в серые тоны гравюры или рисунка карандашом, но и в этих серых тонах видна жизненная правда»³⁾.

1) «Исторический вестник», 1912, № 6, стр. 1077.

2) Там же, стр. 1077.

3) М. Цебрикова. Беллетрист-народник. «Русская мысль», 1896, № 2, стр. 66.

Трезвая правда жизни, от которой никогда не отступал писатель, протест его против социальной несправедливости, непримиримая вражда к эксплуатации и наживе, поиски путей к лучшему будущему, — все это выгодно отличает Засодимского от иных, писателей-народников, делает его произведения значительными и для современного читателя.

2

Весной 1874 года в редакции журнала «Отечественные записки» появился молодой человек и столь же молодой писатель. За его плечами еще не было никакого «творческого пути», кроме нескольких повестей, опубликованных в журнале «Дело», но зато он уже обладал большим жизненным опытом. Это был Засодимский. Он принес Некрасову рукопись своего первого романа, который вскоре был принят к печати и по совету М. Е. Салтыкова-Щедрина назван — «Хроника села Смурина».

«Хроника» Засодимского вышла в свет под псевдонимом, которым писатель «впоследствии часто пользовался» — Вологдин. Псевдониму суждено было стать вторым именем автора, лишний раз подчеркивавшим связь его с вологодской стороной, где он «с малых лет жил среди народа, узнал его и полюбил».

Родился Засодимский 1 ноября 1843 года в Великом Устюге в небогатой дворянской семье. Из Устюга родители перевезли мальчика в Никольск. В этом небольшом уездном городке и прошло детство писателя.

«Никольск в ту пору, — вспоминает Засодимский, — был маленький, глухой городок, затерявшийся посреди лесов, — одним словом, такой милый городок, до которого, по словам Гоголя, «хоть три года скачи, — не доскачешь». При мне, помню, с улыбкой говаривали: «Дальше нашего Никольска и почта не ходит!»

Дом Засодимских смотрел прямо на мрачное здание острога. Голодные, исхудалые, бритые арестанты в однообразно серой одежде часто проходили по пыльной улице мимо их дома. Мальчик Засодимский нередко выпрашивал у матери гроши и, услышав на Соборной площади звяканье цепей, бежал встречать «колодников». Он наивно уже тогда решил про себя, что, став взрослым, непременно выпустит на волю всех этих несчастных людей.

Перед самым окном детской комнаты протекала быстрая река Юг. Оттуда доносился стук топоров, голоса поденщиков, выполнявших тяжелые работы. Нередко целые дни проводил Засодимский на реке вместе со своими друзьями, деревенскими ребятами.

С детства перед глазами пытливого мальчика проходили безрадостные дни каторжников и поистине каторжный в то время труд лесогонов, сплавщиков. Впоследствии эти впечатления наложили отпечаток и на произведения писателя, рано познавшего «отвращение к злу, насилию и сострадание к несчастью», никогда не устававшего говорить о торжестве правды и справедливости, высказывать самые горячие симпатии к трудолюбивому одаренному русскому народу.

С малых лет Засодимский так увлекся чтением, что иногда целыми днями просиживал в отцовской библиотеке. Читал он много, без разбора, все, что попадалось под руку. Больше других полюбился Пушкин. «Капитанской дочкой», «Повестями Белкина» он зачитывался, а многие стихотворения великого поэта остались в памяти на всю жизнь.

Сильно развитое детское воображение, питавшееся впечатлениями тяжелой жизни народа, заставило рано обратиться к творчеству. Он начинает писать повесть, в которой обличает людское жестокосердие. В одиннадцать лет Засодимский — автор пьесы и активный участник домашнего спектакля. Пьеса была разыграна при участии его юных друзей.

«...Когда мне минуло девять лет, — рассказывает писатель, — в нашей семейной жизни произошли большие перемены. Отец мой оставил службу и с матерью со всеми чадами и домочадцами, со всем скарбом переселился из Никольска в усадьбу».

Небольшая усадьба матери писателя — Миротубово находилась на «большой» Архангельской дороге, в 400-х верстах от Никольска. Мимо усадьбы по многолюдному тракту шли на север усталые, изможденные ссыльные, медленно передвигались закованные в цепи каторжники; собирая подаяние, тащились нищие, калеки, слепцы, юродивые; проходили в поисках поденной работы крестьяне, вконец разоренные недородами. Изредка в нарядном экипаже проезжал важный барин или спешил на ярмарку подгулявший купчик, покрикивая на прохожих.

«И весь этот люд, — пишет Засодимский в одном из своих рассказов, — проходивший мимо меня по «большой дороге», странный и жалкий люд, едва прикрытый грязными, рваными лохмотьями, с босыми, до крови наколотыми ногами, — не однажды заставлял меня в детстве горько плакать».

Засодимский и раньше проводил в Миротлюбове лето, а теперь с этим «родным уголком» стала связана вся жизнь. То пропадал он на гумне, то в лесу, то на скотном дворе, а зимние вечера проходили в чтении книг, купленных у коробейника. Постоянным спутником, лучшим товарищем детства был сын кучера, умный рассудительный мальчик Саша Родионов.

Когда Засодимскому исполнилось двенадцать лет, на семейном совете решили, что пора отдавать мальчика в учение. Как не хотелось матери отрывать сына от семьи, но ей же и пришлось везти его через всю губернию в Вологду.

В феврале 1856 года Засодимский был зачислен в дворянский пансион при Вологодской гимназии.

Огромное здание гимназии смотрело массивными колоннами на серый и унылый «плац-парад», мощеный булыжниками и поросший травой. Целыми днями здесь муштровали солдат местного батальона. С полной выкладкой маршировали они по площади. По вечерам при тусклом свете фонарей разводили караулы, а из просторных окон губернаторского дома лился мягкий свет и доносились звуки мазурки.

Мало чем отличалась от солдатской муштры и казарменной обстановки жизнь в стенах Вологодской гимназии. «В этих стенах, — вспоминал Засодимский, — прошли семь лет моей жизни, — семь лет из того возраста, когда все впечатления бывают так живы и ярки, и понятно, что незатейливая полуказарменная обстановка пансионской залы, как топором зарубленная, глубоко врезалась в моей памяти. Много было пережито в этих стенах... Здесь я узнал и горе новичка, тоску по родном доме, по деревенской свободе, и блаженные минуты горячих признаний в дружбе и в братской любви, и радость по случаю удачно сданных экзаменов и близких каникул, и темные страхи перед единицами и двойками, и дух захватывающие опасения угрожающих наказаний...».

Юношу угнетали жестокие и грубые нравы, царившие в пансионе, мучительные дни без обеда, стояние у стены, карцеры и розги, которыми жестоко наказывали гимназистов. «Гувернеры, как говорится, походя расточали направо и налево увесистые подзатыльники и драли за уши. — с горечью рассказывает Засодимский. — Немец-гувернер однажды в пылу раздражения увлекся до того, что даже надорвал ухо воспитаннику. Инспектор наказывал розгами, невзирая на возраст...

Не проходило недели, чтобы несколько человек не осталось без обеда, без завтрака или без чая; не проходило дня без того, чтобы несколько человек не постояло у стены или на коленях: не бывало такой субботы в течение учебного времени, чтобы не высекли человек

10—15. Одним словом, не бывало такого дня, чтобы кто-нибудь из «маленьких» горько не плакал от истязаний начальства или от побоев своих же товарищей». А зимой на льду реки Вологды, у Красного моста устраивались кровавые побоища между семинаристами и гимназистами.

Светлые воспоминания сохранил Засодимский о преподавателе русской словесности Н. П. Левицком. Под его руководством гимназисты читали статьи Белинского, изучали Пушкина, Гоголя, Лермонтова, зачитывались Некрасовым, Гончаровым, «Губернскими очерками» Щедрина и в особенности романами Тургенева. «Его Лаврецкий, Рудин, Базаров захватывали за живое и кружили головы», — вспоминает Засодимский. С первых же классов гимназии юноша увлекся сочинениями Герцена, его статьями «Социализм и Россия», «С того берега», воспоминаниями «Былое и думы». В руках юного гимназиста побывали даже отдельные номера «Колокола». «Позже, наряду с Герценом, — рассказывает в автобиографии Засодимский, — сильное влияние оказали на мое умственное развитие и на склад моих убеждений Чернышевский и Добролюбов».

К гимназическим годам относится еще одна попытка обратиться к литературному творчеству. Засодимский начал сочинять повесть из испанской жизни. Герой ее устраивает заговор против инквизиции. Заговор кончается печально: заговорщиков сжигают на костре, а их возлюбленные уходят в монастырь. Дописать эту «печальную повесть» юноше так и

не пришлось, слишком ограничен он был в своих знаниях и опыте.

В июне 1863 года Засодимский окончил гимназию и с радостью покинул «тесный, замкнутый мирок» пансиона. Несмотря на давнее желание отца видеть своего сына чиновником, Засодимский твердо решает поступить в Петербургский университет.

В самом начале сентября был нанят крытый неуклюжий тарантас. Миновав городскую заставу, он едва тащился по непролазным вологодским дорогам под однотонный звон развязанного ямщиком колокольчика. Моросил дождь, сгущались сумерки, когда продрогшие путники остановились перед тускло освещенным подъездом грязовецкой гостиницы. На другой день Засодимский был уже за пределами своей родной губернии.

Но куда бы ни бросала его судьба, никогда не забывал он «покинутый родной дом, знакомые поля, леса, серые убогие деревушки» вологодской стороны. «Со своими дремучими беспросветными лесами и трущобами, — писал Засодимский, — она представляется для меня самым лучшим краем на белом свете».

3

Всем своим творчеством Засодимский был прочно связан с вологодской «лесной стороной». Лирические, окрашенные чувством большой любви автора к своей великой родине картины северной природы щедро насыщали произведения Засодимского, описания непроходимых богатых лесов северной стороны

придавали его романам и повестям своеобразный колорит. «Большую часть года, — пишет Засодимский в деревенской летописи «Пропал человек» (1883), — лес стоит темен и мрачен, то гудит и стонет, то стоит молчаливо нахмурившись». В записках «Из жизни лесной стороны» (1883) писатель опять рисует глухую северную сторону: «Сосновые и еловые леса всю ее прикрыли своей дремучей тенью и, как живую, зеленою стеной, отделили ее от городов, — не хуже каких-нибудь гор высоких или песков сыпучих. Поля у нас небольшие: растут на них только рожь и ячмень, да и то плохо. Мы уж давно бы все померли с холоду, да с голоду, если бы не лес. Он, кормилец, питает нас, поит, одевает».

Уже будучи известным писателем, Засодимский не только не порвал связей с родным краем, но и продолжал черпать здесь богатый и разнообразный материал для своего творчества, обогащал свои детские и юношеские впечатления теми переменами, которые происходили в жизни. «Искрещивая Вологодскую губернию, — пишет Засодимский в статье «Лесное царство» (1878), — едучи по уездам: Кадниковскому, Тотемскому, Никольскому, Устюгскому, путник на каждом шагу живо чувствует и сознает, что кругом него настоящая коренная Русь... Он слышит русский говор, несколько тягучий и сильно упирающийся на «о»... Он видит лица русского типа; он видит избы с разукрашенными оконцами; видит и бедные, классические «курные хатки», уже без всяких прикрас — и все на одну статью. Он видит, наконец, обычный ход полевых работ...;

мужик, слегка наклонившись, широко размахивает своею длинной косой, или баба жнет, согнувшись в три погибели».

Всякий раз, бывая в родных краях, писатель находил перемены, воочию убеждался, что все хуже живется крестьянину. Нищета и запустение властно вторгаются в деревню, строятся и процветают кабаки и питейные лавки, кулак душит крестьян, его цепкие костлявые пальцы хватают деревенскую бедноту за самое горло.

Весной 1888 года, после долгого отсутствия, писатель вновь побывал в родных николевских краях. «Много перемен я нашел в деревне.., — писал он в «Истории одной уставной грамоты». — Деревня показалась мне такой жалкой, такой убогой, какой я никогда еще не видел ее. Я увидел покряхтывавшие избы с подслеповатыми оконцами, бревенчатые стены, почерневшие от недавнего дождя, серые полусгнившие соломенные крыши, поразметанные ветрами, грязную улицу... у некоторых изб двери и окна были наглухо заколочены досками».

Засодимскому так и не удалось закончить юридический факультет Петербургского университета, куда он поступил в 1863 году после окончания Вологодской гимназии. Во время первых же летних каникул он понял, что родные не в состоянии помочь ему. Учебу в 1865 году пришлось оставить и взять место домашнего учителя в Саранском уезде Пензенской губернии. Начинались скитания, во время которых Засодимский не только многое увидел своими глазами, но и перенес на своих

плечах. В странствованиях прошла вся жизнь писателя. Он бывал в деревнях Петербургской и Воронежской, Новгородской и Тамбовской, Тверской и Уфимской, Вологодской и Пензенской губерний. Приходилось жить и в курной хате, и есть «лебедовый» хлеб, и ночевать где-нибудь в овине или в землянке на берегу Волги, и сиживать с крестьянами в лесу у разведенного костра.

Засодимский не «ходил в народ». Общение с ним было естественной потребностью писателя. Оно обогащало его творчество, раздвигало рамки его произведений. В конце своей жизни писатель по праву мог сказать, что он не только вырос в деревне, но и не порывал с ней связей никогда: «Безошибочно можно положить, что половину моей жизни я провел в деревне, среди народа».

Засодимский знал и любил деревню, радовался встречам с одаренными простыми людьми. В крестьянской среде он находил яркие характеры, служившие прототипами героев его книг.

Современники характеризуют Засодимского, как человека высокой нравственной чистоты, искреннего, задушевного и общительного. Он был знаком со многими писателями своего времени — Некрасовым и Щедриным, Минаевым и Курочкиным, Плещеевым и Гаршиным. Литературные связи его постоянно ширились. В самом начале творческого пути Засодимский познакомился с Шелгуновым, затем сблизился с Глебом Успенским. Дружеские отношения связывали его с Левитовым, Эртелем, Омuleвским. Но эти отношения не мешали

писателю надолго покидать своих друзей, оставлять литературную среду, жить и работать вдали от Петербурга, чаще всего в родных краях.

В Кадниковском уезде, на живописном холме, у самого берега реки Двиницы располагалась небольшая усадьба Горка, принадлежавшая родственнице писателя — Е. П. Даниловой. В рябиновой аллее, там, где она расширялась, стоял рабочий стол Засодимского и простая деревянная скамья. На зиму писатель перебирался в пустовавший флигель горкинского дома. Здесь ему приходилось жить и по своей воле, а последний раз, как ссыльному, под гласным надзором полиции.

«Горка мне очень памятна, — писал Засодимский, — и самые воспоминания о ней для меня дороги и милы. Я знал ее с малых лет, там каждый куст, каждая тропинка мне знакомы...

Я жила на Горке и мальчиком, и юношей-гимназистом, и студентом, здесь же я провел первое лето в деревне с молодой женой. И под старость сюда же, под тень старых лип, я скрывался на лето для отдыха от суеты и тревожений петербургской зимы.

Я любил этот тихий, уютный уголок... Здесь в тиши и на свободе написаны мною: «Степные тайны», «По градам и весям», «Семейство Подошвиных», «Пропал человек», «Грех», «Из жизни лесной стороны», «Лесное царство», воспоминания из детских лет и целый ряд рассказов для детей. Здесь, на Горке, я отдыхал и, набравшись сил, здесь же много, усиленно работал».

Наступала осень 1892 года, ночи стали темные, уныло завывал ветер, а разрешения на жительство в Петербурге все еще не было. Лишь в середине октября становой привез долгожданную «бумагу», позволившую выехать в столицу. Распрощавшись с Горкой, на тройке «рыжих» Засодимский уехал в Кадников, затем в Вологду и Петербург. Это была последняя осень, проведенная писателем на родине.

4

Летом 1867 года в Болгарии вспыхнуло народное восстание против турецкого ига. В русских газетах появились многочисленные корреспонденции о кровавых истязаниях турками жителей мирной славянской страны. «До глубины души волновали меня корреспонденции из Болгарии, — вспоминает Засодимский, — страшные, кровавые сцены мерещились мне, не давали покоя. Меня возмущало безучастие, равнодушие цивилизованных народов в виду совершавшихся злодейств».

Засодимский был потрясен несчастьями болгарского народа. Как и другие передовые представители русской общественности того времени, он не мог молчать. 20 июля 1867 года в газете «Голос» было опубликовано «Воззвание в пользу болгар». Это было первое печатное слово Засодимского. С негодованием писал он о безучастном равнодушии Европы в то время, когда кровь болгарского народа льется ручьями. «Не равносильно ли такое молчание преступному одобрению действий турецкого правительства? — гневно спрашивал автор

«Воззвания» — Или, может быть, Европа столь наивна, что верит обещаниям Абдул-Азиса умиротворить своих подданных?.. Можно ли ожидать от Турции исполнения подобных хороших обещаний?..»

Совсем еще молодой автор «Воззвания в пользу болгар» горячо призывал заявить протест турецкому правительству, с юношеской наивностью полагая тогда, что можно добиться бескровного освобождения болгарского народа.

Голос молодого писателя был услышан в Болгарии. Через десять лет, когда ее освобождение было куплено дорогой ценой — десятками тысяч жизней героических сынов русского и болгарского народа, имя Засодимского стало популярно в этой полюбившейся ему славянской стране. Его произведения переводились на болгарский язык, издавались отдельными книгами и сборниками, печатались в газетах. Однажды писателю даже предлагали переселиться в Болгарию. «Хотя эта крестьянская страна мне симпатична, но я отказался оставить Россию, — писал Засодимский, — я родился на русской земле, жил и страдал с русским народом, с ним и останусь до конца».

Первую свою повесть «Грешница» Засодимский написал быстро, с увлечением и, закончив ее в 1867 году, отнес в редакцию журнала «Дело». Этим же летом он начал писать стихи. Появились они вскоре в «Иллюстрированной газете» за подписями «Горацио» и «Скиф-эпикурец». Средств к существованию молодой литератор по-прежнему не имел, за

стихи ему, как начинающему автору, не платили, публикация повести в журнале «Дело» затягивалась, — пришлось снова давать уроки и опять — за гроши.

В начале апреля 1868 года Засодимский приехал в Вологду. Он уже был постоянным сотрудником журнала «Дело», автором повести «Грешница». Жизнь в Вологде — наиболее плодотворный период в раннем творчестве писателя: здесь он завершил повесть «Волчиха», задумал и отчасти написал третью повесть — «Темные силы». Отсюда он посылал свои рассказы и статьи в «Дело». Здесь же он сблизился с находившимся в ссылке революционным демократом Н. В. Шелгуновым, которому и посвятил впоследствии повесть «Темные силы».

Встречи Шелгунова и Засодимского были особенно часты в перерывы между работой. В эти дни завязывались долгие оживленные беседы о положении крестьян, о задачах литературы. «То Шелгунов, бывало, взбирался ко мне на антресоли, — вспоминает Засодимский, — то я отправлялся к нему «за реку»... Помимо сотрудничества в одном журнале и сходства в наших воззрениях, к Шелгунову меня привлекали и его симпатическая личность и тот ореол, которым для меня была окружена вообще его деятельность, как бывшего сотрудника «Русского слова» и друга М. И. Михайлова».

Если статьи Герцена, Чернышевского и Добролюбова оказали сильнейшее влияние на формировавшееся в гимназические годы мировоззрение будущего писателя, то Шелгунов,

как продолжатель дела революционных демократов, закрепил эти убеждения молодого, только еще вступавшего в литературу писателя. Сильное влияние Чернышевского и Добролюбова, а затем и Шелгунова несомненно сказалось на творчестве Засодимского, всегда остававшегося верным тем идеям освобождения народа, за которые боролись лучшие люди шестидесятих годов.

Подобно Гл. Успенскому, автору знаменитых «Нравов Растеряевой улицы», Засодимский начал свой творческий путь изображением нудной жизни мещан, мелких чиновников. Заглянув в лачуги Болотинска и Мутноводска, он увидел там дикость нравов, пьяный разгул, провинциальное мещанское прозябание.

Героиня повести «Грешница» Маша томится в мещанской среде, всей своей чистой душой рвется к правде. Но не суждено ей добиться счастья, лучшие ее надежды были обмануты. Маша погибла в омуте жизни, как и героиня рассказа «А ей весело, — она смеется». Погибли они потому, что «в этом омуте щепки и тина плавают по верху, а золотой слиток и алмаз идут ко дну», погибли потому, что в омуте мещанской жизни «высокое, благородное, чистое часто осмеивается, зовется безумием», а «низкое, грязное и подлое величается достоинством, умом».

Мещанскую жизнь Засодимский рисует во всем ее неприглядном мраке, со всем ее невежеством. Повесть «Темные силы» — это хроника семьи мещанина Никиты Долгого. В односторонней и томительно долгой его жизни нет

светлого дня, они проходят в беспробудном пьянстве и истязаниях жены Катерины Степановны, надрывающей свои силы в труде. Горька жизнь их дочери Насти, выданной насильно за нелюбимого мужа, невыносимо существование ее братьев Алексея и Степана, отданных «на обучение» лавочнику и сапожнику, в смрадной обстановке озверения и нищеты страдает их младший брат Андрюша, мальчик чуткий и сердечный.

Звериные инстинкты и нравы царят не только в семье Никиты, они засасывают обывателей всего Болотинска, губят их, лишают возможности думать об иной, счастливой и свободной жизни. Мещанское болото, стоячие, грязные, смрадные лужи заливают не только улицы Болотинска, они засасывают его обывателей. «Добродушные болотинские обыватели, — сиронией замечает Засодимский, — держались того убеждения, что солнце сгонит снег и высушит грязь без всякой человеческой помощи».

Ранние повести Засодимского чаще всего кончаются трагической гибелью их героев, но всем содержанием своих произведений писатель протестует против темных сил, оправдывающих примирение с застойной и затхлой мещанской жизнью. В повести «Старый дом» Засодимский поднимается до сатирического обличения этих «темных сил». Он рисует самые различные типы мещан-чиновников и обывателей, едко высмеивает жильцов «старого дома», олицетворяющих пошлость и тупоумие, застой и примирение с жизнью грязной, мелкой, без большого счастья, проходящую в

сытом покое, в мелких делишках и страстях.

Эти «маленькие смешные лилипуты» живут в старой руине с позеленевшей крышей, с темными стенами и гнилым поваленным забором, с заплесневелым прудом во дворе. Они, как ракушки, облепили Василия Кремнева, полного молодых порывов, и потянули его на дно. Он недолго сопротивлялся канцелярским чинушам и мещанам, недолго противостоял матери, гнавшей его на службу, не понял, что его враг — *«сама, плохо сложенная жизнь с ее мелочно узкими, личными интересами»*. Кремнев испугался борьбы с нуждой, яд старой жизни разлагал его силы и веру, лилипутики-мещане надломили его. «Старый дом», этот символ торжества «темных сил», все крепче и крепче засасывал его. «Старый дом» гостеприимно принимает всех, «задумчиво, как бы в недоумении, смотрит он своими тусклыми, грязными, разноцветными окнами на пустую улицу».

5

В шестидесятые годы, по словам Чернышевского, «единственным предметом всех мыслей, всех разговоров», был крестьянский вопрос. С большей силой этот же вопрос продолжал волновать общественную мысль России в последующие десятилетия, в те годы, когда Засодимский уже активно выступал в литературе. Первый свой роман «Хроника села Смурина» (1874), напечатанный в органе русской революционной демократии — «Отечественных записках», писатель посвятил

изображению пореформенной деревни, судеб русского крестьянства тех лет.

В условиях глубокого кризиса феодально-го строя царское правительство, сильно ослабленное в Крымской войне 1853—1856 годов, напуганное все возрастающими крестьянскими «бунтами» и боявшееся освобождения «снизу», вынуждено было пойти на отмену крепостного права. Пресловутая «крестьянская реформа» 1861 года была половинчатой, крепостнической, буржуазной по своему характеру. «Освобождаясь» из-под власти помещика-крепостника, крестьянин попадал под власть денег, оказывался в полной зависимости от капитала, бурно нарождавшегося тогда в России. «Пресловутое «освобождение», — писал В. И. Ленин, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»¹⁾. «Эпоха реформ» 60-х годов ничего не изменила в жизни и положении крестьянина, «оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»²⁾.

О том, как жилось «освобожденным» крестьянам, обреченным, по словам В. И. Ленина, «на тысячи худших и горших мучений», рассказывал наряду с другими писателями-современниками и Засодимский в своих повестях и романах, в своей «Хронике села Смурина».

Роман этот задуман П. В. Засодимским в 1872 году. Получив от журнала «Дело»

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 94—95.

²⁾ Там же, стр. 95.

задание исследовать состояние крестьянских молочных артелей Тверской губернии, писатель «много ходил пешком по деревням». С октября 1872 года в течение трех месяцев Засодимский учительствовал в Боровичском уезде Новгородской губернии. «Окружавшее в ту пору, — рассказывает писатель, — дало мне материал для создания некоторых образов и сцен в этом первом моем романе; отчасти также материал дали мне для этого романа кузнечные артели, с которыми я ознакомился в начале же 70-х годов, во время моих странствований по Тверской губернии для изучения артельного дела вообще...»¹⁾).

Отдельные факты и обстоятельства, почерпнутые в тверских кузнечных артелях и из деятельности тверского земства, помогли писателю воспроизвести не только историю создания кузнечной артели в селе Смурине. Они послужили материалом для целого ряда сцен и образов романа. Неслучайно М. Е. Салтыков-Щедрин, хорошо изучивший Тверскую губернию, узнал в романе Засодимского одного из тверских земцов.

Детали образа «доброй барыни», по инициативе которой устраивалась школа в селе Большие Меглецы Боровичского уезда, история открытия этой школы во флигеле барской усадьбы, конфликты с соседней школой, в которой учительствовал родственник местного священника, участие учителя в ночном крестьянском сходе по поводу переплаты налога, составление

¹⁾ П. Засодимский. Из воспоминаний. М., 1908, стр. 259.

коллективной жалобы и многие другие сцены, конкретные детали, ситуации, поступки заимствованы писателем из действительности Новгородской губернии. Засодимский, однако, утверждал, что никогда специально не изучал жизнь народа, никогда «не смотрел на народ, как на объект, подлежащий исследованию», никогда «не подходил к народу с заранее выработанной программой «для собирания сведений», как это делали народники. Его поездки в Тверскую и Новгородскую губернии не были специальным «хождением в народ».

«Я пришел в школу, — пишет Засодимский, — уже в то время, когда знал деревню, когда народ со всем его складом духовной и внешней жизни, с его взглядами и мировоззрением, с его нуждами и потребностями, с его радостями и горем не был для меня таинственным незнакомцем, каким он был и остался для многих моих сверстников и коллег.

...Я никогда не смотрел на людей из народа, как на каких-нибудь замечательных козявок, которых нужно рассматривать чуть не под микроскопом, а затем, уехав в Москву или Петербург, писать в журналах по поводу их глубокомысленные трактаты или весьма легкомысленные повести и рассказы»¹⁾).

Засодимский «жил среди народа, узнал его и полюбил, узнал его слабость и мощь, — одним словом, узнал его настолько, насколько возможно узнать его человеку, по своему общественному положению стоящему вне

¹⁾ П. Засодимский. Из воспоминаний. М., 1908, стр. 264,

крестьянской среды». Засодимский не ограничивал себя материалами, полученными во время поездок в Тверскую и Новгородскую губернии. Образы, созданные им, замыслы романа, освещались всем знанием народной жизни, в том числе впечатлениями детства и юности.

Первые наброски романа из деревенской жизни, названного вначале «Печать антихриста», Засодимский сделал в конце 1872 года, в то время, когда он учительствовал в Новгородской губернии. Но тогда писатель мог работать лишь урывками, по ночам. Роман писался и в Петербурге, и в Москве, и в Усмани, и в селе Никольском-Кабаньем во время странствований писателя по России. Особенно напряженно Засодимский работал над романом в течение 1873 года и закончил его в начале марта 1874 года. К этому времени сотрудничество в журнале «Дело» оборвалось, так как писатель, по его словам, «принципиально разошелся с Благосветловым (по вопросу о тогдашнем общественном движении)». Решив предложить свое сотрудничество «Отечественным запискам», Засодимский в начале апреля явился в редакцию этого журнала и отдал рукопись Некрасову. Вскоре Щедрин сообщил, что «Отечественные записки» будут печатать роман. 20 мая он писал Засодимскому, что к редактированию рукописи «еще не приступил»: «Но прошу Вас быть уверенным, что я в ущерб ей ничего не сделаю. Об одном считаю долгом предупредить Вас: времена тяжелые наступили, и 5 № «Отеч. записок» арестован и, вероятно, будет сожжен. Рукопись Вашу я беру в деревню, куда выезжаю в субботу. Мы

думаем начать печатать ее с августовской книжки»¹⁾).

В связи с развитием революционного движения в стране правительство усилило надзор за журналами прогрессивного направления и особенно за «Отечественными записками». Цензура и раньше указывала на криминальные статьи журнала, а в майском его номере отметила целых семь статей. Это привело к тому, что в июле 1874 года книга была приговорена к сожжению. «Тяжелые времена», усилившийся цензурный надзор заставили редакцию тщательнее редактировать материалы, публиковавшиеся на страницах «Отечественных записок». Об этом и предупреждал Засодимского Щедрин, желая спасти его роман от участи пятого номера журнала.

В конце мая Засодимский случайно встретился с Щедриным и Некрасовым на платформе Николаевского вокзала. Они еще раз ободрили автора «Хроники». Салтыков-Щедрин просил Засодимского не беспокоиться за судьбу рукописи и снова заверил, что он, редактируя ее, не испортит, а лишь «погладит кое-где»...

Вскоре после этой встречи, в самом конце мая Засодимский уехал на родину, в Вологодскую губернию, Салтыков-Щедрин — в свое Витенево. На Чудовской Луке проводил лето Некрасов. В письме к А. М. Скабичевскому от 13 июля 1874 года Некрасов просил, не теряя времени, набрать восьмой номер журнала и

¹⁾ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. Письма, т. XVIII. М., Гослитиздат, 1937, стр. 285.

в том числе начало романа Засодимского «Хроника села Смурина»¹⁾. Так роман Засодимского увидел свет в «Отечественных записках».

«Хроника села Смурина» — это хроника нищеты и горя, темноты и забитости деревенского человека. В ней правдиво изображена пореформенная деревня, остро поставлены «проклятые» вопросы современности.

Обремененный семьей, тихий и смиренный, приниженный и запуганный крестьянин Василий Кряжев, попадая в зависимость к мироеду Прокудову, в воловьем труде напрягает свои силы. Но не выбиться ему из нужды, не погасить недоимки, несчастье за несчастьем приходят в его дом.

«Потрясающую картину глубокой насущной скорби представляла теперь эта несчастная семья, — пишет Засодимский. — Она лишилась своей последней коровы-кормилицы... Что теперь, кроме квасу с луком, станут они хлебать в скоромные дни? На чем они в праздники будут печь овсяные рогульки? Чем замаслят они себе кашицу? Что без удобрения вырастит им поле?»

Автор «Хроники» не склонен однако идеализировать крестьянина. Он сознает сложность самого процесса переделки крестьянской психологии, не только видит, но и показывает пассивность, разобщенность крестьян, темноту их сознания, мешавшую правильно понять свое истинное положение. Освобождаясь от рабства

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. XI. М., Гослитиздат, 1952, стр. 324.

крепостника-помещика, крестьяне попадали в кабалу к тому же помещику и к тем, кто приходил ему на смену. «Прямо сказать, вышло как-то так, — пишет Засодимский, — что крестьяне, переставши быть графскими, очутились чирковскими... Дали им было волю.., а ночью, тайком прокрался к ним Кузьма Иванович, сцапал у них эту волю, зажал в свой кулачище, да и был таков. От воли и живого духу не осталось».

Крупного землевладельца, хищника-купца Кузьму Ивановича Чиркова писатель называет «героем нашего времени». Этот «новый герой» с почтенной бородкой и бычьим затылком живо прибирал к своим рукам земли разорявшихся помещиков, скупал крестьянский хлеб на корню и зерном, тысячами пудов сплавлял его, заставляя работать на себя весь уезд. Все крепче завязывал Чирков мертвый узел на шее крестьян, все чаще поглядывал заплывшими глазами на образа и рассуждал о кротости и смирении. Его хутора и поселки, как грибы после дождя, росли по всему уезду. «Много за последние годы повыросло на Руси, — пишет Засодимский, — таких поселочков, обнесенных частоколом, словно крепостной стеной, как поселочек почтенного Кузьмы Ивановича. Теплятся в них большущие лампадки и озаряются их красноватым сиянием тяжелые серебряные оклады образов и чуть ли не пудовые восковые свечи зажигаются перед ними в праздники. И на железных сундуках, втихомолку потряхивая мошной, сидят в этих поселочках толстые, бородатые люди, — новые люди, жирные и кровожадные, как клопы...».

Засодимский видел, как «местное кулачье», словно «стая жадной мелюзги облепила добычу», дотла обирает крестьян. «Хроника» открывается выразительным сатирическим портретом смуринаского богача Григория Прокудова. Писатель застает кулака в то время, когда он разглядывает в пузатом самоваре свою расплывшуюся, приплюснутую физиономию: «Невозмутимое спокойствие и довольство отражалось в ту пору на этой жирной, красной роже, из которой, казалось при малейшем давлении, сало так и готово было брызнуть». Рисует Засодимский Прокудова и в то время, когда тот занимается любимым делом, подсчетом барышей, поглаживая «себе брюшко с таким видом, как будто бы он один за раз проглотил весь дневной запас пищи, потребной для прокормления всего Смурина».

Крепко держал Прокудов в своих цепях смуриных крестьян, туго набивал он свою мощну, пользуясь людской нуждою, бессовестно обсчитывал и обирал бедняков на каждом шагу. Не упускал случая нажиться и его зять Антон Кудряшев, владелец питейных заведений, мрачно взиравший на мир «неподвижными выцветшими глазками». По всему уезду рассовал он свои кабаки, его целовальники проникали в самые глухие углы, спаивали крестьянский люд на всех дорогах, больших и малых.

Иным путем, патриархальным способом, обирал крестьян кулак старого закала Андрей Беспалый. Копил и скряжничал он всю жизнь, с неохотой пускал деньги в оборот, хранил их под полом, да так и обезумел от жадности,

когда деньги мыши сгрызли. С тех пор не может видеть он мышей, а завидев, «весь затрясется, задрожит и дышит так тяжело, как будто бы с версту бегом пробежал, глаза дико выкатываются из орбит и следят за серою тенью, а седая голова все наклоняется и наклоняется вперед...».

Но хитрее Лисина не было кулака в Смурине: «Его серые глазки так и бегали, так и метались туда и сюда, как загнанные мыши... Мягкая улыбочка мелькала на его тонких губах, и словно молвить хотела: «мы себе на уме». Кошачьей походкой, то и дело озираясь по сторонам, ходил он, ловко заигрывая с крестьянами, «редко выпускал когти, но всегда почти добивался своего». Не брезгуя никакими средствами, Лисин втирается в доверие к крестьянам. В кузнечной артели, устроенной смуринцами, он видит хорошую добычу и прибирает ее к своим рукам. Лисин — не простой хищник, он ловко рядится в овечью шкуру, прикрывает свои волчьи намерения лисьими повадками. Не желая отстать от времени, он готов прослыть «либералом» и тут же приспособиться к новым способам ограбления му-жика.

Как бы ни были различны эти способы и приемы обогащения, они объединяют смуринских мироедов в единых стремлениях. На их стороне и мировой посредник и поп, волостной старшина и становой, кабатчики и писаря. Представители растущего капитала, «чумазы», как их выразительно называл Щедрин, все прочнее смыкаются с правительством, безнаказанно эксплуатируют крестьян, устраниют с

дороги всякого, кто мешает вершить им грязные дела.

Под тесовыми и железными крышами, за высокими заборами, обособившись от смуринецов, живут кулаки-мироеды на берегу Вожицы — в Закручье. Не в их дома приходит горе, не на их плечи падает бремя податей. Зато в их амбары ссыпают крестьяне последние меры овса и хлеба, в их кабаки несут свои лохмотья. «Грозен и немилостив закручевский бог! Он последний сараишко раскатит, последнюю овцу со двора сведет, последний тулуп с плеч стащит...».

Засодимский хорошо видел не только рост «чумазных» за счет обнищания крестьян. Писатель показывает, как капиталистические отношения пагубно влияют на крестьянство, несут с собой обман и ложь, пьянство и разврат. «И старики правду говорят, что ныне в смуринской стороне пошло такое распутство, какого они не запомнят, какого даже при барах не бывало. Отцы обирают, а сынки на те же деньги наложниц себе покупают».

В отличие от либеральных народников Засодимский понимал, что в условиях крепостнического режима никакими частными, «дозволенными» правительством средствами не изменить положения народа. Писатель с иронией относится к земским либеральным «деятелям».

В сером низеньком, словно приплюснутом, домике под вывеской «Земская управа» вяло отбывают свои сессии черешинские земцы. Слушают они томительно длинные, нудные отчеты и доклады, ведут пустопорожние разговоры, обнаруживая свое бессилие и

неспособность защитить интересы народа и, ничего не сделав, разбредаются по домам. «Черешинское земство до сих пор не слишком отличалось деятельностью, — пишет Засодимский. — Сначала, правда, благих намерений очутилось вдруг так много, что ими можно бы было вымостить весь дантовский ад, и дело стало лишь за деньгами. В настоящую же пору, когда увлечение прошло своим путем, Черешинское земство, как говорится, ни богу свечка, ни чорту огарок, действует бесследно и таким таинственным образом, как будто бы оно приведение».

Беспочвенным либеральным «деятелем» изображен в романе Вальд. Этот сонливый, уставший «аристократ» с вялыми движениями и ленивой походкой выдает себя за «радетеля» о «народном благе». Мутит его «артельный бес», кажется ему, что крестьяне будут блаженствовать в райских общинах. Но сам он вряд ли серьезно верит в свои слова, весь его вид как бы говорил: «Уйдите от меня, пожалуйста! Оставьте меня в покое!»

Рисует Засодимский и образ «доброй барыни» Лизаветы Петровны Водяниной, полной либерально народнических иллюзий. Вначале она, кажется, искренне хочет помочь крестьянам, посвятить им свою нескладную жизнь. Ее белая барская рука протягивает помощь ссудосберегательному товариществу. Участвует Водянина и в организации смуринской школы, и в открытии общественной лавки. Но она скоро осознает свою беспомощность, все чаще «барыня о чем-то грустила, сидела задумавшись и все менее интересовалась крестья-

янскими делами. Даже Дмитрий Кряжев, вначале идеализировавший «добрую барыню», убедился в неспособности ее отдать свои силы народу.

В центре «Хроники» стоит образ «крестьянского радетеля» Дмитрия Кряжева, выдвинутого народом из своей среды. Засодимский симпатизирует этому смелому, бывалому человеку, вступающему в борьбу с кулачеством за интересы смуриных крестьян. Дмитрий Кряжев «духом был горд и самостоятелен». Обогащаясь знаниями, он до многого доходит своим умом, все глубже начинает понимать истинное положение крестьян, знает и ценит народ лучше, чем «многие ученые, специально посвятившие себя разработке вопроса об улучшении быта сельского населения».

Сохраняя чувство человеческого достоинства, Дмитрий Кряжев отдает все свои силы односельчанам, стремится вырвать их из-под зависимости богатеев-закручьевцев. Мечта о лучшей жизни никогда не покидала его. Преодолевая звериное кулацкое сопротивление, вступая в открытую борьбу с мироедами, Кряжев горячо участвует в организации ссудосберегательного товарищества, в открытии школы и общественной лавки, в создании кузнечной артели. На этом пути он испытал горечь поражения. Но Кряжев не унывал, не опускал руки, продолжал верить, что не всегда будет праздник на улице закучьевцев, придет он и к крестьянам.

Попытка Дмитрия Кряжева вести борьбу с мироедами народническими средствами оказалась несостоятельной. Кулаки перестали

враждовать с крестьянской кассой, охотно записывались в нее и брали деньги для своих сделок, бедным же касса выдавала средства скупю. Общественная лавка оказалась не в состоянии тягаться с закручевскими магазинами, «чуть ли не торговавшими даже птичьим молоком». В кузнечную артель проник кулак Лисин и завладел ею. Закрыли в Смури-не и школу.

Всем содержанием «Хроники села Смурина» Засодимский утверждал бесплодность попыток либеральных народников улучшить крестьянскую жизнь «дозволенными» средствами, организацией товариществ и общинных артелей. К этой же мысли писатель приводит и своего героя Дмитрия Кряжева, переживающего горечь поражения, испытывающего разочарование оттого, что лучшие годы его жизни ушли попусту, ничего не изменив в положении родных ему смуринцев. Кряжев сознает, что «одной кассой, лавкой, а либо артелью тут горю не помочь! Бери выше, хватай глубже!» Он видит, что людям по-прежнему «жить тесно, душно», но не знает еще путей борьбы. Как слепой, бродит Кряжев по нехоженным дорогам. Покидает он родную деревню, свой дом и уходит в город.

Народническая критика далеко не восторженно встретила «Хронику села Смурина». Идеализируя стихийного бунтаря Аггушку, выдвигая в качестве положительного героя «добрую барыню» Водянину, она пыталась приглушить смысл исканий Дмитрия Кряжева. М. Протопопов, например, опубликовал на страницах «Русского богатства» фельетон, в

котором издевался над размышлениями Кряжева о том, что нужно идти другим путем, «брать выше, хватать глубже».

6

На следующих этапах своего творчества Засодимский оставался верным правдивому изображению жизни. Судьбы русской деревни продолжали волновать писателя. Этой теме он посвятил наиболее крупные свои произведения, романы «Степные тайны» (1880), «По градам и весям» (1885), «Грех» (1893). Идейный распад народничества в 80-е годы Засодимский переживал тяжело и болезненно. В повести «Песня спета» (1888) он с горечью рассказывал о том, как пагубно действует на опустившегося писателя Пестерева тупое равнодушие к вопросам общественной жизни, отказ от служения народу, боязнь за «свою шкуру».

На последнем этапе своего творчества в 90-е годы Засодимский продолжал клеймить бездельных дворян, ноющих интеллигентов, предпринимателей-хищников, вконец разоряющих деревню. Но противопоставляя им образы трудящихся людей, писатель начинает идеализировать патриархальную жизнь крестьянства, рисовать, по словам Горького, крохотного мужика, «чрезвычайно похожего по свойствам психики своей... на мужиков Толстого, Тургенева...».

Засодимский так и не увидел революционной силы пролетариата, способного сокрушить ненавистный царский строй и уже вступившего

на путь борьбы. Однако М. Горький справедливо считал, что Засодимский никак не укладывается в рамки народничества, хотя его и принято считать «чистым народником». Засодимский смело вскрывал социальные противоречия современной ему действительности, решительно осуждал рабское терпение, мучительно искал лучших путей к счастливой доле народа, искренно верил в то, что «заря пленительного счастья» взойдет над его Родиной.

Последние годы своей жизни писатель провел в Петербурге, а в 1908 году покинул столицу и поселился в Новгородской губернии, отдаваясь работе над воспоминаниями и детскими рассказами («Задуманные рассказы», «Бывальщины и сказки», «Дедушкины рассказы и сказки»).

«Люблю я север, — говорил как-то на склоне своих лет писатель, — люблю широкие быстрые реки, его дремучие леса, зимы... Помните:

Снег и снег, все один вечно девственный снег,
Да узоры лиловые скованных рек,
Да сосновые темные боры...»

Засодимский еще мечтал уехать на родину, в Вологодскую губернию. Но этой мечте уже не суждено было осуществиться. 4 мая 1912 года Засодимский умер в селе Опеченский Посад Новгородской губернии. На другой день на страницах большевистской «Правды» появилась небольшая заметка:

«Вчера скончался известный писатель-народник П. В. Засодимский.

Покойный является последним из славного кружка русских беллетристов, где он работал

наряду с Глебом Успенским, Златовратским и другими.

Широкую литературную известность П. В. Засодимский приобрел своею «Хроникой села Смурина», печатавшейся в «Отечественных записках».

Засодимский прожил жизнь, полную лишений и нужды. Чуткий и восприимчивый к страданиям народа, он отдавал ему все свои силы и знания. По словам одного из современников, Засодимский «любил народ, страдал его болями». «Человек, живущий для себя, — говорил писатель, — никогда не может чувствовать себя удовлетворенным. Только в борьбе за общечеловеческое дело можно найти счастье». Этой борьбе за народное дело Засодимский был верен до конца своей жизни.

1956 г.

ЖИЗНЬ И КНИГИ «ДЯДИ ГИЛЯЯ»

1

Многочисленные друзья и приятели В. А. Гиляровского называли его шутя, а потом и всерьез, но всегда тепло и любовно — дядя Гиляй (одно время он подписывался «В. Гиля-й»). А. П. Чехов так и писал ему: «Милый дядя Гиляй!»

Милый дядя Гиляй!.. В этих чеховских словах выражена сердечная любовь современников к человеку большой русской души, неукротимой энергии, бесшабашной отваги и удали, как бы олицетворявшего неисчерпаемую талантливость русского народа, широту и цельность его натуры.

Общительный и веселый, щедрый и добрый, всегда полный необыкновенного любопытства к жизни, и бурный в проявлении своих чувств, он и внешне был яркой фигурой, натурой широкого склада — богатырское сложе-

ние, крупные черты лица, большие умные проницательные глаза, седые пышные усы запорожца. Знать, билась в нем кровь дальних его предков, запорожских казаков! Недаром же Репин писал с Гиляровского одного из своих запорожцев, а Андреев лепил с него фигуру Тараса Бульбы для памятника Гоголю в Москве.

Гиляровский обладал огромной физической силой, сгибал пальцами большие медные пятаки, шутя ломал серебряные рубли, разгибал подковы, легко мог завязать узлом железную кочергу. Это был человек неистощимый в своих мальчишеских проказах, выдумках и шутках. Его биография полна удивительных приключений. Он никогда не терялся и не сгибался ни перед какими ударами жизни. Она закалила его и воспитала как человека разностороннего и трудолюбивого.

Кем только не был Гиляровский — волжским бурлаком, крючником, цирковым наездником, борцом, табунщиком, актером, знатоком конского спорта и пожарного дела, знаменитым газетчиком, «королем репортеров». Он гордился значком «почетного пожарника», за храбрость в войне с турками имел солдатского Георгия, за участие в олимпийских играх — Большую золотую медаль.

Гиляровский, по словам его друга писателя Н. Телешова, в одно и то же время охотно дружил «с художниками, знаменитыми и начинающими, писателями и актерами, пожарными, беговыми наездниками, жокеями и клоунами из цирка, европейскими знаменитостями и пропойцами Хитрова рынка, «бывшими

людьми». У него не было просто «знакомых», у него были только «приятели»¹⁾).

Не зная усталости, он вечно куда-нибудь спешил, на ходу расточая экспромты, остроумные шутки, тут же весело похлопывал по серебряной табакерке, с которой никогда не расставался, предлагая «всем окружающим, знакомым и незнакомым, понюхать какого-то особенного табаку в небывалой смеси, известной только ему одному».

Большое человеческое обаяние Гиляровского привлекло к нему лучших людей того времени. Двери его дома всегда были гостеприимно открыты для друзей, для писателей и художников, артистов и журналистов, знаменитых и только вступавших в жизнь. Заходили сюда Л. Толстой и М. Горький, бывали Глеб Успенский и Мамин-Сибиряк, Репин и Левитан, Куприн и Бунин, Шаляпин и Собинов, Брюсов и Леонид Андреев, Маяковский и Есенин, Демьян Бедный и Алексей Толстой. Обогреть и накормить приводил сюда хозяин знаменитого Саврасова в последние годы его жизни, с просьбой оказать протекцию, смущаясь, заглядывал молодой Качалов. В уютной столовой Гиляровских, где происходили встречи выдающихся людей своего времени, и сейчас еще висит большой портрет Л. Толстого с дарственной надписью «Владимиру Алексеевичу Гиляровскому. Лев Толстой. 17 дек. 1899 г.».

¹⁾ Н. Телешов. Записки писателя. Рассказы о прошлом и воспоминания. М., «Сов. писатель», 1950, стр. 23.

«Есть люди, — пишет К. Паустовский, — без которых не может существовать литература, хотя они сами пишут немного, а то и совсем не пишут. Это люди — своего рода бродильные дрожжи, искристый винный сок. Неважно — много ли они или мало написали. Важно, что они жили и вокруг них кипела литературная жизнь своего времени, а вся современная им история, вся жизнь страны преломлялась в их деятельности. Важно то, что они определяли собой свое время.

Таким был Владимир Алексеевич Гиляровский — поэт, писатель, знаток России и Москвы, человек большого сердца — чистейший образец талантливого нашего народа»¹⁾).

Трудно представить литературу конца XIX и начала XX века без Гиляровского, нет почти ни одной книги воспоминаний о литературной жизни этих лет, в которой имя «дяди Гиляя» не было бы упомянуто с любовью. Он был душою многих собраний и встреч. Сам полный сил и горения, он и других заставлял гореть, увлекаться тем, что увлекало его. «С тобой и умирать некогда», — говорил ему Чехов. Даже старика Л. Толстого удавалось ему вытаскивать в общество, возить зимой на репетиции чеховского «Медведя».

Гиляровский находил время рассказывать Глебу Успенскому о бродяжной жизни, вдохновенно читать Горькому своего «Стеньку Разина», водить Станиславского и Немировича-

¹⁾ К. Паустовский. Дядя Гиляй. В кн.: Вл. Гиляровский. Москва и москвичи. М., «Москов. рабочий», 1955, стр. 8.

Данченко по притонам Хитрова рынка, знакомить Чехова с провинциальными актерами, возить его за город к крестьянину Никите, прототипу «Злоумышленника», поддержать начинающего Валерия Брюсова, увлечь атлетикой Куприна.

И писатели отвечали ему взаимной привязанностью, радовались его успехам в литературе, искали с ним встреч. «Вчера я был у Гиляя, — пишет Чехов, — и отнял у него очень маленький рассказ, который он готовил не то в «Развлечение», не то в «Будильник». Рассказ совсем осколочный. Удался и формой и содержанием, так что трудно было удержаться, чтобы не схватить его...»¹⁾.

А 23 марта 1903 г. Чехов писал Гиляровскому из Ялты: «Милый дядя Гиляй, твои «Люди четвертого измерения» великолепны, я читал и все время смеялся. Молодец, дядя!»²⁾.

«Видел на днях Гиляровского, — сообщает Горький Чехову. — Ну, фигура! Понравился он мне...»³⁾.

«...Ах, дорогой дядя Гиляй, — записывает Куприн, — крестный мой отец в литературе и атлетике, скорее я вообразу себе Москву без царя-колокола и царя-пушки, чем без тебя»⁴⁾.

Как писатель, Гиляровский стал известен изображением жизни «трущобных людей», бо-

¹⁾ А. П. Чехов. Полн. собр. сочин. и писем, т. XIII, М., Гослитиздат, 1948, стр. 189.

²⁾ Там же, т. XX, М., Гослитиздат, 1951, стр. 75.

³⁾ М. Горький и А. Чехов. Переписка, Статьи. Высказывания. М., Гослитиздат, 1951, стр. 50.

⁴⁾ «Нева» 1956, № 12, стр. 173.

сяков и нищих, быта московского «дна», большим знатоком которого он был. Московская беднота любила Гиляровского за смелость и великодушие, за то, что он понимал их горе и не раз защищал простых людей, выброшенных бесправием за борт жизни.

Гиляровский дорог литературе как яркий бытописатель старой Москвы, одинаково хорошо знавший жизнь дворцов и трущоб древней русской столицы, ее быт и людей. «В своих книгах, — писала о Гиляровском «Правда», — он вскрывал пороки капиталистического строя и с любовью, с большим знанием жизни правдиво писал о простых людях»¹⁾.

2

Владимир Алексеевич Гиляровский родился 26 ноября (8 декабря) 1853 года в глухом лесном хуторе за Кубенским озером, в сямских лесах Вологодской губернии. «...Часть детства своего, — рассказывает писатель, — провел в дремучих домшинских лесах, где по волокам да болотам непроходимым медведи пешком ходят, а волки стаями волочатся. В Домшине пробегала через леса дремучие быстрая речонка Тошня, а за ней, среди вековых лесов, болота. А за этими болотами скиты раскольничьи, куда доступ был только зимой, по тайным нарубкам на деревьях, которые чужому и не приметить, а летом на шестах пробираться приходилось... Разбросаны эти

¹⁾ «Правда», 1953, 9 декабря, № 343, стр. 4.

скиты были за болотами на высоких местах, красной сосной поросших»¹⁾).

В этой лесной глуши и прошло раннее детство будущего писателя. Отец его, Алексей Иванович, сам белозер, служил тогда помощником управляющего лесным имением графа Олсуфьева. Управлял имением казак Петр Иванович Усатый, сын запорожца, бежавшего на Кубань после разгрома Сечи, участник кавказских походов, человек недюжинной физической силы. На его шестнадцатилетней дочери, Надежде Петровне, и женился отец Гиляровского.

Дух казачьей вольности жил в этой семье. Вольнолюбивые песни, запрещенные стихи Рылеева, тетрадь с которыми хранилась у отца еще с семинарских времен, стихи Пушкина и Лермонтова рано стали дороги и близки мальчику Гиляровскому. «Бабка и дед, — вспоминает писатель, — рассказывали о привольной и боевой казацкой жизни, а их дочь, моя мать, прекрасно пела песни чудные и читала по вечерам Пушкина, Лермонтова, а отец запрещенные стихи Рылеева. Я, пятилетний, со слуха знал наизусть кусочки из произведений Войнаровского»²⁾).

Когда мальчику исполнилось пять лет, дед привез с сельской ярмарки азбуку и сам начал обучать внука грамоте. Физическим воспитанием мальчика занимался давний друг отца и деда беглый матрос Китаев, бывший кре-

¹⁾ Вл. Гиляровский. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., «Федерация», 1928, стр. 5—6.

²⁾ Вл. Гиляровский. Мои семьдесят пять лет. «Огонек», 1928, 11 ноября, № 46, стр. 7.

постной крестьянин с реки Юг. Он обладал сказочной силой, с ножом ходил на медведя — один на один, жонглировал бревнами, ударом ребра ладони разбивал на руках камни. Этот беглый матрос и воспитывал в Гиляровском «удалого охотника», заставлял его лазить по деревьям, обучал гимнастике, борьбе, плаванию, верховой езде.

Семья Гиляровских жила очень дружно и скромно. Отец и дед были завзятые рыбаки и первые медвежатники на всю округу, крепко дружили с крестьянами и пользовались всеобщим уважением. «За все время управления дедом глухим лесным имением, где даже барского дома не было, никто не был телесно наказан, — с гордостью пишет Гиляровский, — никто не был обижен, хотя кругом свистели розги, и управляющими, особенно из немцев, без очереди сдавались люди в солдаты, а то и в Сибирь ссылались... Дед был полным властелином и, воспитанный волей казачьей, не признавал крепостного права: жили по-казачьи, запросто и без чинов»¹⁾).

В 1860 году Алексей Иванович получил место чиновника в губернском правлении, вся семья переехала в Вологду и поселилась за рекой, на Калашной улице. На лето отправлялись в небольшое имение Светилки, стоявшее на берегу Тошни, в тех же глухих и непроходимых домшинских лесах. Гиляровскому минуло восемь лет, когда умерла его мать, и мальчик еще больше привязался к беглому

¹⁾ Вл. Гиляровский. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., «Федерация», 1928, стр. 12—13.

матросу Китаеву, целыми днями пропадая с ним на охоте.

Вскоре умер дед, отец женился на Марии Ильинишне Разнатовской, и мальчик перестал бывать в родных домшинских лесах, а гостил под Вологдой, в Несвойском, и в Деревеньке, небольшой усадьбе родовитых, но уже разоряющихся дворян Разнатовских. Даже здесь не расставался он со своим воспитателем Китаевым. «Моя мачеха, — вспоминает Гиляровский, — добрая, воспитанная и ласковая, любила меня действительно как сына и занялась моим воспитанием, отучая меня от дикости первобытных привычек. С первых же дней посадила меня за французский учебник, кормя в это время конфетами. Я скоро осилил эту премудрость.., но «светские» манеры после моего «гувернера» Китаева долго мне не давались, хотя я уже говорил по-французски. Особенно это почувствовалось в то время, когда отец с матерью уехали года на два в город Никольск на новую службу по судебному ведомству, а я переселился в семью Разнатовских. Вот тут-то мне досталось от двух сестер матери, институток: и сел не так, и встал не так, и ешь, как мужик! Допекали меня милые тетеньки»¹⁾).

В августе 1865 года Гиляровский поступил в первый класс вологодской гимназии «и в первом же классе остался на второй год».

В гимназии царили грубые и жестокие нравы — в ходу были линейки, подзатыльники,

¹⁾ Вл. Гиляровский. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., «Федерация», 1928, стр. 14.

карцеры, применялись «по традиции» и розги. Гимназистов учили «чему-нибудь и как-нибудь», поэтому у Гиляровского о том, что он учил и о тех, кто учил, «осталось в памяти мало хорошего». Во главе гимназии стоял брат известного поэта Василия Красова, Иван Иванович Красов, человек вялый и сонный, и в его времена гимназия страдала от засилия чопорных и важных иностранцев. Учитель французского языка Ранси был бездарен: на родине он был парикмахером и вряд ли знал хорошо даже свой язык. Немец Робст, по словам Гиляровского, «производил впечатление самого тупоголового колбасника». Гимназисты, зная, что он совершенно не понимает по-русски, читали ему вместо утренней молитвы — «Чижик, чижики, где ты был», за что многие из них, в том числе и Гиляровский, не миновали карцера.

В гимназические годы Гиляровский начал писать стихи. Первыми его опытами были злые эпиграммы, «пакости на наставников», за которые обиженные учителя тайно и зло мстили юному «стихоковыряле». «Но кроме «пакостей на наставников», — вспоминает Гиляровский, — я писал и лирику, и переводил стихи с французского, что очень одобрял учитель русского языка Прохницкий»¹⁾.

В Вологде Гиляровский впервые попал в театр, впервые приобщился к цирку. Тогдашние знаменитости провинциальной сцены произвели на него большое впечатление, «заставили

¹⁾ Вл. Гиляровский. Мои семьдесят пять лет. «Огонек», 1928, 11 ноября, № 46, стр. 7.

полюбить театр». Как-то осенью на городской площади за несколько дней выросло круглое, высокое здание с загадочной маящей рекламой «Цирк араба-кабила Гуссейн Бен-Гамо». Юноша немедленно проник туда и в два года постиг «тайны циркового искусства», «стал недурным акробатом и наездником».

Вологда в то время была, по словам Гиляровского, полна политических ссыльных, которых местные обыватели называли одним словом — «нигилисты». Здесь были революционные демократы, народники, ссыльные по делу Чернышевского и по делу «Молодой России», жили здесь Н. В. Шелгунов и П. Л. Лавров, были и участники польского восстания 1863 года. На улице то и дело можно было встретить «нигилиста» в широкополой шляпе, в небрежно накинута на плечи пледе или народника в красной рубахе, в поддевке и простых сапогах.

Ссыльные бывали частыми гостями и в доме Гиляровских. Народники, неразлучные братья Васильевы, не только репетиторствовали, но и просвещали юного гимназиста. Жили они большой колонией в маленьком флигельке у самой гимназии. Гиляровский посещал их вечеринки, слушал оживленные споры, распевал песни о Стеньке Разине. В августе, когда родные жили еще в деревне, кружок ссыльных собирался у Гиляровских, в глухом саду.

Однажды один из ссыльных принес гимназисту Гиляровскому запрещенную книгу, роман Чернышевского «Что делать?». Юноша залпом прочитал книгу, и она произвела на

него сильное впечатление. Неведомый Рахметов, ходивший в бурлаки, спавший на гвоздях, чтобы закалить себя, стал мечтой смелого юноши, давно уже полюбившего свой народ. Гиляровский решил последовать примеру Никитушки Ломова и в июне 1871 года, после неудачного экзамена в гимназии, без паспорта, без денег ушел из родного дома, на Волгу, в бурлаки.

Начались скитания под чужим именем, началась бродяжная жизнь...

3

Из Вологды в Ярославль добрался пешком. На Волге уже свирепствовала холера, безжалостно косившая волжский люд, крючников, рабочих причалов. У пристаней дымили пароходы, буксиры деловито тянули длинные караваны барж, но не видно было старинных бурлацких расшив, куда так хотелось попасть под влиянием только что прочитанного романа. В поисках работы Гиляровский долго бродил по берегу, любуясь большим русским городом, живописно раскинувшимся на Волге. Какой-то старик, случайно встреченный на берегу, указал на загорелых оборванных людей, как раз выходивших из кабака. Это были чуть ли не последние на Волге бурлаки. Один из них по пути в Ярославль умер от холеры прямо в лямке, а заменить было нечем. Может быть, потому так охотно приняли они Гиляровского в свою семью.

— Прямо говорить буду, деваться некуда, — хитрил он, скрывая свое прошлое, —

работы никакой не знаю, служил в цирке, да пришлось уйти, и паспорт там остался.

— А на кой ляд он нам?.. Айда с нами, на заре выходим, — пригласили бурлаки. Кто-то указал на сапоги, посоветовал:

— Коньки брось, на липовую машину станем!

Сапоги пропили, купили на базаре онучи, три пары липовых лаптей, и с рассветом Гиляровский уже тянул лямку в расшиве, шедшей на Рыбинск.

Никакие превратности судьбы не пугали его: кончилась путина — работал крючником, лихо справляясь с девятипудовыми кулями муки; набив железные мускулы, оказался в солдатской казарме; исключили из юнкерского училища — поступил истопником в школу военных кантонистов; не имея зимой пристанища, пошел на белильный завод купца Сорокина в Ярославле, а с первыми пароходами подался в низовья Волги и очутился на рыбных промыслах; скитаясь по волжским пристаням, нанялся в Царицыне табунщиком, погнал породистых персидских жеребцов в задонские казачьи степи, арканил и объезжал лошадей на зимовниках; оказавшись в шумном Ростове, поступил наездником в цирк, разъезжал с ним по российским городам — из Ростова в Воронеж, из Воронежа в Саратов.

Проскитавшись так до 1875 года, Гиляровский в Тамбове отстал от цирка и, став совершенно случайно актером, связал с тех пор значительную часть своей жизни с театром, выступал на сценах Тамбова, Воронежа, Пензы, Рязани, Саратова.

Нелегкой была жизнь провинциального актера в то время — вечное недоедание, нужда, скитание по городам. Ютились кто прямо на сцене театра, закутавшись «в небо и море», кто на пустых ящиках или на соломе где-нибудь в подвале под домом антрепренера, кто в летнее время в садовой беседке устраивался на ночь; ели всей труппой из общей чашки, уходя в город занимали друг у друга платье, пальто, сапоги, странствовали по Руси пешим путем, по шпалам.

Как-то однажды труппа, в которой служил Гиляровский, шла из Моршанска в Кирсанов за телегой, нанятой для актрис. Кто-то из актеров предложил старику-антрепренеру купить хотя бы картошки.

— Помилуйте-с? — удивился он. — Где же это видано, чтобы в августе картошку покупали? Ночью сами в поле накопаете.

И труппа, как вспоминает Гиляровский, не торопясь, двинулась в путь, — «делали привалы и варили обед и ужин, пили чай, поочередно отдыхали по одному на телеге», а ночевали на земле, под телегой, на рогожах и театральных коврах.

В перерывы между сезонами Гиляровский в поисках «простора и разгула» оказывался то где-нибудь на Дону, то поднимался на Эльбрус, то снова скитался по волжским пристаням, то вновь поступал в театр и играл в Саратове в труппе А. И. Погонина вместе с В. П. Далматовым, В. Н. Давыдовым, В. Н. Андреевым-Бурлаком, а свободное время проводили среди «галаховцев», обитателей ночлежки Галахова. Летом 1877 года он

добровольно вступил в солдаты, и вся труппа провожала его на Кавказ, на войну с турками. Через несколько месяцев, Гиляровский был уже среди пластунов-охотников и, рискуя жизнью, как кошка, ползал по горам, пробирался в неприятельские цепи, добывая «языка».

Прослужив после отставки несколько сезонов вместе с В. П. Далматовым в Пензе, Гиляровский в 1881 году поселился в Москве, работал в театре А. А. Бренко. К этому времени за плечами была уже богатая жизнь, знание людей, опыт. Куда бы ни бросала судьба, какие бы лишения ни испытывал Гиляровский в годы своих скитаний, он никогда не раскаивался, что покинул отцовский дом, гимназию, сонную тихую жизнь в семье. Он был искренне благодарен автору романа «Что делать?», который окунул его в жизнь, заставил узнать свой народ, разделить с ним его тяготы и потом рассказать о нем в своих книгах.

4

Интерес к литературе, пробудившийся у Гиляровского еще в гимназические годы, не затухал и во время скитаний. Он посылал отцу пространные письма, в которых живо рисовал бродяжную жизнь. В притонах рождались его первые стихи, исписанные ими листы серой бумаги посылались отцу, но долгое время не видели света. Отец бережно сохранял и стихотворение «Бурлаки» (1871), и очерк из жизни рабочих «Обреченные» (1874) и другие рукописи сына. Стихи переписывались поли-

тическими ссыльными и ходили по рукам. Рассказывая позже о своем прошлом, Гиляровский любил читать друзьям «Бурлаков» и удивлялся тому, что цензура изъяла их из «Забытой тетради».

Очерк «Обреченные» Гиляровский считает самым первым своим прозаическим произведением, хотя напечатан он был по настоянию Глеба Успенского лишь в 1885 году. С влажными от волнения глазами слушал Глеб Успенский этот очерк еще до его опубликования. «Ведь это золото! — говорил он автору. — Чего ты свои репортерские заметки лупишь. Ведь ты из глубины вышел, где никто не бывал, пиши, пиши очерки жизни! Пиши, что видел... Ведь ты показал такой ад, откуда возврата нет... Приходят умирать, чтобы хозяин мощну набивал, и сознают это и умирают тут же. Этого до тебя еще никто не сказал»¹).

В этом очерке Гиляровский без прикрас нарисовал живую картину мрачного быта, жестокой эксплуатации пролетариев. Хмуро, неприветливо выглядит белильный завод купца Копейкина, словно крепость, обнесенный высоким забором. Осторожным холодом веет от него. С разных концов России в поисках заработка стекались сюда нищие, голодные, бездомные — «обреченные» люди. Вскоре они начинали задыхаться, кашлять. Свинцовая пыль забиралась в легкие, чернели лица рабочих, глубже западали глаза. Отсюда у них оставалась одна дорога — в могилу: больше

¹) Вл. Гиляровский, Москва и москвичи. М., «Москов. рабочий», 1955, стр. 379.

двух-трех лет не выживали даже самые крепкие люди.

Каторжный труд на хозяина, который несколько не заботился об охране здоровья, надрывал силы рабочих, темнота слепила их, медленно росло сопротивление. Тяжело переживая смерть каждого товарища, рабочие злобно грозят хозяину: «Погоди уж ты!»

Очерк «Обреченные» — это действительно «зарисовка с натуры», потому что автор его на себе испытал адские условия каторжного труда на свинцово-белильном заводе в Ярославле. Это был живой человеческий документ. Очерк Гиляровского появился в «Русских ведомостях» в то время, когда общественность России занимал вопрос о развитии капитализма в стране, когда народники, типа Н. К. Михайловского, не хотели замечать русского пролетариата и его жалкого существования. Глеб Успенский видел, что до «Обреченных» никто еще так смело не говорил о пролетариях, не показывал его бедствий и эксплуатации.

Когда Владимир Гиляровский впервые после долгих скитаний приехал в Вологду в 1878 году, отец, поощрявший занятия сына литературой, преподнес ему подарок. Это была книжечка, вышедшая в Вологде еще в 1873 году, а в ней гимназическое стихотворение Гиляровского «Листок», напечатанное его учителем Прохницким. «Это еще больше, — вспоминает Гиляровский, — зажгло во мне уверенность писать...» Но в новых скитаниях и мытарствах не было времени для литературы, поэтому вплоть до 1881 года создать

что-нибудь значительное не удавалось. Лишь изредка, от случая к случаю, выходили из-под его пера небольшие стихотворения, песни, остроумные эпиграммы, но и они писались «для себя» и нигде не печатались.

Как-то в театре, где служил Гиляровский, появился редактор «Будильника» Н. П. Кичев, и Андреев-Бурлак заставил своего друга прочесть ему только что написанные стихи о Волге. Стихи понравились, и 30 августа 1881 года Гиляровский, жадно вдыхал запах свежей типографской краски, читал в «Будильнике» свои строки:

Все-то мне грезится Волга широкая,
Грозно-спокойная, грозно-бурливая,
Грезится мне та сторонка далекая,
Где протекла моя юность счастливая.
Помнится мне на утесе обрывистом
Дубы высокие, дубы старинные,
Стонут они, когда ветром порывистым
Гнутся, ломаются ветви их длинные...

Осенью этого же года, воодушевленный первыми успехами, он «окончательно бросил сцену и отдался литературе». Сначала печатал всякую мелочь в «Русской газете», а потом перешел на постоянную работу в «Московский листок», где и проходил суровую репортерскую школу. Работа в этой газете требовала большой энергии, выносливости, смелости и находчивости. «Трудный был этот год, год моей первой ученической работы, — рассказывает Гиляровский. — На мне лежала обязанность вести хронику происшествий, — должен знать все, что случилось в городе и окрестностях и не прозевать ни одного

убийства, ни одного большого пожара или крушения поезда»¹⁾).

И Гиляровский, обгоняя извозчиков, носился по Москве, с убийства на разбой, с пожара на крушение, лазил по крышам вместе с пожарниками, проникал в притоны, трущобы, сидел в трактирах, бродил по ярмаркам, во все вглядываясь, ко всему прислушиваясь, и всегда был в курсе городских новостей. Вскоре Гиляровский приобрел огромную популярность, стал «королем репортеров».

В 1882 году «Московский листок» напечатал его корреспонденции из Орехова-Зуева о громадном пожаре на фабрике Морозовых, во время которого пострадали сотни рабочих и члены их семей. Хозяева и полиция тщательно скрывали причины пожара, но Гиляровский, переодевшись в рваный пиджачишко, в стоптанные сапоги, проник на фабрику, под видом рабочего толкался в очередях по найму, в пивных и трактирах и выяснил истинную причину трагедии, — отсутствие элементарных жилищных условий в рабочих казармах. Его корреспонденции в «Московском листке» об этих событиях вызвали брожение среди рабочих. Перепуганные фабриканты жаловались на газету генерал-губернатору. Тот приказал арестовать и выслать автора корреспонденций. Издателю с большим трудом удалось скрыть имя «своего человека», наделавшего столько шуму и доставившего большие неприятности фабрикантам.

¹⁾ Вл. Гиляровский. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., «Федерация», 1928, стр. 257.

Вскоре после этих событий, в июне 1882 года, Гиляровский, оказавшись в компании с управляющим Московско-Курской железной дорогой, случайно узнал о большом крушении под Орлом, ставшем вскоре известным благодаря его корреспонденции под именем Кукуевской железнодорожной катастрофы. Ночью страшным ливнем была размыта насыпь, образовалась огромная подземная пещера, в которую вместе с людьми рухнул почти весь поезд. Грязь засосала трупы людей и обломки разбитого состава.

Все это держалось в строгом секрете, корреспонденты к месту события не допускались, но Гиляровский незамеченным проник в специальный поезд, в котором ехало на расследование железнодорожное начальство, и «Московский листок» был единственной газетой, впервые известившей своих читателей о трагических событиях, стоивших жизни сотням людей.

Две недели прожил отважный репортер в этой страшной могиле, присутствовал на раскопках даже ночью, дремал, сидя на обломках. При каждом показавшемся из земли трупе его будили, и о каждом шаге работ он извещал свою газету, посылая телеграммы о кукуевской катастрофе. За эти дни Гиляровский пропах трупным запахом, оброс, загорел до черна так, что брат Всеволода Гаршина, оказавшись на месте раскопок, ужаснулся, увидев его и тотчас же увез отдыхать в Спасское-Лутовиново, имение И. С. Тургенева.

За время многолетней работы в газетах имя Гиляровского не раз прогремело на всю

Россию, а газеты, где печатались его статьи, нередко раскупались нарасхват, так как там сообщалось то, что нигде нельзя было прочитать.

Около двухсот русских и иностранных корреспондентов съехалось на коронацию Николая II в 1896 году. «И я был единственным из всех, — не без законной профессиональной гордости вспоминает Гиляровский, — проводивший всю ночь в самом пекле ходынской катарстрофы среди многотысячной толпы, задыхавшейся и умиравшей на Ходынском поле».

Вечером, накануне коронации, он отправился на Ходынское поле. Там уже собирался народ, не только горожане и подмосковные крестьяне, но и жители дальних от Москвы мест пришли за грошевыми лакомствами — пряниками, орехами, пирогами, за коронационными кружками. С вечера поле уже было плотно усеяно народом, гудело на разные голоса. Начало светать. «Вдруг загудело. Сначала вдали, а потом вокруг меня. Сразу как-то... Визг, вопли, стоны... И все, кто мирно лежал и сидел на земле, испуганно вскочили на ноги и рванулись к противоположному краю рва, где над обрывом белели будки... Толкотня, давка, вой... А там, впереди около будок по ту сторону рва вой ужаса: к песку и глине вертикального обрыва выше роста человека прижали тех, кто первый устремился к будкам. Прижали, как к стене, а толпа сзади все плотнее и плотнее набивала ров, который образовал сплоченную массу воюющих людей... Кое-где выталкивали наверх детей, и они ползали по головам и плечам народа».

В этой спрессованной массе людей оказался и Гиляровский, он уже изнемогал от жажды, начал терять сознание, но последними страшными усилиями, пядь за пядью, вырывался из этой воющей, обезумевшей толпы и, оказавшись на свободе, упал у забора беговой аллеи, забылся. Утром на пожарных фургонах, собиравших трупы, Гиляровский вновь был на Ходынском поле, своими глазами видел ужасные последствия катастрофы, многие сотни раздавленных, изуродованных до неузнаваемости людей. А вокруг начинался, как выразился Гиляровский, «праздник над трупами», раздавались подарки, на эстрадах гремели оркестры, пели хоры песенников. Веселились в Москве и виновники ходынской катастрофы.

Единственная статья о Ходынке, которая появилась на другой день, была статья Гиляровского в «Русских ведомостях». Ее заглавие было набрано крупными буквами: «Ходынская катастрофа». Она что называется выскочила вовремя: другим газетам сейчас же запретили писать об этих событиях. Но Гиляровский уже сказал свое слово, и иностранные корреспонденты один за другим устремились на его квартиру, интервьюировали, ощупывали, фотографировали, восхищались им, что-то записывали.

Работа журналиста требовала от Гиляровского не только громадного физического напряжения, но и исключительной находчивости, сметки, оперативности. И «король репортеров» искусно делал свою трудную, подчас очень опасную работу.

Гиляровский-журналист никогда не испытывал недостатка в свежем материале. Завязанные московские газетчики отказывались соревноваться с ним в оперативности. Он всегда был в курсе самых неожиданных событий, начинен самыми свежими фактами жизни, готов был соглашаться на самые рискованные предложения редакцией тогдашних газет.

В 1899 году Гиляровский заведовал московским отделом газеты «Россия». Как-то его пригласили в Петербург на важное редакционное совещание, во время которого Амфитеатров сказал:

— Гиляй, нам для газеты позарез нужно сенсацию. Вся надежда на тебя.

— Все, что интересно будет в Москве, не прозеваю.

— Нет, надо что-нибудь эффектное, крупное, что Москва.

И Гиляровский предложил объехать дикую в то время Албанию, где еще нога европейца, по его словам, не бывала. Предложение было принято с восторгом, сейчас же отпустили средства на покупку оружия и лошади, необходимых для такого путешествия. Вернувшись в Москву, Гиляровский получил заграничный паспорт и через три дня выехал на Балканы. Будучи председателем «Русского гимназического общества», обладателем Большой золотой медали «Наибольшему витязю Душана Сильного», полученной во время олимпийских игр в Сербии в 1897 году, Гиляровский решил по пути заглянуть в Белград к своим друзьям, членам сербского атлетического общества. Как раз в это время, 24 июня в Бел-

граде было произведено покушение на сербского короля Милана. Кто-то прямо на центральной улице города выпустил в него четыре пули. В Сербии свирепствовал террор, улицы патрулировались, город был объявлен на осадном положении, радикалы и все, кто держался русской ориентации, арестовывались немецким ставленником королем Миланом, жители, объятые паникой, боялись сказать друг другу слово. «Мне было бесконечно жаль видеть, — пишет Гиляровский, — в таком терроре Белград, который так недавно я видел ликующим. Мне до слез было жаль сотни арестуемых.. И знал я, и видел, что Милан воспользуется обстоятельствами и передушит все лучшее. А что сделать?!» И Гиляровский с риском для своей жизни принимает решение — разоблачить немецкого ставленника Милана перед лицом мировой общественности.

Он составляет текст телеграммы, переписывает его латинскими буквами и посылает в редакцию своей газеты: «Милан придумал искусственное покушение с целью погубить радикалов. Лучшие люди Сербии арестованы, ожидают казни, если не будет вмешательства держав». На Белградском почтамте телеграмму, конечно, задержали, а автору ее грозила короткая и суровая расправа.

В ночь на 29 июня 1899 года во время страшного тропического ливня друзья из атлетического общества помогли Гиляровскому бежать, переправив его через бушевавший Дунай на венгерскую землю. С первой же венгерской пристани Гиляровский снова телеграфировал на родину:

«Оршава. 29 июня... В Белграде полное осадное положение. Установлен военно-полевой суд. Судьи назначаются Миланом Обреновичем. Лучшие, выдающиеся люди Сербии закованы в кандалы, сидят в подземных темницах. Редакция радикальной газеты «Одъек», находившаяся в оппозиции с Миланом, закрыта. Все сотрудники и наборщики арестованы. Остальные газеты, частью из страха, частью из низкого расчета, поют Милану хвалебные гимны. Если не последует постороннее вмешательство, начнутся казни. В. Гиляровский».

Уже на другой день телеграмма за подписью Гиляровского появилась на страницах газеты «Россия», а затем обошла европейскую прессу и вызвала «полное презрение к Милану». Иностранные державы действительно вмешались. Сам Милан вскоре после этих разоблачений навсегда исчез из Сербии. «Король московских репортеров» действительно вывел «на свежую воду» сербского короля, раскрыл его интриги. В эти дни, благодаря корреспонденциям Гиляровского, газета «Россия» имела исключительный успех, а «короля репортеров» чествовали на специальном обеде за этот «всемирный газетный бум», изменивший историю Сербии репортерской телеграммой.

Необычайно занятый газетной работой, Гиляровский не уставал расширять круг своих литературных интересов и знакомств, печатался в «Русской мысли», сотрудничал в юмористических изданиях («Осколки», «Будильник», «Развлечение»). При всем этом он оставался прежде всего газетчиком. Чехов, начинавший

вместе с Гиляровским почти в одних и тех же изданиях, уже в 1885 году считал, что его друг, как он его шутливо называл, «московский оберзнайка», сделался в последнее время «царьком московских репортеров»¹⁾. В одном из писем Чехов писал о Гиляровском: «Из этого человечины вырабатывается великолепный репортер»²⁾.

Как журналиста, Гиляровского всегда привлекали судьбы простых людей, он не устал выступать в их защиту, всегда интересовался социальной стороной дела и показывал подлинное лицо истинных виновников трагических для народа событий, поэтому его газетные выступления все чаще приобретали гражданское звучание, острый публицистический характер и привлекали внимание широкой общественности.

«Московский листок», в котором начал свою работу Гиляровский, не мог стать трибуной для журналиста, нередко выступавшего с резкими обличениями современных порядков.

Однажды в подмосковном селении Гуслицы и в некоторых деревнях Рязанской губернии Гиляровский столкнулся с кустарными артелями, производившими спички. Производство их было организовано примитивно, без всякой охраны труда и вредно сказывалось на здоровье рабочих, у них кровоточили десны, выпадали зубы, гнили и отваливались пальцы. Люди отравляли свой организм и погибали, но никто не обращал на это внимания.

¹⁾ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. XIII, М., Гослитиздат, 1948, стр. 127.

²⁾ Там же, стр. 141,

Гиляровский, сам испытавший на себе вредный труд на белильном заводе, был крайне возмущен таким бесчеловечием. Он решил непременно выступить в печати с обличением хозяев этих предприятий. Но редактор «Московского листка» не решался печатать статьи в защиту рабочих. Молодой журналист не успокоился на этом. Свои статьи он опубликовал в другой газете и все-таки добился запрещения спичечного производства таким варварским способом.

В конце концов Гиляровский вынужден был покинуть «Московский листок». Стремясь вырваться на просторы большой литературы, он становится в 1884 году сотрудником «Русских ведомостей», газеты, в которой печатались лучшие русские писатели. Позже Гиляровский сотрудничал в газетах «Россия», «Русское слово», но именно здесь, в «Русских ведомостях», он приобщился к настоящей литературе и начал с очерка «Обреченные» публиковать свои беллетристические произведения.

5

Когда Гиляровский примчался на лихаче к Сушевке, здесь уже пахло гарью, снег вокруг был покрыт сажей и ветер разносил клочья обгоревшей бумаги. С заднего двора полицейской части поднимался густой дым — жгли тираж книги, запрещенной цензурой.

Измытый и обгоревший лист, с оторванным «на самокрутку» углом, попал в руки автора. На нем было напечатано: «Вл. Гиляровский. Трущобные люди». Это была его первая кни-

га, подготовленная с большим трудом и любовью. С тех пор прошло больше семидесяти лет... Книга, набранная и отпечатанная в одной из московских типографий еще в 1887 году, увидела свет лишь в наши дни¹⁾).

Одно название этой книги — «Трущобные люди» — могло, по словам А. П. Чехова, напугать цензуру, а в книге было собрано пятнадцать рассказов и очерков — «Человек и собака», «Обреченные», «Каторга», «Последний удар», «Потерявший почву»... Все они печатались раньше в газетах и журналах, но собранные вместе приобретали обобщающий смысл, составляли цельную и мрачную картину бедствия и нищеты народа, униженного и задущенного эксплуатацией, выброшенного «на дно» жизни, в трущобы.

А. П. Чехов, знакомясь с уцелевшим у автора экземпляром «Трущобных людей», говорил Гиляровскому: «В отдельности могли проскочить и заглавия и очерки, а когда все вместе собрано, действительно получается впечатление беспросветное... Все гибнет и как гибнет!»²⁾).

Книга о «трущобных людях» открывается очерком «Человек и собака». С большой любовью раскрывает писатель тяжелую участь совсем одинокого, бездомного, потерявшего свое имя старика-бродяги из холодной северной губернии. Опустившись на дно, в трущобы старой Москвы, он, подобно горьковскому

1) Вл. Гиляровский. Трущобные люди. Этюды с натуры. М., Гослитиздат, 1957, 128 стр.

2) Вл. Гиляровский. Москва и москвичи. М., «Москов. рабочий», 1955, стр. 456.

Клещу, еще надеется подняться, вырваться из подвалов, приютивших его. Но Гиляровский не видит выхода для людей, смилившихся с бродяжной жизнью.

Единственного друга старика-бродяги собаку Лиску поймали «ловчие» и поместили в «собачий приют». Некому теперь, как раньше, греть ноги совсем одинокому бездомному старику, не с кем и словом перемолвиться. Но, тоскуя, он счастлив тем, что другу его живет тепло и сытно. Так и замерз бродяга на льду Москва-реки с нехитрыми своими мечтами.

«А кому нужен этот бродяга по смерти? — спрашивает писатель, заканчивая рассказ. — Кому нужно знать, как его зовут, если при жизни-то его безродного, бесприютного, никто и за человека с его волчьим паспортом не считал... Никто и не вспомнит его! Разве когда будут копать на его могиле новую могилу для какого-нибудь усмотренного полицией «неизвестно кому принадлежащего трупа» — могильщик, закопавший не одну сотню этих безвестных трупов, скажет: «Человек вот был тоже, а умер хуже собаки!..» — Хуже собаки!..»

Бездомный бродяга из рассказа «Человек и собака» — одна из многих жертв нищеты и бесправия, бесчеловечных социальных отношений, царящих в буржуазном обществе. Не находя выхода, гибнут и другие герои «этюдов с натуры» Гиляровского. Спивается лакей Спирька («Спирька»), вышиблен из жизни талантливый актер Ханов («Балаган»), жертвой трущобы становится бывший военный Иванов («Потерявший почву»), попадает в публичный

дом Екатерина Казанова («Грезы»), на одиночество и скитания обречен солдат Воронов («Без возврата»). Печальна судьба и нищего вологодского крестьянина Никиты Ефремова («Один из многих»), отправившегося на заработки в Москву, так как «дома хлебушка и без его рта не хватит до нового». Раздетый и голодный, бродил он долго по Москве в поисках места, ночевал в зловонных притонах, несправедливо был обвинен однажды в воровстве и посажен в тюрьму.

С суровой реалистичностью, с большим знанием жизни и быта народных низов рисует Гиляровский московские трущобы и их обитателей, раскрывая те социальные условия, которые морально опустошают человека, порождают босячество. Прослеживая судьбы своих героев, писатель показывает трагическую безысходность их нищенского существования, обездоленность народных низов в мире капиталистической наживы. Герои его рассказов и очерков — жертвы эксплуатации, произвола, унижения человеческой личности. Положение этих людей поистине беспросветно. Жизнь уродует их, ломает, опустошает, и люди падают и гибнут под ее жестокими и неумолимыми ударами. Это уже «бывшие люди», «трущобные люди». Но даже на дне они не утрачивают подлинно человеческих качеств. Сила обличения сочетается у писателя с горячей симпатией к трудолюбивому и талантливому русскому народу, с показом его мужества и человечности, с верой в его будущее.

«Радуюсь за Гиляровского, — писал А. П. Чехов. — Это человечина хороший и не без

таланта... Книжку его конфисковали еще в ноябре за то, что в ней все герои — отставные военные — нищенствуют и умирают с голода. Общий тон книжки уныл и мрачен...».

Судьба «сожженной книги» тяжело сказалась на судьбе Гиляровского как писателя. Н. Телешов вспоминает: «Он рассердился, что писателю не дают заниматься своим прямым делом, и в ответ открыл контору объявлений и разразился по тем временам необычайной рекламой»¹⁾. На пролетках извозчиков, в окнах магазинов, даже в Кремле на царь-пушке появились яркие круглые объявления, извешавшие о конторе Гиляровского. Не зная куда девать энергию, он основал «Русское гимнастическое общество», где показывал чудеса ловкости и своей редкостной, исключительной силы.

Испытав неудачу с изданием первой книги, Гиляровский решил выступить как поэт. Он собрал стихи разных лет и в 1894 году издал сборник «Забывтая тетрадь», со страниц которого опять-таки встал образ поэта-бродяги. В стихотворении «Бродяга» Гиляровский пишет:

Не смейтесь, что все я о воле пою:
Как мать дорогую, я волю люблю...
Не смейтесь, что пел я о звуке оков,
О скрипе дверей да о лязге штыков...
О холоде, голоде пел, о беде,
О горе глубоком, и горькой нужде.

Жажда свободы, мотивы желанной вольности определяют содержание лучших стихо-

¹⁾ Н. Телешов. Записки писателя, М., «Сов. писатель», 1950, стр. 22.

творений Гиляровского. Их герой тоскует по воле, рвется из душного каменного города на широкие степные просторы, на берега раздольной могучей Волги и вольного тихого Дона.

Особенно часто Гиляровский обращался к темам казачьей вольницы, любуясь непокорностью, удалью и отвагой русского народа. В поэме «Запорожцы» он рисует образы своих свободолюбивых, отважных предков из Запорожской Сечи.

С детства был близок и дорог поэту образ народного борца и заступника Степана Разина. Он вставал перед ним особенно часто в годы бурлачества и скитаний по Волге и Дону. Здесь сама природа остро напоминала о Разине. Уже тогда складывались строфы поэмы «Стенька Разин», завершенной Гиляровским в 1888 году, но полностью опубликованной лишь в советское время. Поэт не склонен поэтизировать стихию разинского движения, он видит и силу его и слабости. Открывая поэму прологом, Гиляровский указывает на зрелость Разина, на осознанность его решения расправиться с царями, недругами народа, угнетателями. Разин полон решимости и бескорыстия в борьбе за свободу.

Поэма о Разине принадлежит к числу лучших поэтических произведений Владимира Гиляровского.

Однажды во время прогулки на пароходе по Волге он прочел Горькому всю эту поэму, а потом прислал из Москвы сборник «Забытая тетрадь», где были опубликованы две главы поэмы, случайно пропущенные цензурой.

«Разин — здорово! и красиво!»¹⁾ — писал в ответ Горький.

Во многих своих стихотворениях из «Забытой тетради» Гиляровский мечтает о скором приходе солнца и счастья на его землю, верит, что наступит желанное время и «разгонит мрак нависших туч». Но вместе с тем чувства усталости и неверия берут иногда верх. Былые мечтания, по словам поэта, «разбились в прах», он разучился мечтать о счастье. «Дальше оказывается, — писал Горький, — что у т. Гиляровского нет.

В мозгу ни дум, ни веры, ни сомнений»²⁾.

Стихи Гиляровского к тому же не обнаруживали самобытного поэтического дарования. Горький дал отрицательную оценку второму изданию «Забытой тетради», да и сам Гиляровский вряд ли был удовлетворен своей поэтической работой. Не она определяла его творческое лицо, его поиски и возможности.

Отдавшись с новой силой репортерству, он метался в поисках живого жизненного материала: то слал с берегов Дона в «Русские ведомости» корреспонденции о свирепствовавшей там холере, то объезжал гоголевские места на Украине и, собрав интересный материал, издал книгу «На родине Гоголя» (1902), то в качестве корреспондента «Русского слова» отправился на Балканы и печатал статьи о торжествах по случаю 25-летия со дня русско-турецкой войны, а потом выпустил книгу «Шип-

¹⁾ Вл. Гиляровский. Москва и москвичи. М., «Москов. рабочий», 1955, стр. 440.

²⁾ М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23. М., Гослитиздат, 1953, стр. 86.

ка прежде и теперь» (1902), то писал гневные статьи о русско-японской войне, разоблачая царских интендантов, наживавшихся на бедствиях народа. Работа журналиста требовала колоссальной энергии и почти не оставляла времени для беллетристики. Лишь в 1900 году Гиляровский выпустил новую книгу своих рассказов — «Негативы», а затем в 1909 году другой сборник — «Были», вобравший в себя рассказы за три пятилетия его творческой работы (1883—1908). Посылая «Негативы» одному из вологодских знакомых, Гиляровский писал:

Здесь все: тревоги и мечтанья,
Порывы прежних бурных дней,
Народа горькие страданья
И беды юности моей!

В «Негативы», как и в «Были», Гиляровский включил значительную часть автобиографических рассказов, связанных с воспоминаниями детства, с годами скитаний по России («Надюшины цыплята», «Дядя», «В огне», «Преступление»), но эти рассказы были далеки от его основных творческих интересов. Он по-прежнему стремился писать о народных страданиях и бедствиях, о «трущобных людях», выброшенных за борт жизни, но цензурные условия не позволяли делать то, что было по душе писателю, поэтому приходилось смягчать откровенные выражения в ранее опубликованных рассказах, давать их под нейтральными названиями («Человек и собака» — «Бродяга», «Обреченные» — «Свинец», «Без возврата» — «Часовой», «Один из

многих» — «Обыкновенный случай», «Потерявший почву» — «Некуда»).

В рассказе «На плотях» (1888) писатель вновь обращается к своей теме. Он рисует быт плотовщиков, их тяжелый труд, показывает на судьбе багорщика Никиты разорение деревни, бедственное положение крестьянина. Еще недавно Никита жил своим хозяйством, а теперь распалась его семья, младшие дети умерли «от горла» и «от живота», старший сын ушел в город и погиб в его трущобах. Стоит теперь в деревне почерневшая изба с соломенной крышей, наполовину съеденной коровенкой. Уходя в плотовщики, чтобы прокормить себя и старуху, Никита оставляет значительную часть заработка в московских трактирах. Он уже на пути в трущобы.

Некоторые рассказы Гиляровского о судьбах обездоленных, выброшенных из жизни людей раскрывают отчаяние психологически надломленного человека, окрашиваются настроениями грусти, тоски. Такие лирические, идущие от автора интонации нередко определяют содержание и структуру его рассказов («Там, где-то...», «Нумер седьмой», «Беглый», «Ураган», «Песня»).

В 1912 году в Москве вышла еще одна книга дядя Гиляя — «Шутки». В ней писатель собрал рассказы иного плана. Это — совсем «осколочные» зарисовки шуточного, подчас фельетонного характера. Гиляровский дает бытовые сценки из жизни купцов и московских обывателей, военных и полицейских, актеров и газетчиков, раскрывает невежество купечества («Рассказ купца о «Фаусте», «Лу-

коперия Грандифлера»), глупое положение полиции и царских чиновников («Следствие», «Макарка»), наглое обирательство торговцев («Готовая обувь») и дворников («Старший дворник»). Но писатель не ограничивается бытовыми зарисовками, он рисует и едкие сатирические картины. Рассказ «Доморощенный Треф» — довольно злая сатира на мещанский быт полустанка Терпиловка Ново-запихайловской железной дороги, на это болото трясиное, которому нет конца краю. Здесь никто никогда не читал газет и не интересовался тем, что происходит за полустанком, слышали как-то случайно о какой-то забастовке, но знать о ней не хотели, потому что «своего горя было много — у кур в это время была повальная болезнь, от которой они крутились по двору и падали мертвыми». «Сама же Ново-запихайловская дорога не бастовала, — с иронией пишет Гиляровский, — и продолжала возить щепной товар и молоко. Попались случайно несколько номеров газеты от проезжих пассажиров, но в них были напечатаны такие страшные вещи, что жандарм и начальник станции предали их уничтожению, почти не читая»¹⁾.

В рассказе «Лукоперия Грандифлера» высмеивается кичливый купец Костыгин, ошеломляющий своих посетителей «научными» названиями цветов. Названия эти он сочиняет на ходу, а один из цветов сада в честь своей дорожной супруги «купчихи неохватной» Лукерыи он громко назвал «Лукоперия Грандифлера».

¹⁾ Дядя Г и л я й. Шутки. М., 1912, стр. 17—18.

«Осколочные», «шутейные» рассказы дяди Гиляя насыщены меткими жизненными наблюдениями. Чуткий к живой разговорной народной речи, Гиляровский умел подслушать ее и заботливо сохранял в своих рассказах сочные и острые народные выражения и диалоги.

Вскоре грянула первая мировая война, и Гиляровский вновь выступил как поэт. Он издал три книги стихов: «Казачи» (1914), «Год войны» (1915), «Грозный год» (1916). Но вошедшие в них «ультрапатриотические» стихи не были оригинальны ни по форме, ни по содержанию.

Как беллетрист Гиляровский не мог вернуть свой талант в жестоких условиях царской цензуры. Он то переключался на поэзию, то совсем замолкал. Только Великая Октябрьская революция дала ему возможность откровенно рассказать о том, что он видел за годы своей жизни.

6

Задолго до революции в одном из стихотворений Гиляровский писал:

Не бойтесь, хоть ветра напевы унылы...
Надейтесь — воспрянут могучие силы,
Весна золотая придет!

Вера в могучие народные силы, ожидание «весны золотой», знание истинного положения обездоленных людей — все это и привело Гиляровского к горячему восприятию Октябрьской революции. Начался самый плодотворный период в его творческой жизни. Гиляров-

ский напряженно работал даже в суровые годы гражданской войны. В декабре 1917 года он закончил и читал друзьям поэму «Петербург», а вслед за этим готовил к печати поэму о своем любимом герое Степане Разине.

Автор этой поэмы, по словам К. Паустовского, встретил революцию как «разворот русского бунтарского духа» и «искал ее истоки в разинщине, пугачевщине, в крестьянских бунтах и «красных петухах»¹⁾. Это одностороннее восприятие революции и нашло отражение в его поэтических работах этих лет и особенно в поэме «Петербург».

Несмотря на преклонный возраст, Гиляровский был полон молодой энергии, горячо приветствовал новую жизнь и активно сотрудничал в советской печати («Известия», «Вечерняя Москва», «Прожектор», «Огонек» и др.). За день он успевал иногда побывать в нескольких редакциях — то сдаст статью, то расскажет о старой Москве, то одобрит начинание нового поколения литераторов.

Вездесущий старик появлялся в редакциях, как вспоминает К. Паустовский, неожиданно, перекрывая всех своим гремющим хрипловатым голосом. «— Молокососы!.. — кричал он нам, молодым газетчикам. — Трухлявые либералы! О русском народе вы знаете не больше, чем эта дура мадам Курдюкова... От газетного листа должно разить таким жаром, чтоб его трудно было в руках удержать. В газете должны быть такие речи, чтоб у читателя спирало

¹⁾ К. Паустовский. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1958, стр. 604.

дыхание. А вы что делаете? Мямлите! Вам бы писать романы о малокровных девицах. Я знаю русский народ. Он вам еще покажет, где раки зимуют!.. Можно, конечно, делать политику и за дамским бюро на паучьих ножках. И проливать слезы над собственной статьей о русском мужике. Да от одного мужицкого слова всех вас схватит кондрашка! Тоже народники! Прощайте! Другим разом зайду. Сейчас что-то неохота с вами балакать» ¹⁾).

И он уходил устраивать очередной разгром в другой редакции. Газетная молодежь любила Гиляровского «за его шумную талантливость, неистощимую выдумку». Он был для нее живым олицетворением русского размаха и доброты, народной смекалки и лукавства.

Гиляровский не мог жить только воспоминаниями о прошлом, он смело шел навстречу новой жизни, искренне радовался ей, был чуток и отзывчив на все современное. «...Все еще лихой, бравый, — вспоминает В. Лидин, — гордый своей не поддающейся времени выправкой, с суковатой палкой в руке, он тянулся к молодым, он не хотел отставать..., не сдавался: он шел туда, где были люди, он еще шумел, похохатывал, рассказывал случаи из долголетней своей жизни, «одалживал» табачок, иногда сгибал руку, чтобы пощупали мускулы, — весь в сегодняшнем дне и меньше всего в прошлом» ²⁾).

¹⁾ К. Паустовский. Собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1958, стр. 602—603.

²⁾ Вл. Лидин. Люди и встречи. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 58.

Старый писатель спешил сделать то, что не успел сделать за многие годы своей бурной и беспокойной жизни. Не зная отдыха, он отдавал теперь свои последние силы только литературе. В доме Гиляровского и на даче, как и прежде, собирались его давние, старые и новые, молодые друзья. На этих душевных беседах он рассказывал о жизни, о тех, с кем дружил, встречался, работал рядом, бок о бок. Эти рассказы доставляли и автору и слушателям большое удовольствие. Оставаясь один, Гиляровский записывал их почти теми же словами, как рассказывал. Все, что сохранила его удивительная память, все, что когда-то было записано на ходу, иногда даже на крахмальных манжетах, — все это нужно было теперь привести в систему, рассказать живо и образно. «Я просто беру людей, события, картины, как их помню, — говорил Гиляровский, — и подаю их в полной неприкосновенности, без всяких соусов и гарниров». Но в этих его словах еще не вся правда. Он никогда не был «кабинетным писателем», а эта работа требовала большой усидчивости, тщательной шлифовки композиции и слова.

Одна за другой выходили из-под пера Гиляровского книги — «От Английского клуба к музею Революции» (1926), «Москва и москвичи» (1926), «Мои скитания» (1928), «Записки москвича» (1931), «Друзья и встречи» (1934). Книги, над которыми работал в последние годы жизни, ему уже не суждено было увидеть: «Люди театра» (1941) вышли после смерти Гиляровского, а «Записки репортера» долго оставались неопубликованными.

Все эти книги, собственно, очень тесно связаны между собою. Они и тематически близки, их сближают и общие герои, и переплетающиеся события — это книги об одной эпохе и в центре их — образ летописца этой эпохи, самого Гиляровского. Кроме того, и создавались эти книги почти одновременно, а не одна за другой, и лишь по мере накопления близких по замыслу и по теме очерков, писатель объединял их одним названием и издавал.

Гиляровский считал себя москвичом и гордился этим. Он был великолепным знатоком древней русской столицы, ее бытописателем. Гиляровский собрал и сохранил для поколений любопытнейшие истории о людях Москвы, о ее улицах и площадях, бульварах и парках, булочных и парикмахерских, банях и рынках, художественных и артистических кружках, великолепных особняках и грязных трущобах, дворянских клубах и шулерских притонах, «дворцах обжорства» и захудалых трактирах.

Еще в книге «От Английского клуба к музею Революции» Гиляровский обратился к изображению московского быта. Эта тема постоянно волновала писателя и становилась главной в его творчестве советских лет («Москва и москвичи», «Записки москвича»).

Гиляровский стремился показать связь дна древней столицы с жизнью светлых высоких палат. Изображая быт особняков бывших хозяев царской России, он, как никто, хорошо знал, что среди храмов и дворцов ютится нищета. Гиляровский не был бесстрастным регистратором событий и бездушным бытописа-

телем. Он видел социальное неравенство в мире наживы, показывал безудержный разгул дворянской и купеческой Москвы и все ужасы буржуазного города, гибель одаренных людей в его трущобах. С душевной болью писал Гиляровский о трагических судьбах «трущобных людей», обитателей ночлежек, жителей Хитрова рынка и Цветного бульвара, нищих мастеровых и ремесленников «Олсуфьевской крепости», спившихся драматургов и артистов из «Собачьего зала», барышниках из трактира «Пересыльный», карманниках из «Сибири», крупных шулерах из «Каторги».

В трущобах находили приют «обратники», бежавшие из Сибири и из разных тюрем. Здесь жили семьями, любили, женились, растили детей. Отсюда уже не было выхода в иной мир: мальчики, подрастая, становились ворами, девочки — проститутками.

Гиляровский был частым гостем московских трущоб, тысячи людей погибли здесь на его глазах, и велика была радость писателя, когда советская власть навсегда покончила с этими гнойниками буржуазного мира.

Уходящая, старая Москва, Москва Гиляровского — это для автора «Москвы и москвичей» фон, который должен оттенить величие новой, растущей Москвы. словно перед пушкинским Пименом, проходит перед ним минувшее. Вспоминая об этом летописце, Гиляровский считал себя несравненно богаче. «На пестром фоне хорошо знакомого мне прошлого, где уже умирающего, где окончательно исчезнувшего, — писал он, — я вижу растущую не по дням, а по часам новую Москву. Она

ширится, стремится вверх и вниз, в неведомую доселе стратосферу и в подземные глубины метро, освещенные электричеством, сверкающие мрамором чудесных зал... Там, где недавно, еще на моей памяти, были болота, теперь — асфальтированные улицы, прямые, широкие. Исчезают нестройные ряды устарелых домишек, на их месте растут новые, огромные дворцы. Один за другим поднимаются первоклассные заводы»¹⁾).

Невиданные силы нужны были, чтобы старая Москва выросла в первый город мира. «Это стало возможно, — говорит Гиляровский, — только в стране, где советская власть». Он считает, что новые поколения людей, не знавшие «каких трудов стоило их отцам выстроить новую жизнь на месте старой», «должны узнать, какова была старая Москва и какие люди бытовали в ней». И сознание того, что его работа полезна и значительна, делало писателя молодым и счастливым.

Из всех книг, написанных Гиляровским, самой его любимой была автобиографическая «повесть бродяжной жизни» — «Мои скитания». В эту повесть он вложил самого себя, рассказав о человеке, много повидавшем на своем веку. Гиляровский рисует яркие картины детства, гимназического быта, политическую ссылку Вологды 60-х годов, судьбы последних бурлаков на Волге, тяжелый труд грузчиков и рабочих белильного завода, изнурительную службу солдат и скитания провин-

¹⁾ Вл. Гиляровский. Москва и москвичи. М. «Москов. рабочий», 1955, стр. 9.

циональных актеров, военные события на Кавказе и быт столицы.

Почти хронологически излагая свою биографию, писатель не ограничивается повествованием о себе. «Мои скитания» — это не только бродяжная жизнь Гиляровского, это — скитания многих людей, подобных ему. Образ автора в повести — не только ее главный персонаж. Он еще и активный свидетель тех событий, которые он описывает, той жизни, которой жил он сам и люди, окружавшие его. Гиляровский пишет о времени, о своих современниках — о «трущобных людях», о «людях театра», о москвичах и людях, живущих в провинции, о своих многочисленных друзьях разных лет. Со страниц книги встают образы простых людей — беглый матрос Китаев, бурлак Костыга, атаман Репка, солдат Орлов, нищие актеры, бедные газетчики — и у каждого из них своя судьба, свой путь в жизни.

В «Друзьях и встречах» рассказчик еще больше отодвигается на задний план, повествуя прежде всего о своих современниках, безвестных и знаменитых. В этой книге Гиляровский создает яркие портреты Льва Толстого, Чехова, Глеба Успенского, Брюсова, Саврасова, пишет о людях, сыгравших когда-то свою роль в истории спорта, рисует типы газетчиков и обитателей дна. И все эти люди даются писателем в самой обычной будничной, житейской обстановке.

Значительный период жизни Гиляровского был связан с театром. О своих театральных скитаниях, о тех, с кем встречался и дружил в это время, он и рассказал в книге «Люди

театра», назвав ее «повестью актерской жизни». Ею он как бы продолжил «повесть бродяжной жизни». На фоне того времени, когда театры, по словам Гиляровского, еще освещались керосиновыми лампами, он рисует фигуры своих современников, быт тружеников сцены.

«Люди театра, — писал Гиляровский, — это те, которые живут театром, начиная от знаменитых актеров и кончая театральными плотниками и даже переписчиками пьес и ролей, ютившимися в ночлежках «Хитровки...». «Люди театра» — это повесть, только с настоящими именами, датами и местами действия, повесть о действительных событиях, со списанной с натуры обстановкой, с рядом описаний картин или записанных тогда по горячим следам в форме дневников, писем или воспоминаний, вынутых из памяти автора — действующего лица, представляющего собой одного из «людей театра».

Гиляровский рассказывает, что в старые времена в театр не поступали, а попадали, как попадают под суд, под поезд, в тюрьму. Привлекали вольная жизнь, заманчивое будущее! За кулисами актеры не делились на «великих» и «мелкоту». Несмотря на постоянную нужду и скитания, те и другие были убеждены в том, что они люди особенные — люди театра. На сытых обывателей актеры смотрели с высоты своего призрачного величия.

— Горд я, Аркашка, — говорил Несчастливцев, шагая пешком из Керчи в Вологду, встретив Счастливецва, шагавшего из Вологды в Керчь....

И пошли вместе старые друзья Гиляровского трагик Николай Хрисанфович Рыбаков и комик Александр Дмитриевич Казаков, с которых писал Островский героев своего «Леса», — один огромный, в рваном плаще, перекинутом через плечо, в порыжевшей на солнце широкополой шляпе, другой — маленький, тощий, в женской кофте, в рваных ботинках, из которых пальцы наружу глядят. С любопытством разглядывают их арестанты, встреченные на пути. Один толкает другого в бок:

— Глянь-ка, актеры! Гы... гы!

— Не смейся, щенок! Может, сам хуже будешь!

Гиляровский любил театр, жил им, знал и понимал тех, кто отдавал ему душу — всю жизнь. В его книге — целая галерея людей — от безвестных перелетных птиц, таких, как скромный, рядовой провинциальный актер Вася Григорьев, который охотно и добросовестно делал все, что ему поручали, до таких великанов, как В. Н. Андреев-Бурлак, А. И. Южин, К. С. Станиславский, М. Н. Ермолова. Тепло вспоминает Гиляровский и об известных провинциальных актерах М. П. Докучаеве, В. П. Далматове, Ф. К. Вольском и о столичных знаменитостях Михаиле и Прове Садовских, А. А. Бренко, М. И. Писареве, А. Я. Глама-Мещерской.

В январе 1935 года были написаны последние строки этой книги, предисловие к «Людям театра», и Гиляровский был уже в новой работе, завершал «Записки репортера», писал поэму о В. И. Ленине, восторженные стихи о челюскинцах, о советской молодежи.

Последние годы жизни писатель с острой тоской вспоминал о русском севере, о своей еще в молодости покинутой родине. Он искал встреч с северянами, с жадностью выслушивал их рассказы о прелестях родного края, сам мечтал съездить на родину. «Буду отдыхать в первый раз в жизни целое лето без работы, — сообщал Гиляровский писателю-северянину А. Н. Зуеву в июне 1934 года, — в первый раз после 60 лет с лишком непрерывной работы. И уже сейчас на этом первом письме тебе, которое само пишется, я отдыхаю. Мне грезится мое детство беззаботное среди северных вологодских лесов, радостно вспоминаются наши лыжные зимы и ягодные, жаркие и короткие лета.. Судьба меня бросила на Волгу, в степи задонские табунные, на Дунай, на Балканы, на Кавказ...

И с той поры я больше не видел прекрасного, то тихого, то грозно-морозного Севера — и вот сейчас., предвкушая грядущее лето отдыха, полного отдыха, уже заранее охваченный поэзией, я вдохновляюсь воскресающими предо мной кусочками красочного детства и первых дней юности, картинками, которые сейчас перед тобой, в твоём Шенкурске...

Морошка золотом на солнышке сверкает,
Рубинами под осень искрится брусника,
Весной луга румянит земляника,
А летом по лесам благоухает
Неповторимая нигде на свете поляника,
Ей родина лишь севера холодная земля.
Что ананасов Сингапурские поля
В сравненьи с ней? Что пальмы? Что кокосы?
Лиан ползучих спутанные косы,

Лимоны, апельсины, в Ганге лотос свежий
Живое украшение тропиков долины?!
Все это не сменяю я на след медвежий
В глуши родных лесов на зарослях малины!..
Там детство я провел. Там родина моя...»¹⁾.

Тревожный, беспокойный характер не давал писателю отдыха, бросал его из конца в конец земли, и теперь, на закате дней, он тоскует, воскрешает в своей памяти поэзию детства, радуется, что его молодой друг еще застанет желтеющие северные луга и их, эти «золотые бубенчики, дикие розы холодного севера». Он просит поклониться от него родному краю, северному «солнышку, и тучам, и лесам дремучим».

А в другом письме, уже незадолго до смерти, Гиляровский писал А. Н. Зуеву: «А я, дорогой мой, скучаю, ах как скучаю. Загляни на минутку. Вот сейчас ясный, светлый день, 2 часа, а я все-таки вижу все в тумане. Принесли газету, но буду читать только заглавия — буквы мне не ясны!»²⁾. И тут же жалеет, что не может проехать на метро, и радуется, что был первым литератором, спускавшимся в его шахты.

Скованный болезнью, почти потерявший зрение, он «остался литератором до своего последнего часа»³⁾. Выработанная годами воля

¹⁾ Из письма В. А. Гиляровского А. Н. Зуеву. Москва, 15 июня 1934 г. Вологодский областной краеведческий музей, 9794/1.

²⁾ Из письма В. А. Гиляровского А. Н. Зуеву. Москва, 1935. Вологодский областной краеведческий музей, 9794/2.

³⁾ Вл. Лидин. Люди и встречи. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 60.

и перед смертью не отказала ему. Ночами, страдая жестокой бессонницей, почти восьмидесятидвухлетний старик писал стихи, складывал бумагу гармошкой, нащупывал в темноте очередную складку, чтобы одна строка не наехала на другую.

В ночь на 2 октября 1935 года Гиляровский скончался... Образ этого цельного, подлинно русского по своему духу, чистого сердцем человека остался жить в его книгах. Большой знаток своего времени, связавший собою две разные эпохи, он талантливо и правдиво рассказал «о времени и о себе».

1958 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Из родников жизни	5
Путь к зрелости	55
Эстафета поколений	83

II

Поэт эпохи Лермонтова и Кольцова . . .	115
Засодимский и его «Хроника села Смурина»	162
Жизнь и книги «дяди Гиляя»	198

Виктор Васильевич Гура
ИЗ РОДНИКОВ ЖИЗНИ

Редактор *В. М. Малков*
Техн. редактор *С. И. Соколова*
Художник *П. Ф. Макаров*

*

ГЕ00382.

Подписано к печати 3.6.64 г.
Бумага 70 × 92¹/₃₂. Бум. л. 3,87.
Печ. л. 9,06. Уч.-изд. л. 8,94.
Тираж 4000. Заказ 2724.
Цена 46 коп.

*

Областная типография,
Вологда, ул. Калинина, 3.

*

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
	3		
39	сверху	Он спрашивает	Она спрашивает
	15		
52	сверху	признание	призвание
	4		
224	снизу	измытый	измятый

В. Г у р а. Из родников жизни.